литература и жизнь \ 2014 \ № 3–4 (24–25)

проталина

дух дышит, где хочет

Уже много лет одна из главных тем «Проталины» — неизвестные страницы Великой Отечественной войны — получает отклики, воскрешает забытые имена. Наш постоянный автор Ирина Филатова продолжает присылать материалы, собранные ею в результате многолетнего поиска и работы с военными архивами. Она исследовала долго замалчиваемую историю гибели советских летчиков, перегонявших американские самолеты в помощь фронту по сверхсекретной трассе АЛСИБ. По негласной традиции постоянного запрета многое запиралось в архив, а что-то было упущено или уничтожено.

И вот новый отклик. Дала о себе знать сестра без вести пропавшего летчика с этой трассы, старшего сержанта Ивана Васильевича Иванова. Клавдия Васильевна Михайлова живет в украинском городе Виннице, ей 88 лет. Судьба брата наконец-то прояснилась. Он погиб под Калачинском Омской области. Архивы молчали 71 год!

*Этот номер осуществлен
при поддержке Администрации
муниципального образования
«город Екатеринбург».
Журнал реализует свой проект
«Доброе чтение во имя любви
к Родине, к своей истории
и к родному русскому Слову»*

Подписка — 2015
по объединенному каталогу «Пресса России»

Подписной индес «Проталины» 42333

Условия оформления подписки на журнал вы найдете в каждом отделении почтовой связи в объединенном каталоге «Пресса России» (1 том, зеленая обложка) на страницах, отмеченных в тематическом и алфавитном указателях

Подписка — 2015
в группе компаний «Урал-Пресс»

С помощью этой компании подписаться на журнал можно с любого месяца. Сформируйте заявку и отправьте ее в офис агентства «Урал-Пресс» (www.ural-press.ru) в вашем городе

Адрес журнала в Интернете: www.protalina.com
Там вы можете найти дополнительную информацию о нас

Культура тоже нуждается в защитнике

Журнал выходит в свет благодаря постоянной помощи наших спонсоров

«Проталина»

ООО «СВЕЙ»
г. Екатеринбург

Производство, проектирование, монтаж, наладка оборудования для энергетических и промышленных предприятий

www.aura-e.ru

содержание

долги наши

Светлана Марченко
Елена Минакова (фото автора)
Испытания для Одиссея
Встреча с этим человеком открывает мир, совершенно закрытый для людей, которым дана судьбой возможность полноценной жизни. Колясочник Одиссей Маклаков еще раз доказал, что можно противостоять любым невзгодам и человеческому коварству — он просто занимается любимым творчеством, несмотря ни на что.
Это урок всем нам не быть равнодушными и вовремя замечать тех, кто в нас нуждается.
6

узлы истории

Ирина Филатова
Суровая страда поисковых отрядов
Страницы Любанской истории под Ленинградом, где во время Великой Отечественной войны проходили тяжелые сражения, не дают покоя. Наш постоянный автор Ирина Филатова, поисковик и исследователь военных архивов, побывала на Вахте памяти в местах трагических событий. Она рассказывает о встречах с родственниками погибших героев и о проблемах в бескорыстном труде поисковиков-добровольцев.
12

Эхо наших публикаций
Вот уже много лет одна из главных тем нашего журнала — неизвестные страницы Великой Отечественной войны — получает отклики, воскрешает забытые имена, восстанавливает справедливость.
Опубликованные в «Проталине» материалы Ирины Филатовой помогли установить реальную картину событий и имена погибших. Благодаря ее поиску на постаменте безымянной могилы летчиков в городе Калачинске Омской области была установлена плита с именами захороненных. И вот в мае 2014 года из украинского города Винницы пришла весть от родственников одного из героев, о судьбе которого они не знали почти 70 лет.
Подробнее обо всем этом читайте на наших страницах.
22

Александр Копырин
Неотступные разведчики забытого прошлого
Следа от них нет на современных картах и планах, многие из них не обозначены и на старых бумагах, дошедших до наших дней. Но места эти и жизнь их обитателей остались в памяти старожилов, в легендах и рассказах. Неутомимый краевед из уральского города Асбеста Александр Копырин рассказывает о том, как ему и его товарищам-поисковикам удалось отыскать следы двух некогда существовавших и исчезнувших поселков.
30

Иван Марков
Смутные лики манящей свободы
Дневник известного вятского подпольщика, пережившего эмиграцию и вернувшегося в 1917 году на Родину. Он верил делу революции, но судьба его не сложилась счастливо, и жизнь оказалась короткой.
40

Борис Галязимов
Кровавый поток
Последняя любовь Юлии Друниной
Из несостоявшейся книги «Красные тени»
«Красные тени» — так должна была называться книга Бориса Галязимова, куда он включал историко-документальные рассказы и очерки, связанные во многом с Тюменским краем и историей нашего Отечества. Сегодня на страницах журнала два очерка из этой несостоявшейся книги. В память о нашем друге считаем своим долгом публиковать его материалы, чтобы и сейчас звучало искреннее горячее слово, обращенное к читателю.
3 января 2015 года тюменскому писателю и журналисту Борису Галязимову исполнилось бы 75 лет. Уже пять лет его нет с нами. Этот человек стоял у истоков журнала «Проталина» и во многом определил его лицо.
48

память сердца

Алексей Мурашев
Оятская быль
Незабываемые картины суровой и поэтичной поры детства и юности автора из Екатеринбурга.
60

терновый венец

Нелюбимые дети эпохи
Монологи об одном противостоянии

Виктор Соколов
Раздрай до последнего винтика
Поэт-шестидесятник, участник ярких памятных событий литературной жизни Свердловска, член литературного клуба имени Михаила Пилипенко рассказывает о перипетиях в творческой жизни того времени, о сложных отношениях между талантливой молодежью и партийной властью. Силы были не равны, и любые смелые начинания оказались обречены. Однако это была Эпоха — время всплесков и упорного противостояния.
Заметки Виктора Соколова позволяют еще раз пересмотреть отношения к ценностям, к литературе уже в наши, тоже весьма сложные дни.
74

Светлана Марченко
Не загнать стихи в забвение
Слово первого руководителя клуба имени Пилипенко.
28 августа 2014 года уральскому поэту и журналисту Михаилу Пилипенко исполнилось бы 95 лет.
81

Юрий Лобанцев
Во всем хотел дойти до сути. Стихи
В 2015 году Юрию Лобанцеву исполнилось бы 75 лет. Он родился и жил в Свердловске. Участвовал в работе литературного клуба им. Пилипенко, а позже руководил литературным объединением «Горный родник» при Горном институте. Он рано ушел из жизни в 1997 году.
83

«Проталина» — ощущение весны, обновления природы. Литературно-художественный и публицистический журнал под таким названием обрел прописку на Урале, в крае, богатом литературными традициями, и он наполнен голосами самобытных, порой малоизвестных, но, главное, честных авторов.

«Проталина» — внутренний мир неординарно мыслящего человека. Ему сегодня нелегко. Многие любители словесности замечают, что постепенно вымывается мудрое писательское Слово. На смену ему приходят коммерческие поделки, и всему царь — Рубль. Мы решили в какой-то мере помочь начинающим талантливым авторам и тем, кто отправляет свои рукописи в стол, пробить дорогу к сердцу читателя. Настало время говорить в открытую: когда культурные устои рушатся, должны появиться их защитники.

«Проталина» — добрый и мудрый собеседник. Не случайно родился девиз журнала «Дух дышит, где хочет», созвучный христианской мудрости. Дух мудр, всеведущ, и от него разрослась вся культура человечества. Разумеется, в этой культуре нет и не может быть понятия — провинция. Главный принцип издания: все определяет талант, его духовный и нравственный посыл.

Так что приглашаем вас в путь!

содержание

терновый венец

Евгений Пинаев
С его уходом потеряна звездная орбита
Воспоминания о Виталии Бугрове
Восьмидесятые годы — это было золотое время для фантастики в Свердловске (Екатеринбурге), где ярко горела звезда по имени «Аэлита». Так назывался известный на весь Советский Союз (и не только!) фестиваль фантастики. Зажег ее, по существу, один человек — Виталий Бугров, который возглавлял отдел фантастики в журнале «Уральский следопыт». Тогда там работала целая плеяда талантливых, умных людей, умеющих определять безошибочный фарватер в большом плавании поисков и открытий. Вот что значит личность! Была прекрасная команда, потому и был тогда замечательный, всеми любимый журнал. Высочайший уровень того искусства и все устоявшиеся добрые традиции могли бы остаться посылом на будущую судьбу этого журнала. Но весь накопленный опыт оказался в стороне. Этот горький факт — особая тема, она требует отдельного разговора.
86

Евгений Пинаев
Волшебник слова и металла. Встречи с любимым другом Сергеем Другалем
О человеке, соединяющем в себе необычные черты первооткрывателя и в литературе, и в науке. Об одном из лауреатов премии «Аэлита». О человеке из золотого братства «следопытов»...
С первого номера «Проталины» Сергей Другаль был членом Общественного совета нашего журнала, искренне верил в его верный путь.
100

Сергей Другаль
Глаукома. Рукопись рассказа (черновик)
Эту рукопись мы получили от жены писателя Екатерины Митрофановны Другаль. Даже по виду страниц видно, что писатель неоднократно к этой работе возвращался, но так и не пришел к окончательному варианту. По рассказу видно, как жгла автора болевая точка в его судьбе, зароненная еще в детстве. Отец писателя был одной из жертв ГУЛАГА.
108

мой письменный верный стол

Нина Волченко
К родному слову сердцем прикипеть. Стихи
Это первая публикация Нины Волченко, хотя стихи она писала, сколько себя помнит. Медик по профессии, она, не теряя привязанности к своему делу, навсегда предана поэзии.
108

Геннадий Райшев
Чудеса Кукуя. Сибирские бывальщины с иллюстрациями автора
Анатолий Пашук (фото)
Художник Геннадий Райшев вырос среди сказителей и хранителей сибирского фольклора. Было это в предвоенную пору в деревне Сивохребт Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа. Все услышанное от родной бабушки и односельчан запало художнику в душу. Со временем он стал записывать то, что сохранила память. Так появились на свет «Сибирские бывальщины». Некоторые из этих рассказов публикуются на страницах «Проталины».
18 ноября 2014 года Геннадию Райшеву исполнилось 80 лет!
114

Татьяна Осинцева
Исповедимый путь земной. Стихи
Неистощима ее тяга к литературе, в ней всегда горит желание заинтересовать как можно больше людей прекрасным миром литературных странствий. Ее всегда занимала философия Востока. В поэзии она нашла возможность выразить свое отношение к богатству окружающего мира. В этом номере мы знакомим читателя с поэзией Татьяны Осинцевой, живущей в Екатеринбурге.
122

Светлана Щекина
Этих лет неразменная память. Стихи
Родилась она на далеком Севере, на Чукотке, юность ее прошла на Алтае. В Ленинграде она окончила университет, и началась ее интересная беспокойная жизнь. А еще ее увлекла поэзия.
126

фотография на память

Елена Минакова
Как фабзайчонок стал поэтом
Михаил Борисов (фото)
Это человек из мира верящих в доброе начало, зовущих к мечте. 30 декабря 2014 года (12 января 2015 года по новому стилю) — 100 лет со дня рождения Вадима Шефнера, известного фантаста и поэта! В архиве «Проталины» хранятся его фотография и автограф.
130

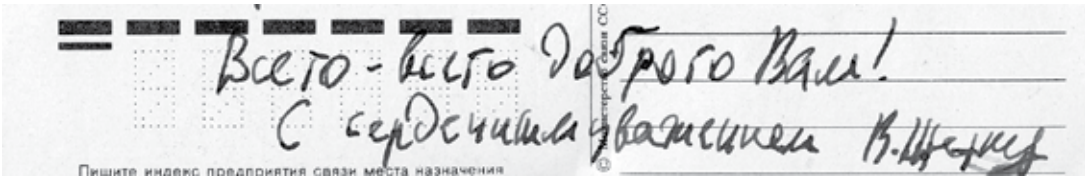
почтальон «проталины»

Валерий Левинзон
Лучики ушедшего солнца. Стихи
По признанию автора, он никогда не мнил себя поэтом, но порой раздумья и чувства выливались в искренние строки. Отобрав что-то из написанного, он решил поделиться этим с читателями «Проталины». Это его первая публикация.
134

смотрю и вижу

XIII Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России». Впечатления от встречи с Уфой
И снова «Проталина» удостоилась высокой награды! Это уже в шестой по счету раз журнал добивается признания жюри Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение в электронных и печатных средствах массовой информации темы патриотического воспитания.
29 октября 2014 года в столице Республики Башкортостан городе Уфе состоялось торжество по случаю вручения знаков отличия этого конкурса. «Проталине» вручен диплом лауреата в главной номинации «Моя Россия» — «За активную и последовательную работу по подготовке многогранных историко-культурных материалов, продвижению патриотических ценностей».
136

Фотовернисаж «Проталины».
Снимки наших постоянных авторов
Дмитрий Шульгин (Тюмень), Сергей Мальгавко (Омская обл., Тара), Игорь Подвысоцкий (Екатеринбург), Андрей Павлычев (Тюмень), Надя Панчина (Москва)
113, 121, 128-129, 133, 142



Автограф на память.
Известному фантасту и поэту Вадиму Шефнеру – 100 лет! Он смотрел в мир глазами ребенка и обладал большой мудростью, воспринимая саму жизнь как великое чудо. Такие люди в любую эпоху остаются современниками и находят своего союзника-читателя. Его автограф хранится в архиве «Проталины»

проталина

Литературно-художественный и публицистический журнал
Ежеквартальник
Издается с апреля 2008 года в Екатеринбурге
№ 3–4 (24–25), сдвоенный, 2014

Победитель Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Николай Карамзин» (2009), «Павел Бажов» (2009), «С чего начинается Родина» (2013).
Лауреат Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Наследники Победы» (2010), «Мгновения истории / Моя Россия» (2012), «Моя Россия» (2014).
Лауреат тюменского регионального конкурса «Книга года» в номинациях «Журнал года» (2008), «Редактор года — приз имени Панкратия Сумарокова» (2009), «Лучшее журнальное издание» (2011, 2013).

учредитель и издатель:
Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Проталина». Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Москва). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–30971 от 22 января 2008 г.
главный редактор Елена Минакова-Чернова
редакция:

зам. главного редактора по литературным вопросам Светлана Марченко
художественный редактор Николай Пискулин
технический редактор Игорь Подвысоцкий
специальный корреспондент
Тимофей Николайцев (Новосибирск)
специальный корреспондент
Ирина Тарабаева (Тюмень)
корректор Галина Гломоздова

общественный совет:
Людмила Гришина-Гривачевская, старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики славянских языков Киевского национального лингвистического университета (Киев),
Евгений Пинаев, писатель, художник (Екатеринбург)

группа поиска:
Иван Охрименко (Екатеринбург)
Виктор Говорков (Екатеринбург)

временный адрес редакции:
620000, Екатеринбург, Главпочтамт, а/я 640
www.protalina.com
E-mail:
post@protalina.com;
protalina-tmn@yandex.ru
Контактный телефон:
8–922–266–66–12
(Екатеринбург)

отпечатано
с готового оригинал-макета в типографии ООО Форт Диалог-Исеть, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 75
тел.: (343) 228-02-32
Тираж этого номера ограничен — 300 экз.
Подписано в печать 19.12. 2014 г.
Формат 60x84/8.
Печать офсетная
Бумага мелованная матовая 80 г/м²
Заказ № 1560138
Цена свободная

Редакция не рецензирует рукописи и не возвращает их авторам. Журнал размещает рекламу, приглашает к сотрудничеству спонсоров, за содержание рекламных материалов ответственности не несет. Все финансовые поступления направляются на развитие журнала. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. По вопросам распространения обращаться в редакцию.
Подписку на журнал можно оформить следующим образом:
— Через каталог «Пресса России» во всех отделениях почтовой связи. Подписной индекс — 42333.
— Через интернет-каталог «Пресса России» (www.arpk.org).
— В группе компаний «Урал-Пресс» во всех федеральных округах России. Телефон отдела подписки в филиале агентства в Екатеринбурге: 8(343)262–65–43

светлана марченко
елена минакова (фото автора)

испытания для одиссея

Пригубив из аптечного пузырька настойки пустырника и ощутив теплоту освобождения от привычной скованности тела, Одиссей прямо от крыльца направляется в зеленый простор пансионных владений. Здесь свободно дышится, и ничто не нарушает тишины, кроме легкого шелеста деревьев. Вот они-то, эти мягко шелестящие кроны, и стали единственной чуткой аудиторией для Одиссея, который стремится сюда снова и снова, чтобы петь. Его голос, чистый мягкий баритон, это его естественное необходимое средство общения с миром.

Он пел всегда, сколько себя помнит, а ему исполнилось уже 50 лет. Когда-то домашний учитель Иван Иванович Иванов, прекрасно понимая особенность жизни своего подопечного, напутствовал его одним важным советом: «Когда поешь, чувствуй, что ты один и вокруг никого, даже когда ты на сцене». Тот давний совет очень пригодился Одиссею в его взрослой жизни и помог почувствовать себя раскованным, чтобы целиком отдаваться песне. Ему случалось бывать на сцене, и его талант отмечался дипломами художественной самодеятельности в номинации «Соло». Он пел там, куда его кидала судьба. Сейчас живет Одиссей Владимирович Маклаков в екатеринбургском пансионате для престарелых и инвалидов «Уктусский» на улице Просторной, и теперешняя жизнь после всего пережитого кажется ему вполне хорошей.

Правда, в комнате, где обитает Одиссей, очень уютной и обустроенной, не положено что-либо прибивать к стене, поэтому дипломы, полученные за выступления, к сожалению, приходится хранить наверху шкафа — вопреки их назначению быть на виду. Достать их без посторонней помощи Одиссею невозможно. О его выступлениях перед слушателями свидетельствует только групповая фотография местного хорового коллектива «Одуванчик», размещенная на стенгазете в холле.

Холлы и коридоры могут поведать о многом. В упрек другим подобным заведениям надо признать, что здесь создана атмосфера, максимально приближенная к запросам человека. Это искренне звучит в отзывах проживающих, да и видно по самому стилю здешней жизни. При развозке полдника случайные визитеры Одиссея, боясь помешать режиму, намеревались тут же уйти. В ответ раздатчица почти испуганно прореагировала: «Нет, нет, уходить не надо, будьте сколько хотите». На полдник тут приносят мандарин, банан, сок и выпечку. «Не то, что в прежнем стационаре», — замечает Одиссей, где ему довелось отбыть два десятка лет.

Культурно-бытовая комиссия здесь не просто штатная группа, это люди выбранные и поэтому очень ответственные. Плоды культуры пансионата наглядно представлены в стенной печати. Попытка смоделировать свободные мечты через опросник проявилась в списке «языком цифр». На вопрос «Куда на территории нашей страны вы предпочли бы отправиться в путешествие?» 19 процентов изъявили желание поехать на Байкал, 12 процентов — на Камчатку, только 8 процентов — на Черное море, 18 процентов отдали свои голоса графе «Другое» и 1 процент — графе «Затрудняюсь». Опрос проводился среди всего контингента, в составе которого есть ветераны Великой Отечественной войны, а им уже нынче под 90, и колясочники.

Одиссей тоже имеет свою мечту. На первый взгляд странную — побывать в Звездном городке, лично познакомиться с космонавтами, о которых он давным-давно очень много знает. Его феноменальная память хранит множество подробностей из жизни космонавтов, особенно первого состава. Он помнит даты, очередность и продолжительность их полетов, их награды — он как бы сам зажил этой космической высотой! И он по сей день счастлив верой в реальность своей переписки с некоторыми героями космоса, ведь в ответ на его корреспонденцию из Звездного городка приходили уведомления, что письма получены. Его мечты и желания всегда выходили за рамки реального мира.

Родился Одиссей в городе Среднеуральске в большой многодетной семье участника войны, вполне обеспеченной, но родился он инвалидом. Был «поздним», самым младшим. Ходить начал — сразу на костылях. Он отличался любознательностью и очень хотел учиться: самоучкой окончил школу, потом, по его словам, культпросветучилище, куда его привела дружба

с песней. Благодаря зарплате отца была возможность брать уроки на дому. Одиссей упорно рвался к знаниям и заявил своим то ли в шутку, то ли всерьез: «Не хочу жениться, хочу учиться», — понимая, что в будущем опираться ему придется только на костыли и на себя. В 28 лет он «окончательно сел». Поясняет: «Сел, как сейчас принято говорить, не в коляску — в инвалидное кресло». Он стал колясочником уже будучи определенным под казенную крышу и теперь полностью зависел от обстоятельств и посторонней помощи. Родителей уже не было, сестры устроили свою жизнь. И предчувствия оправдались. «Тяжело было привыкать, — вспоминает он, — любое госучреждение — это не дом».

Пребывание в Тавдинском психоневрологическом интернате прервало уже давно ставшее традицией для подобных домов чудовищное обстоятельство — пожар. Очередной пожар! В нашей жизни сообщения о таких бедствиях мало кого уже впечатляют. Сводки о случившемся ЧП стали восприниматься с удивительным равнодушием. А ведь страдают самые беззащитные! Людям, нуждающимся в особой заботе и социальной помощи, отдаются самые непригодные ветхие бараки. Так было и в Тавде. Тогда в пожарище, охватившем барак, Одиссей лишился всех своих документов — хорошо, что сам чудом спасся. Последовало переселение — кого куда.

Одиссея приютил психоневрологический интернат в Первоуральске. Об этой поре жизни и об этом приюте лучше всего свидетельствует его собственный рассказ:

— Я очень многое потерял за 21 год. За 21 год, 2 месяца и 16 дней, которые я провел там. Там был полный ад. Кормили плохо — одна четвертина апельсина в полдник — видно, все утекает в сумках. Одевали плохо, ходили все в заплатах, не передать словами. Пенсия была наполовину удержана, я только здесь это понял, потому что стал сразу получать намного больше. Была там у нас Железная Леди — как мы ее называли, Сталин в юбке. Она и ввела свой невыносимый режим. Девки молодые из окон прыгали от безысходности. У меня были такие порывы только в детстве, когда я думал, что если из меня ничего не получится, то я покончу с собой. В общем, жили мы там как в клетке или зверинце. За то, что я, оказывается, все соображаю, стали меня обижать, оскорблять. У нас ведь таких не любят, кто правду говорит. За последние четыре года такая ситуация невыносимая сложилась, что я начал добиваться, просить — отправьте меня отсюда, помогите, или же я руки на себя наложу. Написал Власову Владимиру Александровичу — на то время он работал в министерстве. И вот приехала в Первоуральск комиссия, чтобы проверить меня по черепку и определить, можно ли меня после 20-летней отсидки по дурдомам пустить в люди. Завозят меня в зал, где сидят 15 человек, специалистов разного профиля. Вопросы мне задают, но я только их отщелкивал. 15 секунд на обдумывание, на детекторе лжи даже зачем-то проверяли. И после этого я еще пять месяцев ждал путевку в новое учреждение — так долго это тянулось!

В Уктусском пансионате Одиссею, слава Богу, дышится легче. Очень хорошее место, по его словам, где и природа, и полная свобода. Надо тебе на третий этаж по гостям — пожалуйста! В дневное время можешь с кем-то повидаться, съездить в магазин. Туалет, умывальник — пожалуйста, все на месте, в пределах комнаты. Администрация хорошая, относится доброжелательно.

Хороших людей, по мнению Одиссея, все-таки больше. Он делится о наболевшем искреннее, но без всякого налета жалобы, нытья. Чувствуется, как жадно он ищет общения и как готов поразмышлять о жизни. Любимый канал ТВ — «Культура». Словом, он держится на позитиве. Ни в чей адрес — ни одного упрека. Даже своих близких родственников, которые его как будто бы начисто забыли, хотя и живут недалеко, он не осуждает и ничего от них не ждет. Просто открыто говорит о том, что ему довелось узнать о жизни.

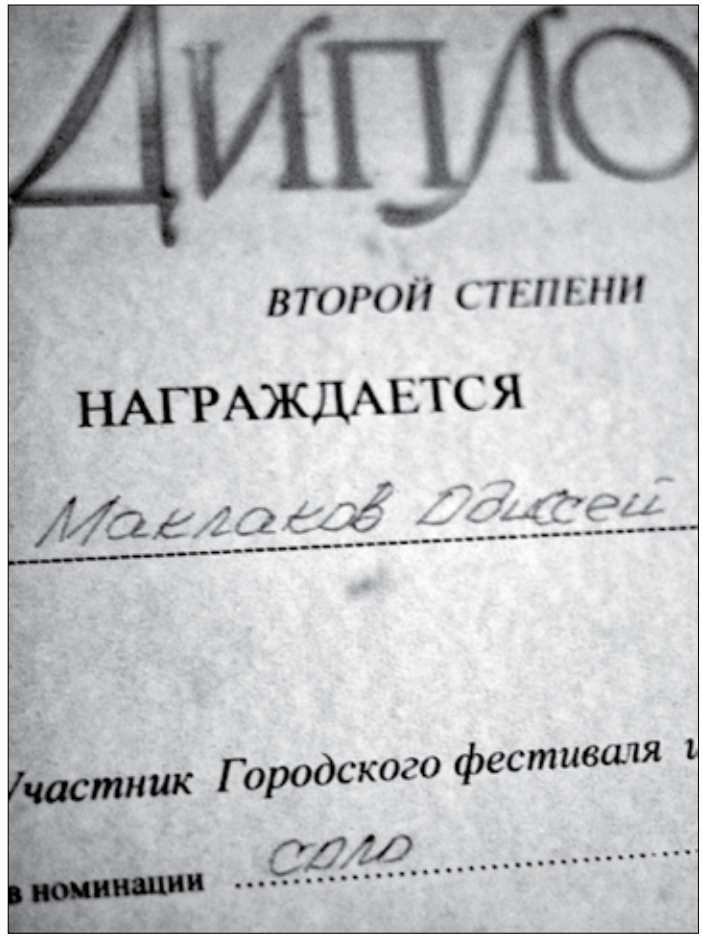
— Как бы хорошо здесь ни было, будь я на полноценных ногах, никогда бы добровольно не пошел под эту хорошую опеку. Никому не пожелаю провести здесь остатки жизни. У каждого свой путь к концу. В последние дни жильца спускают на первый этаж. А там что? Койка да утка под кроватью. Мы все когда-то к этому придем. И я больше всего этого боюсь. У меня нет таких денег, чтобы себя похоронить где-то на кладбище, место купить, все так устроить, чтобы предали меня земле. А здесь положена кремация. Я бы этого не хотел. Я знаю, что это такое, как проводится весь ритуал. Я бы очень этого не хотел...

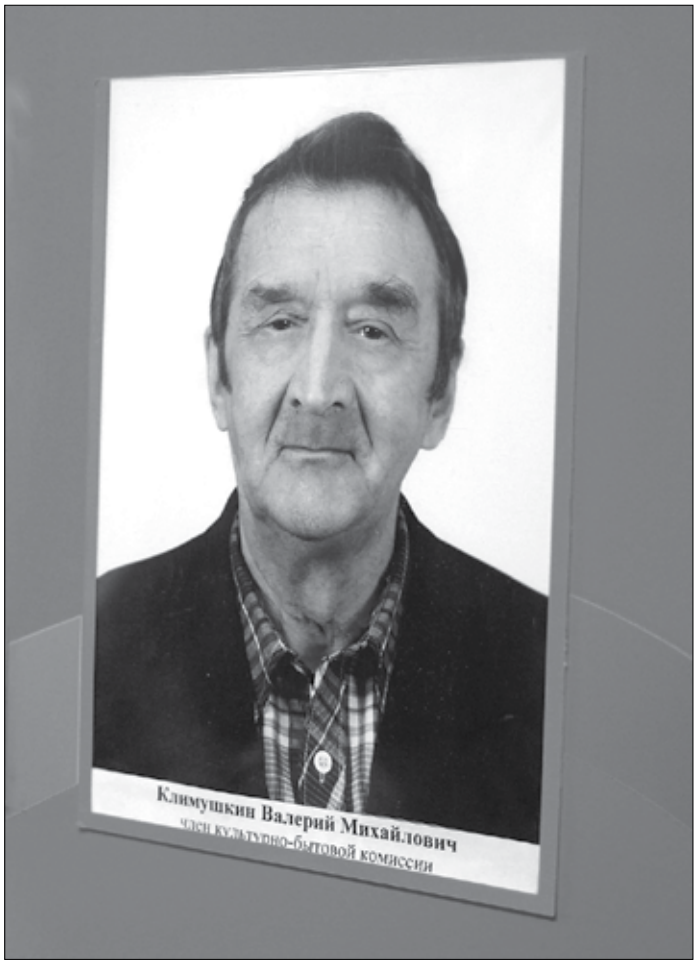
Вот такие мысли у Одиссея на 51-м году жизни. И мысли эти идут от равнодушия большого мира, занятого сугубо своими проблемами, где одинокость чьего-то существования стала обыденностью, которую можно просто не замечать.

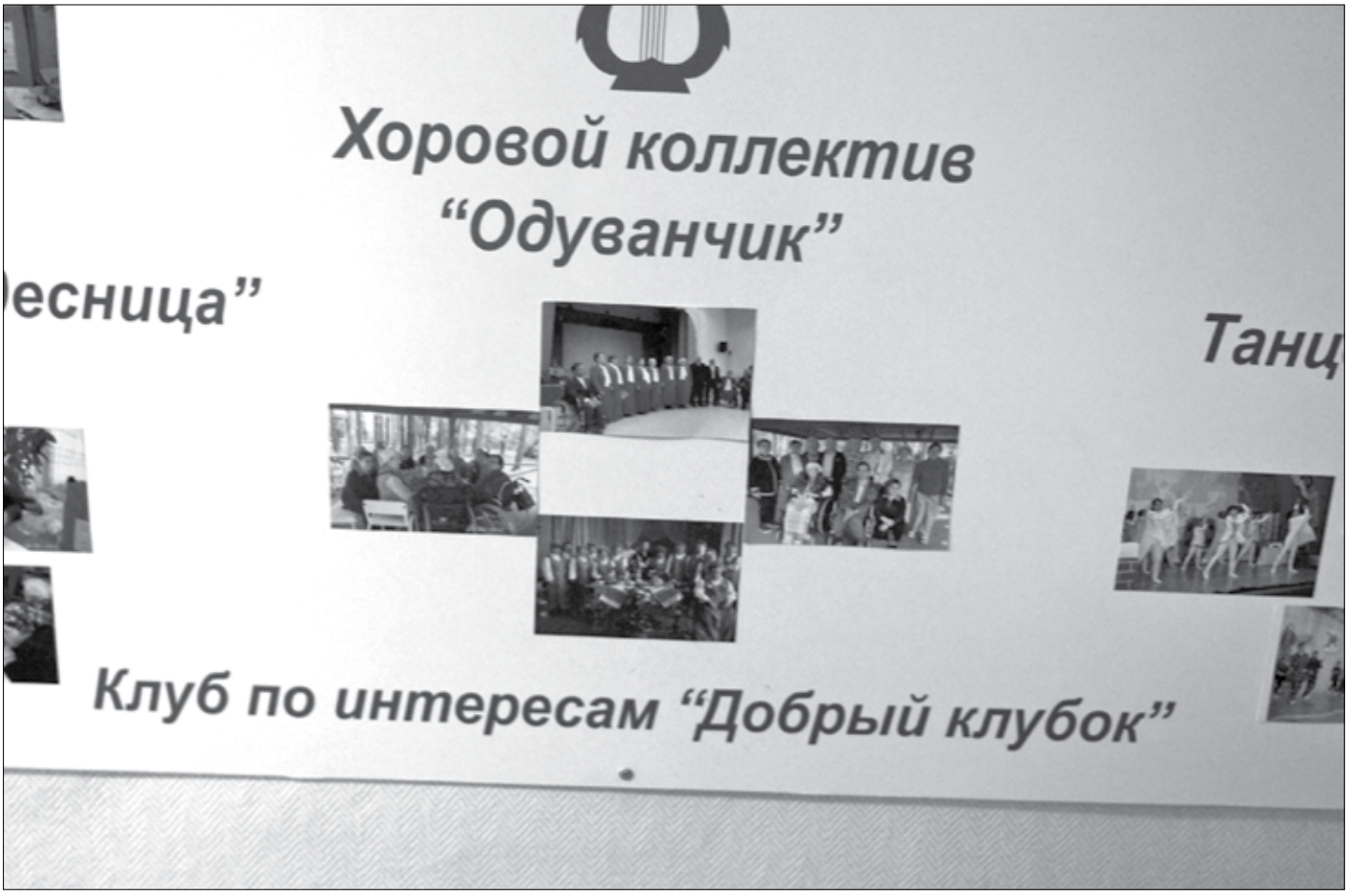
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ СТАЦИОНАРНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
Уктусский
ПАНСИОНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
г. ЕКАТЕРИНБУРГ

Душа
праздника
просит

Мы одна сплоченная семья
Члены культурно-бытовой комиссии
Блок "Б"
201 - 224


ДИПЛО
ВТОРОЙ СТЕПЕНИ
НАГРАЖДАЕТСЯ
Маклаков Одиссей
Участник Городского фестиваля
в номинации СРМ


Климушкин Валерий Михайлович
член культурно-бытовой комиссии


Хоровой коллектив
“Одуванчик”
есница”
Танц
Клуб по интересам “Добрый клубок”

ирина филатова

суровая страда поисковых отрядов

Есть в России территории, буквально политые солдатской кровью. Там проходили самые тяжелые сражения Великой Отечественной войны. Там, в лесах, полях и болотах, до сих пор еще находится страшный груз безымянных утрат. После войны останки погибших солдат собирали в заросшие воронки и забрасывали землей, так возникали холмики братских захоронений. Однако многие остались по-прежнему незахороненными. Родным в войну о таких потерях рассылали извещения — «пропал без вести».

Люди не могли смириться с неизвестностью. Естественно, родились поисковые отряды. Они есть теперь по всем территориям бывших военных действий, и занимаются этой проблемой, по существу, неравнодушные люди по всей стране. Список без вести пропавших, хотя и медленно, но неустанно сокращается.

Проблема захоронений в России далеко еще не полностью решена. Всем понятно, что пока не захоронен последний солдат, война, как набат, все еще стучит в сердца. Важно только, чтобы эхо этого набата проникало в сердца самых юных!

3 декабря 2014 года — спустя целых 70 лет! — государство учредило новую памятную дату — День неизвестного солдата. В этот день, 3 декабря 1966 года, в ознаменование 25-й годовщины разгрома немецких войск под Москвой, прах неизвестного солдата был перенесен из братской могилы советских воинов, расположенной на 41-м километре Ленинградского шоссе, и захоронен в Александровском саду у стен Кремля. На месте захоронения 8 мая 1967 года был открыт мемориальный архитектурный ансамбль «Могила Неизвестного солдата» и зажжен Вечный огонь.

Годы перестройки, как известно, сместили многие нерушимые ценности, и «Пост № 1» как-то незаметно ушел от общественного внимания. Образовался зияющий разрыв в добрых традициях патриотического воспитания. Ощутив острую необходимость восстановить эту связь и «укрепить патриотическое сознание», государство неизбежно пришло к этому Дню... Конечно, главную роль здесь сыграла многолетняя страда поисковых отрядов.

Окрестности небольшого городка Любань Ленинградской области разделили общую судьбу. Здесь поисковики организовали ежегодную Всероссийскую Вахту памяти, куда на захоронение погибших съезжаются их родные и близкие и все, кому дорога эта священная память. Обычно это 13-14 поисковых отрядов из самых разных краев России — из Татарстана, Удмуртии, Архангельской области, Вологды, Санкт-Петербурга, Череповца, Набережных Челнов и из других мест. Проводится Вахта с 27 апреля по 10 мая. Грядет солидный юбилей — 25-летие этого общественного добровольного движения. 1 октября 1989 года небольшой отряд добровольцев пришел в район Любани. Год от года круг участников разрастался — теперь он исчисляется более чем двумя сотнями человек. От места расположения поискового центра и пошло название Вахты памяти — «Любань», у ребят даже появился свой гимн.

Места бывших сражений постоянно притягивают новых и новых добровольцев. Районов, где действуют Вахты памяти, не счесть. Поисковики и сегодня «стоят» на Синявинских высотах, в Мясном Бору, в Старой Руссе...

Работа у поисковиков нескончаемая, ведь к приближающейся дате — 70-летитию Великой Победы тысячи погибших еще остаются безвестными и лежат по лесам и болотам.

проталина

Легкие туфельки ничуть не делали ее походку легкой. Женщина опиралась на мою руку, и я чувствовала, как ей тяжело. Сказывались усталость, почтенный возраст и нахлынувшие чувства. Светлане Николаевне Симутенко, в девичестве Дионовой, — 76 лет. Она приехала под Любань хоронить брата. В семье Дионовых у Николая Варфоломеевича и Антониды Меркульевны было восемь сыновей и три дочери. Старшие подросли и уже стали опорой родителям, вслед за ними подрастали младшие — Вильгельм, Инесса, Маргарита. Кроме звучных имен, дети получили образование, научились любить музыку. По вечерам в семье устраивали концерты, играли на гармони, мандолине, балалайке, гитаре. Жили люди по совести, трудились честно, дождались уже первых внуков.

Началась война, и сыновья Дионовых ушли на фронт. Не один, не два — а шестеро!

Первым в неизвестность шагнул Анатолий — в январе 1942 года под блокадным Ленинградом. Он не вернулся с боевого задания. Сыну тогда исполнилось 22.

Со школьной скамьи добровольно ушли на фронт младшие Святослав и Леопольд. В апреле 1944-го Святослав погиб, а в марте 1945-го погиб и Леопольд. Через пять дней пуля настигла четвертого брата — Валентина! Его тело попало в руки врага на чужбине. Домой вернулись только двое — из Японии Леонид, из Чехословакии — Виктор, успевший до этого пройти через ад Сталинграда. Оба вернулись с боевыми наградами.

Воевавший в первую мировую отец трудно перенес потерю сыновей, горе ускорило его кончину. Гибель сыновей терзала и сердце матери. Не давала покоя неизвестность — что случилось с Анатолием?

А Анатолий попал в боевую переделку. 4 августа 1941 года экипаж 116-й отдельной разведывательной армейской авиационной эскадрильи, в которой воевал старший сержант Анатолий Дианов, вылетел на разведку вражеских позиций. Под Лугой самолет был обстрелян зенитками. Погиб командир экипажа Павел Чистяков. А стрелок-радист Дианов и штурман Петр Участьев выпрыгнули с парашютом. К своим пришлось им пробираться по одиночке. Через десять дней штурман вернулся в расположение части. Парашют Дианова воздушным потоком отнесло в тыл врага. К счастью, стрелок остался незамеченным. Измученный, обгоревший, он все же перешел линию фронта и 24 октября вернулся в эскадрилью.

С фотографии, датированной следующим днем — 25 октября, смотрит крайне уставший человек. На обороте подпись: «Дорогой Ане и Валечке после возвращения из немецкого тыла», — это было адресовано жене и дочке. Весть о рождении дочери Вали Анатолий получил еще во время прохождения срочной службы. Не подержал он на руках своего первенца, так и выросла дочь без отца. С ней была только его фотография.

8 января 1942 года для выполнения боевого задания утром в район Чудово—Тосно—Новгород вылетел самолет Пе-2 №13/15 с экипажем: командир-летчик Лихачёв, штурман Кузнецов, стрелок-радист Дианов. Задание было выполнено, и самолет лег на обратный курс. О дальнейшем говорят архивные документы.

Из оперативной сводки 54-й немецкой истребительной эскадры Люфтваффе можно понять, что было получено сообщение от наземных войск о том, что в районе железнодорожного полотна, на границе Ленинградского и Новгородского районов, без сопровождения летает русский одиночный бомбардировщик. На его перехват был поднят самолет лейтенанта Ханса Йоахима Хайера. Завязался воздушный бой. Лихачёв, видимо, старался выбрать удачный угол атаки для стрелка-радиста, но немец уклонился, хлестнул из пулемета и пробил топливный бак. Загорелся левый двигатель. Летчик пытался вытянуть машину, но одного двигателя на это не хватило. Огонь перекинулся на кабину пилота. С очередного захода Хайер попал в русского стрелка. Не успел покинуть горящую машину и раненый штурман. Самолет начало трясти и срывать в пике, оторвало крыло. Он резко свалился в штопор и на скорости врезался в замерзшее болото.

8 января 1942 года, 10 часов 12 минут. По радиосвязи с базой доносится рапорт лейтенанта Хайера: советский бомбардировщик сбит. Это фактическое время гибели экипажа самолета Пе-2. Воздушный бой, который разразился в районе болота Туминский Мох, был молниеносным. Все решали секунды. Но возмездие настигло врага! Немецкий ас, совершивший 320 боевых вылетов и одержавший 53 победы, получивший за свои доблести Железный рыцарский крест, 9 ноября того же года в ходе боя в районе города Городок Тверской области погиб в столкновении со сбитым советским истребителем.

Когда Валентина Анатольевна Григорьева (Дианова), дочь стрелка Анатолия Дианова, приехала в любанские места на захоронение, она поделилась чувствами: «Немного странно: я никогда не видела отца, знала только то, что мама рассказывала. Для меня он был фотографией. Я не знала, какие у него глаза... Сейчас у меня такое впечатление, что он живой. Вот он — рядом. Теперь я его знаю. Знаю, что погиб на своей земле. Даже нет слов, чтобы выразить благодарность поисковикам». И тут достает фотографию, надпись пронзает сердце просьбой: «Помни и жди».

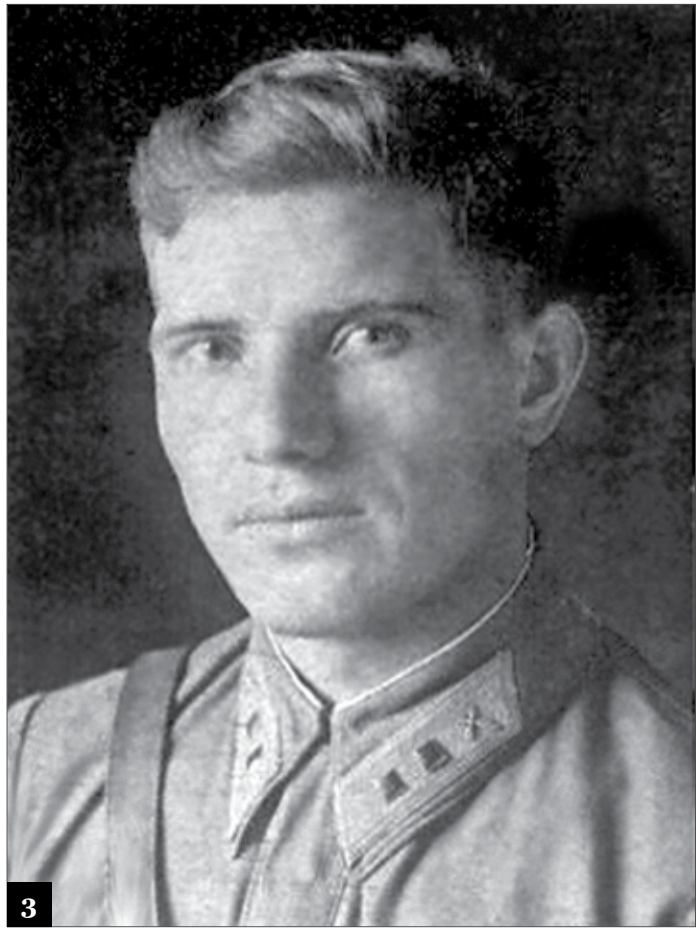
Его ждали. Его помнят. Сестра, дочь, племянник и правнучка приехали на захоронение останков экипажа, которое состоялось 10 мая на воинском кладби-

На снимках:

1. Фронтовой снимок. Анатолий Дианов слева
2. Стрелок-радист Анатолий Дианов
3. Степан Кузнецов

1

2



3

ще у деревни Чудской Бор близ Любани в Ленинградской области.

Год 2013-й. Новгородские поисковики из отряда «Сокол» обнаружили, что в разъеме от самолетного переговорного устройства СПУ-3, которое установлено в кабине стрелка-радиста, остался обгоревший штекер. Он крепится к шлемофону радиста проводом. Наличие штекера подтверждает, что Дианов сгорел вместе с самолетом.

О месте падения самолета поисковикам стало известно в 1993 году от местных охотников. Из их рассказов узнали, что посреди глухого болота лежат обломки дюраля. Собралась группа, пошли Игорь Кун, Виктор Глотов, Борис Кисляк с сыном Александром. Они смогли добраться к этому топкому и комариному месту лишь с первыми морозами. Из дома отправились затемно, в четвертом часу утра. Потом полтора часа ехали на дизельном поезде, несколько километров шли пешком. Изрядно поплутав, замерзшие путники выбрались на кромку болота.

В рассветном тумане обломки самолета смотрелись жутко — из болота торчали ржавые искореженные детали центроплана. Когда разодрали мерзлые кочки и пробили мох, на поверхность выступили масляные пятна.

«Интерес возрастал с каждой минутой, жгло желание узнать — чей самолет? Из проруби достали обгоревшие бесформенные обломки. Когда из воды показалась красная звезда фюзеляжа, вздохнули — наш!» — вспоминает Александр Кисляк. Несколько раз за зиму группа добровольцев ездила на место падения самолета. Работали в любую погоду при сильном ветре. От этого ветра болотная вода мгновенно замерзала на рукавицах, одежде, на штоках крючьев. Чтобы продолжить работу, приходилось оббивать лед топором. Поисковики поднимали на поверхность все новые и новые детали самолета, которые тут же обследовали, пока те не успели обледенеть. Нашлись масляный насос, водяная помпа, заглушка кислородной маски пилота, брезентовый мешок с документацией к радиостанции и другие артефакты. В планшете штурмана лежали записка с расчетом топлива по полету и несколько клочков карт северо-западной части СССР, Эстонии и Финляндии. Вечером группа возвратилась в Новгород.

Дневниковые записи Александра о тех событиях:

«Вышли на платформу, темно. После теплого вагона сразу остываешь. Фонари не включаем, экономим батарейки на обратную дорогу. Ждем пару минут, пока глаза привыкнут, — и в путь. Дорога на болото при сильном морозе и большом снеге занимает два часа. Пришли на место, построили заслон против ветра, работаем. Ориентируемся во времени только по гудкам проходящих поездов.

Зимние дни короткие. Ради поиска не отвлекаешься даже на то, чтобы посмотреть на часы. После очередного прохода поезда уже понимаешь, что пора собираться домой. Обратный путь нисколько не легче, усталость за день дает о себе знать, но велика радость от того, что удалось выдрать из невиданной пустоты, грязи и мха очередной номер двигателя.

Пришли на станцию, до поезда еще целый час, вокруг темно и безлюдно. Поезд пришел в 20:00, стоянка 2 минуты. Запрыгиваешь в вагон и ловишь взгляды удивленных пассажиров: откуда, мол, такие пропахшие дымом лесники?»

Эта титаническая работа поисковиков продолжалась несколько зим. За сезон удавалось достать огромное количество дюраля, который сразу невозможно было забрать — его быстро растаскивали охотники за цветным металлом.

Наконец из болотной жижи были подняты останки бойцов. На руках у одного из них были кожаные летные перчатки. Вне сомнения, это был стрелок-радист, потому что стрелять можно только в перчатках, а не в крагах. Дальше обнаружились лоскутья синих ватных штанов и ноги, обутые в меховые унты. Группа продолжала извлекать фрагменты человеческих тел, вид которых даже бывалых поисковиков повергал в шок.

«К удивлению, останки выглядели так, будто самолет разбился только вчера, хотя с момента катастрофы прошло более 50 лет, — говорит Александр Кисляк и добавляет: — Куда там египетские мумии с их фараонами! Настолько было все сохранено природой, что становилось жутко. Но нам очень хотелось узнать, кто же эти погибшие летчики».

Поисковик с грустью вспоминает, как долго сокрушался его отец Борис Леонтьевич, что не подняли из болота фотоаппаратуру. Человек, посвятивший свою жизнь поиску, понимал, каким ценным материалом могла стать заснятая экипажем хроника. Останки летчиков временно захоронили в селе Радофинниково, а документы передали в музей боевой и трудовой славы одного из предприятий города.

И начался долгий поиск родственников погибших. В 2005 году удалось ухватиться за первую ниточку. Стало известно, что дочь лейтенанта Леонида Лихачёва проживает в Гатчине! И все же поиск вышел на второй виток только в 2013 году, когда на запрос откликнулась внучка Лихачёва: «...Моя бабушка, Стручкова Маргарита Алексеевна, была бы счастлива, что вы нашли место гибели ее мужа — моего дедушки. Но она три с половиной года назад умерла. Спасибо вам всем!»

Такие письма — самое дорогое в поиске, когда через полувековое молчание удается найти имена и восстановить родственные связи. Когда-то на церемонии захоронения неизвестных летчиков под Гатчиной, общаясь с женой Лихачёва, поисковик Илья Прокофьев заверил ее, что самолет пропавшего экипажа все равно будет найден. Обещание это воплотили новгородские

На снимках:

4. Светлана Симутенко, сестра летчика Дианова, и автор материала Ирина Филатова на месте захоронения
5. Могила летчиков
6. Находки поисковиков из самолета Пе-2
7. Фото бойца Гаврилы Дубинина
8. Правнук бойца Дмитрия Тямина из Чувашии

поисковики. Как оказалось, место гибели было совсем недалеко от дома.

Затем отыскали след родственников штурмана Степана Кузнецова. Известно, что после знакомства со своей будущей женой он вскоре был призван на военную службу, оттуда уехал на фронт. Ирина Михайловна родила сына в сентябре 1941 года, его назвали Виктором. На следующий год пришла похоронка. Отец не увидел наследника.

Всю жизнь Виктор Степанович надеялся получить информацию об отце, но до этого дня так и не дожил. У него осталась дочь — Наталья Кузнецова, она уехала за границу. Внучка штурмана унаследовала документы, фотографии, письма и фамилию деда. Найти Наталью пока не удается.

И вот удача — Дионовы! Казалось, сама судьба выводила их на встречу с поисковиками. За год до поездки в Любань, слушая военные песни в День Победы, Светлана Симутенко подумала вслух: «Хоть бы кого-то из моих братьев нашли!» Уже ушла из жизни мама Антонида Меркульевна, которую в 1946 году наградили орденом «Мать-героиня», но есть сестры и братья! Найти пропавших без вести опять помогли поисковики Валерий Валяев и Максим Елезов. «Я ревела, — говорит Светлана Николаевна, едва сдерживая слезы, и продолжает: — Вот такое горькое чудо».

Для родственников — это чудо, для поисковиков — работа, которая стала главной целью их жизни. Их дело дарит людям надежду отыскать следы родного человека, которого столько лет ждут, ищут.

10 мая 2014 года. Полдень. Священник отслужил панихиду. На крышку гроба падают тяжелые комья земли. В молчании стоят родственники Лихачёва и Дианова, поисковики, участники скорбной церемонии. За несколько минут до ее начала Лиза Пушкова, правнучка стрелка-радиста, призналась: «Я не думала, что моего прадеда найдут. Дух захватывает! От всех нас — спасибо поисковикам».

Мелькают лопаты, вспотели спины наших парней от тяжелых взмахов. Это похороны экипажа, который через 72 года предан, наконец, земле.

Это они приближали победу:

— командир — летчик, лейтенант Лихачёв Леонид Васильевич, 1919 года рождения, уроженец г. Красноярска;

— штурман — старший лейтенант Кузнецов Степан Петрович, 1913 года рождения, уроженец Татарской АССР;

— стрелок-радист — старший сержант Дианов Анатолий Николаевич, 1919 года рождения, уроженец Новосибирской области.

«...и живу я на земле доброй за себя и за того парня», — звучит знакомая песня, и слова обжигают душу. Это мы все теперь живем за 27 миллионов павших.

Я посмотрела на правнучку Дианова. В ее глазах стояли слезы. Лиза отчетливо понимала, с каким трудом воскресли имена героев из той войны. Это чувство понятно любому россиянину.

Захоронение на воинском кладбище в Чудском Бору ведется с 1999 года. Всего предано земле 4149 солдат и офицеров Красной Армии, чьи тела были найдены поисковиками на местах сражения 54-й армии Волховского фронта. В феврале 1943 года армейцы проводили Смердынскую наступательную операцию по прорыву блокады Ленинграда. Только за 12 дней боев полегли 19 тысяч человек! Найдены не все. Не всем отданы почести. Нескончаемой рекой скорби стекаются люди к Чудскому Бору, и у каждого надломленная судьба и боль, а в памяти всплывает вся история семьи.

Так, красноармейца Дмитрия Тямина из Чувашии хоронили представители сразу трех поколений: сын, внук и правнук, названный в его честь. Жена этого бойца ждала третьего ребенка, когда в апреле 1942-го его взяли на фронт. Сын родился в ноябре. «Отец был высокого роста. Работал он сапожником в артели. Племянник тогда сшил ему сапоги, в них отец и ушел на фронт. 1 июня 1943-го умер от ран», — рассказывает Герман Дмитриевич, сын погибшего.

Внук красноармейца Гаврилы Дубинина не прятал слез. Трех правнуков привез с собой. Потомкам важно знать историю своего рода. Дед с 12 лет трудился на Белорецком прииске, тяжелым трудом добывал золото для Родины. Пришло время, и он встал на ее защиту. Из башкирского села Верхний Авзян, откуда родом Гаврила Дубинин, на войну ушли 1200 селян. Вернулось их меньше половины...

Горе сплотило всех. Бились с врагом плечом к плечу и чуваши, и якуты, и башкиры, и русские — все встали под ружье, ведь Родина неделима. Подвиги предков и сейчас вдохновляют россиян. Они ищут могилы погибших, устанавливают мемориальные плиты, увековечивают имена.

Среди других несут эту вахту памяти Михаил Сизов и Юрий Терентьев. У Михаила изменилось отношение к войне, когда через себя пропустил судьбу прадеда: «Продирает... Считаю его героем. Дочку вот привез, чтобы показать, где лежат герои». Когда девятилетней Ане показали заржавевшую пулю, девочка отрешенно и даже испуганно смотрела на этот маленький кусок металла. Вот одна из таких пуль оборвала жизнь родного ей человека.

Юрий Терентьев узнал о месте гибели своего деда тоже благодаря поисковикам. Был найден смертный медальон Вячеславом Тютюнниковым. Останки бойца поднимала Настя Новикова.

Каждый поисковик хочет найти медальон, ведь в нем находятся все главные сведения о владельце. Попадают и личные вещи: фляга, котелок, ложка. Солдаты часто выцарапывали на них свои инициалы и год рождения. Так, найденная поисковиками ложка с инициалами «Т.Ф.Ф.» при сверке с базой данных по-

9

10

11

12

На снимках:

9. Родственники летчиков Леонида Лихачёва и Анатолия Дианова
10. Илья Прокофьев читает медальон. Один из самых неутомимых поисковиков. В свое время работал в Министерстве обороны РФ, автор многих книг, специалист по расшифровке медальонов
11. Сестра бойца рассматривает находки
12. Поисковик новгородского отряда «Сокол» Борис Кисляк на подъеме самолета «Пе-2». Март 1993

зволяет предполагать, что бойца звали Тишенко Филип Фёдорович. Он пропал без вести в феврале 1943-го в месте действия 198-й стрелковой дивизии 54-й армии Волховского фронта.

На церемонию захоронения привезли 90-летнюю вдову погибшего солдата. Она попросила показать человека, который нашел ее мужа. Поисковиком оказался мальчишка-подросток. Она в горячем порыве готова была руку ему поцеловать!

Что заставляет людей перебирать руками тяжелые кубометры земли, рисковать жизнью там, где под колючей проволокой лежат неразорвавшиеся мины? Ради такой работы люди в любую непогодь оставляют теплые квартиры и живут в палатках, потому что поиск стал частью их жизни, не менее важной, чем семья и служебные дела. Ежегодно в поисковую экспедицию «Любань» приезжает свыше 200 человек. Среди них и профессионалы, и новички, взрослые и школьники. Приезжают сюда даже семьями. Приседая на корточки или стоя по колено в болотной жиже, они нащупывают и поднимают свидетельства трагедии, воскрешают судьбы пропавших без вести.

«Я стал по-другому понимать, как предки наши сражались за Родину, эти давние события стали ближе, даже роднее», — говорит студент из Татарстана Максим Ибрагимов. 73-летний пенсионер Анатолий Васильевич Долгушов уже шесть лет приезжает в Любань — участие в раскопках считает своим долгом. Вахта Памяти глубоко единит людей, сохраняя в душе подлинное чувство патриотизма.

По словам Ильи Прокофьева, еще лет тридцать назад было не так. Илья — коренной ленинградец и с детства наслушался от родителей об оккупации, о брошенных на полях снарядах. Как и любого мальчишку той поры, его влек интерес к оставшемуся на полях оружию. Однажды он с друзьями вышел в лесу на небольшую полянку, устланную белым цветочным ковром. А приблизившись, они вдруг увидели, что это белеют среди травы солдатские кости. Такими «коврами» белела северо-западная территория нашей страны.

Ребята подбирали и приносили в школу боевое оружие, домой тащили каски. В 1983 году на Синявинских болотах Прокофьев нашел останки своего первого солдата. Из мха торчали носки ботинок. Были тут и каска, и саперная лопатка, рядом валялась гильза от снаряда зенитной пушки. Десятилетний Илья, как умел, захоронил останки. Только в конце 1990-х, уже на Вахте Памяти, Илье Геннадьевичу удалось найти это место, и неизвестный солдат был перезахоронен со всеми воинскими почестями. «Здесь люди осознают, как за них умирали. В каких нечеловеческих условиях прадеды добывали победу, сражались за наше будущее! Начинаешь по-другому относиться и к жизни, и к ветеранам, и к цене Победы», — говорит Ольга Ившина.

В 1963 году вышло Постановление Верховного Совета СССР о ликвидации следов войны. Было предписано перенести одиночные воинские захоронения из труднодоступных мест на центральные усадьбы колхозов и совхозов и создать мемориальные комплексы. Это осталось на бумаге. В реальности поля ратных сражений распахали и заполнили саженцами. Останки солдат были рассеяны на многие метры и оказались под корневищами деревьев. И появились неиспользованные поля.

Громкий послевоенный лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» так и остался лозунгом для забытых на полях. У власти не доходили руки и до брошенной техники. Неразорвавшиеся снаряды ждали своих жертв, там бродили школьники и гибли от внезапных разрывов. Долго еще стояли у реки Лезны подбитый советский танк Т-60, самолеты и полевые кухни, валялось оружие. Заниматься этими проблемами государство не спешило. Проблему наконец приняли на свои плечи общественники.

В 1987 году власти проявили намерение хоронить останки. После первого же захоронения, видимо, осознав масштабность и затраты, отказались. Еще 15 лет спустя был принят закон об увековечении памяти погибших защитников Отечества. Но ничего от этого не изменилось. Командиры поисковых отрядов утверждают, что со стороны государства помощь просто необходима, так как это касается всей страны. Никаким образом не финансируются экспедиции в места боев и в архивы. Выручают гранты и помощь спонсоров, но этого очень мало. Поисковики зачастую тратят собственные деньги, отрывая от семейного бюджета: покупают технику, снаряжение, оплачивают поездки — поезда, машины, самолеты, нередко ездят в счет своих отпусков. Имея статус общественной организации, они не могут рассчитывать на финансирование со стороны государства в необходимом объеме.

В законе РФ № 4292-1 от 14.01.1993 года «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» всего несколько строк посвящены поисковой работе, но ни слова о необходимости финансовой помощи поисковикам из федерального бюджета.

Я тоже в эти дни вспоминаю своих родных, защищавших Отчизну. В 18 лет отец уже командовал отделением. Он дошел до Магдебурга и, если бы не ранения, быть бы ему в Берлине. Не дрогнул и дед, переживший застенки Дахау.

Что у нас делается в преддверии 70-летия Великой Победы? А происходит вот что. Пока одни активно готовят большое государственное мероприятие и развертывают предпраздничную кампанию, другие опять собирают свои скромные средства для поисковых работ и уходят в «солдатские» леса.

На снимках:

13. Фляга бойца В.Е. Кормышакова — трофей поисковиков
14. Племянник, дочь и правнучка Анатолия Дианова
15. Поисковик Александр Кисляк

ирина филатова

эхо наших публикаций

Вот уже много лет одна из главных тем нашего журнала — неизвестные страницы Великой Отечественной войны — получает отклики, воскрешает забытые имена, восстанавливает справедливость.

В 2009 году в адрес «Проталины» пришла из испанского города Барселоны рукопись от нашей соотечественницы Ирины Филатовой. Она, живя за границей, сохранила кровную связь с Родиной. По существу, совершила подвиг — преодолев чиновничье бездушие, сумела раскопать материалы о судьбе одного из экипажей воздушных перегонщиков. Во время войны советские пилоты перегоняли американские самолеты по сверхсекретной арктической трассе АЛСИБ. Американцы в помощь фронту доставляли боевые самолеты на Чукотку, оттуда летчики из наших перегоночных авиаполков гнали бомбардировщики и истребители в сторону Красноярска. А от Красноярска уже фронтовые летчики вели самолеты через всю Россию — к линии огня. Судьбы многих из тех, кто трагически погиб во время этого перегона, оставались в полной неизвестности, потому что но негласной традиции постоянного запрета многое запиралось в архив, а что-то было упущено или уничтожено.

В № 1 (04) «Проталины» за 2009 год был опубликован первый материал Ирины Филатовой «Обелиск в бурьяне, или Засекреченные пилоты» о результатах ее почти годовалого расследования гибели экипажа Николая Ведерникова из 48-го гвардейского авиаполка дальних разведчиков Главного управления Красной Армии, погибшего в окрестностях города Калачинска Омской области. Это произошло в апреле 1943 года. И вот только в 2007 году заросшая бурьяном безымянная могила летчиков с разрушенным надгробием привлекла внимание людей. Усилиями неравнодушных калачинцев был установлен обелиск из мрамора. Он вызвал новый всплеск

интереса к этому захоронению, нашлись свидетели трагедии. Но имена погибших здесь летчиков так и оставались в неизвестности. В результате всесторонних поисков, контактов с людьми, работы в архивах, на что ушел целый год, Ирине Филатовой удалось установить реальную картину событий и имена погибших. С этими данными она приехала в Калачинск и обратилась в Администрацию города, где нашла поддержку. 9 мая 2009 года у обелиска была водружена на постамент плита с именами.

На этом поисковая работа журналиста не окончилась. Появлялись новые звенья расследования и новые публикации в «Проталине»: «Живыми им не вернуться», № 2–3 (05–06), 2009 г.; «Виновен, потому что сгорел» № 4 (07), 2009 г.; «Трассой риска и равнодушия», № 3–4 (10–11), 2010 г.; «Терпкий вкус высокого полета», № 3–4 (18–19), 2012 г. На публикации отозвались люди из самых разных краев, и поток откликов не прекращается.

На этих страницах Ирина Филатова сама рассказывает о новых отголосках на публикации в «Проталине». Она вернулась в Россию, в родной Калачинск, где активно продолжает свою журналистскую работу.

Редакция журнала «Проталина»

Все началось в 2007 году, когда в Калачинске был поставлен монумент погибшим в авиакатастрофе летчикам, перегонявшим американские самолеты на фронт во время войны. Самолеты поступали по договору о ленд-лизе по секретной трассе Аляска—Сибирь. Фамилии погибших не были известны, и памятник оставался безымянным.

По просьбе моей мамы Ольги Степановны Пугачевой, члена Совета ветеранов, я взялась за поиски имен. На это ушел весь 2008 год. Тема перегона самолетов по трассе оказалась малоизученной и весьма засекреченной. Архивы давали скупые ответы на запросы, чаще отписки, и родственники не могли добиться никаких сведений о своих невернувшихся фронтовиках. Зачастую места гибели или захоронения были указаны неверно. Из-за такой вот ошибки пострадала семья Ведерниковых из Новосибирска. Людмила Николаевна Попкова (Ведерникова) искала место гибели отца в неправильно указанном месте — в городе Омске. Случайно она узнала о новом памятнике летчикам, установленном на старом захоронении в Калачинске, и у нее возникло предположение, что, наверное, там и захоронен ее отец.

Я побывала в Центральном архиве Министерства обороны в городе Подольске и нашла там подтверждение: гвардии лейтенант 48-го гвардейского авиационного полка дальних разведчиков Николай Романович Ведерников погиб при катастрофе самолета 25 апреля 1943 года в городе Калачинске Омской области. Вместе с ним погибли члены экипажа: штурман, гвардии лейтенант Степан Георгиевич Воробьёв, стрелок-радист, гвардии старший сержант Иван Васильевич Иванов и механик электрооборудования, гвардии старшина Семен Александрович Володарский. В 2009 году на памятнике установили мемориальную табличку с фамилиями летчиков. На ней также увековечено имя пилота 196-го истребительного авиационного полка Григория Петровича Разумчика, погибшего в подобной катастрофе 9 июня того же года. В Москве я встречалась с родственниками сержанта Разумчика — сестрой Антониной Петровной и внучатым племянником Ростиславом. Антонина Петровна живет в Краснодарском крае, Ростислав — в Москве.

Реальную картину калачинских событий 1943 года я описала в статье «Обелиск в бурьяне, или Засекреченные пилоты» («Проталина», № 1 (04), 2009 г.). Дружба накрепко связала меня с семьями Разумчиков и Ведерниковых. Людмила Николаевна и ее дочь Аэлита каждый год в День Победы приезжают в Калачинск.

И вот в мае 2014 года я получила неожиданную весть от родственников стрелка-радиста Ивана Васильевича Иванова. Они нашли меня, прочитав биографию летчика на сайте «Авиаторы Второй мировой», где я разместила данные после публикации в «Проталине». Сравнив полученную информацию с тем, что известно им, они поняли, что речь идет именно об

Иване, и нашли меня через социальные сети. Клавдия Васильевна Михайлова проживает с семьей в украинском городе Виннице, ей 88 лет. Теперь она знает в подробностях о судьбе брата. С ней мы общаемся по скайпу. Она рассказала о довоенной жизни Ивана. Он работал трактористом в МТС. В 1939 году окончил школу младших авиационных специалистов по специальности «стрелок-радист». Перед войной, в канун Пасхи, успел побывать дома. Целую неделю гостил! Клавдия Васильевна, по ее словам, как сейчас его видит: «...стоит в летном обмундировании, ладный, в теплой куртке, а под ней — множество проводов». Брат присылал деньги и писал письма, тринадцатилетняя Клава ему отвечала — в Курск, Воронеж, Орел. А в марте 1943-го пришло последнее письмо, из Монино. Следом пришло извещение, что Иван пропал без вести. И потянулись долгие годы надежд и поиска. Но случается так, что уже отчаиваются ждать, и тут как раз — чудо! «Мы плакали от горя и радости, — призналась племянница радиста Светлана, — теперь мы знаем, где дядя погиб и похоронен». Живут родственники летчика в Виннице, по их словам, спокойно — «в домах тепло, газ есть, заплатили России»...

Судьба старшего сержанта Ивана Иванова наконец-то прояснилась. Архивы молчали 71 год!

Историю другой трагедии я рассказывала в материале «Живыми им не вернуться» («Проталина», № 2–3 (05–06), 2009 г.). Это было расследование крупной катастрофы двух эскадрилий, случившейся 11 февраля 1944 года в небе над Татарией. Летчики перегоняли самолеты из Свердловска в Иваново. Неверный метеопрогноз на полет и безответственность должностных лиц, отвечающих за выпуск групп, унесли 16 жизней. Погибли: гвардии майор Екимов Арсений Иванович, старшие лейтенанты Ткебучава Александр Давидович, Дорофеев Анатолий Степанович и Пашков Александр Яковлевич; лейтенанты Ковалёв Борис Александрович, Лобинцев Дмитрий Яковлевич, Кольцов Владимир Дмитриевич, Беляев Константин Михайлович, Ермаков Михаил Александрович, гвардии лейтенант Шпигун Дмитрий Андрианович; гвардии младшие лейтенанты Булка Андрей Иванович, Лопатин Иван Кузьмич, Горишный Василий Алексеевич, Грудаков Иван Степанович; старший сержант Фомичёв Сергей Николаевич и сержант Крюков Павел Иванович.

Не все они были захоронены, место гибели некоторых из них оставалось неизвестно. После войны погибшим Дмитрию Лобинцеву, Аркадию Кольцову и Михаилу Ермакову был установлен памятник в селе Чепчуги Высокогорского района. Поставлен он на деньги школьников. Они же вели поиск имен погибших. Но опять — архивная неточность. Она обнаружилась после изучения материалов расследования катастроф: крушения самолетов лейтенантов Владимира Кольцова и Михаила Ермакова не имеют привязки к этой местности. Более того, перепутано имя летчика Кольцова: погиб Владимир, увековечен Аркадий.

Указанные в публикации «Проталины» архивные ошибки потребовали детального пересмотра документов сотрудниками Всероссийского информационно-поискового центра города Казани (ВИПЦ). Один из сотрудников, Рафик Салахиев, сообщил, что 7 мая 2010 года в Чепчугах был установлен памятник с подлинными именами захороненных — Дмитрия Лобинцева, Александра Пашкова и Ивана Лопатина.

Все это время пропавшими без вести оставались еще летчики Иван Грудаков и Дмитрий Шпигун. Илья Прокофьев, Александр Коноплёв и другие сотрудники Центра исследовали место, где предположительно разбился самолет Грудакова. При опросе местных жителей было выяснено, что катастрофа произошла у деревни Большие Ачасары Зеленодольского района. Позже была обнаружена могила лейтенанта Дмитрия Шпигуна, числившегося пропавшим без вести. Как выяснилось, он похоронен на кладбище села Нижний Услон Верхнеуслонского района. Таким образом, определилось место его гибели. 3 мая 2012 года старая пирамидка на могиле летчика была заменена гранитным монументом. Начался поиск его родственников. Наконец удача улыбнулась поисковикам: откликнулись младшая сестра Анастасия Андриановна Роман и племянник Юрий Роман, которые живут в Полтаве. Старший брат и две сестры летчика Шпигуна живут в России.

Документально подтверждено захоронение Михаила Ермакова, погибшего последним из шестнадцати, на территории Чувашии. За его могилой на Второтойзинском кладбище ухаживают школьники.

Отдельные слова благодарности хочется сказать сотрудникам ВИПЦ за то, что живо откликнулись на проблемы, затронутые в материале «Живыми им не вернуться». Теперь и здесь восстановлена историческая справедливость. Сотрудники Центра ведут работу по установлению имен погибших и обеспечению доступа к этой информации через Интернет; разыскивают родственников воинов, чьи места гибели были установлены в ходе поисковых работ. В Центре налажена работа по организации учета и контроля состояния воинских захоронений, оказывается помощь родственникам в их поиске. Создан единый банк данных на погибших и пропавших без вести в годы войны.

В 2013 году в Казани вышел Биографический каталог военнослужащих Военно-воздушных сил Красной Армии, Военно-морского флота и Гражданского воздушного флота, погибших в период Великой Отечественной войны на территории Республики Татарстан. Автор сборника «Назовем всех поименно» Илья Прокофьев включил в каталог биографии 16 летчиков, погибших в той крупномасштабной авиакатастрофе 11 февраля 1944 года.

Ведерников Николай Романович- летчик,
гвардии лейтенант
Воробьёв Степан Георгиевич-штурман,
гвардии лейтенант
Иванов Иван Васильевич-
воздушный стрелок-рад
гвардии старший серж
Володарский Семён Александрович-
механик ЭСО, гвардии старши
Разумчик Григорий Петрович-
летчик, сержант

1

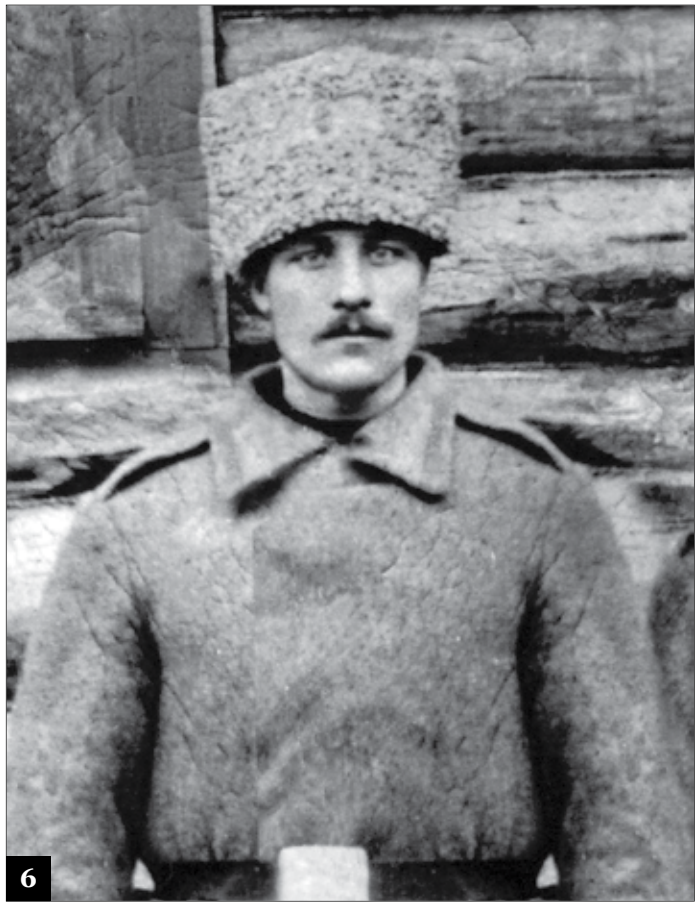
Летчикам,
погибшим
летом 1943 года
в окрестностях
г. Калачинска

2

БРАТСКАЯ МОГИЛА
Здесь похоронены летчики
старший лейтенант
Пашков Александр Яковлевич
лейтенант
Лобинцев Дмитрий Яковлевич
гвардии младший лейтенант
Лопатин Иван Кузьмич
погибшие в 1944 году
на территории
Высокогорского района
при выполнении задания

3

4



На снимках:

1. Историческая справедливость восстановлена. В 2009 году на памятнике в Калачинске установили мемориальную табличку с именами погибших летчиков
2. Новый облик памятника в Калачинске. Снимок 2009 года
3. Памятник с подлинными именами захороненных — Дмитрия Лобинцева, Александра Пашкова и Ивана Лопатина. Деревня Чепчуги. Снимок 7 мая 2010 года
4. На церемонии установки памятника в Чепчугах ребята держат в руках страницы «Проталины» с портретами погибших летчиков

На снимках:

5. Акулина Константиновна Волкова — мать Ивана Иванова
6. Василий Иванович Волков — отец Ивана Иванова. По рассказам родственников, это снимок времен Первой мировой войны, Василий Иванович умер в 30 с небольшим лет
7. Акулина Константиновна и Клавдия (родная сестра Ивана Иванова) на картофельном поле
8. Родина Ивана Иванова — село Жидилово. Фотография прислана родственниками летчика из Винницы. К сожалению, у них нет его портрета
9. Ачасыры — место катастрофы самолета Ивана Грудакова. Поисковик из Казани Рафик Салахиев беседует с местными жителями
10. В поисках обломков самолета Ивана Грудакова

9

10

11

12

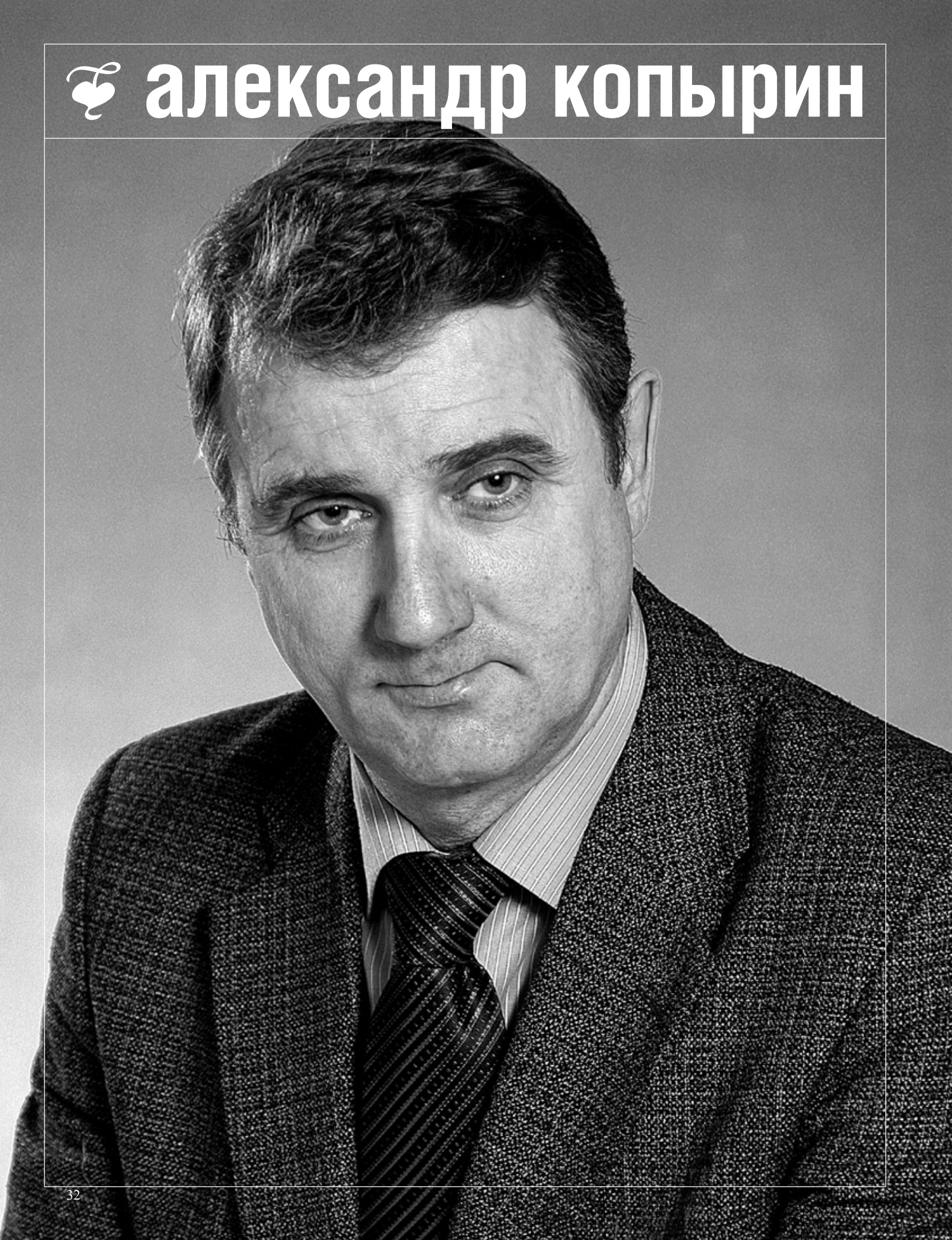
13

14

На снимках:

11. Чувашские школьники на могиле Ермакова. Второтойзинское кладбище. Снимки 2009 года
12–13. Так выглядела могила летчика Дмитрия Шпигуна
14. Памятник, установленный на могиле Дмитрия Шпигуна 3 мая 2012 года

александр копырин



неотступные разведчики забытого прошлого

Сегодня по многим высказываниям особенно остро чувствуется потаенное желание людей собрать любые малые крупицы нашей непростой драматичной русской истории, чтобы каждый смог осознать свою неотделимость от общей жизни. Это как в песне поется: «Поле, русское поле, я твой тонкий колосок...»

Как много еще на нашей земле безымянных братских могил и имен, намеренно забытых! Но неизбежно все возвращается. И страницы прошлого открываются, оживают во многом благодаря людям неравнодушным, неугомонным в поиске.

Одним из таких активных поисковиков можно назвать Александра Леонидовича Копырина из Асбеста. Работает он на комбинате «Ураласбест» в должности заместителя главного маркшейдера. А душой он давно прикипел к азартному краеведческому поиску. Рассказывая о себе, признается, что «много двигается», питает большую страсть к пешеходным маршрутам по окрестностям в поисках артефактов, имеющих отношение к «истории города, района и сопредельных территорий», а все свои наблюдения всегда берет на карандаш и на фотопленку. Он даже написал книгу о своем городе.

Александр Леонидович постоянно организовывает экспедиции по своему краю, охотно выезжает с группами школьников и взрослых на автобусах в качестве экскурсовода.

Вот выдержки из его скромного, но обстоятельного письма в редакцию:

«Проживаю в городе Асбесте, родился в 1956 году в городе Свердловске. Дальше стандартная биография советского человека: школа, студент, военная служба матросом на Тихоокеанском флоте, производство, жена, дети... и уже пенсионер.

Пытаюсь писать рассказы на различные темы. Публиковался в местных, региональных и московских изданиях. Образование техническое. Литературного, исторического или журналистского нет.

Увлекаюсь любительской охотой, имеется охотничья собака (все родственники по мужской линии охотники).

Увлечений и дел много (на все не хватает времени) — от садоводства и строительства гаражей до консультаций и оказания посильной помощи жителям нашего города и прилегающих поселков в написании краеведческих книг и статей. От некоторых предложений, к сожалению, приходится отказываться.

Кроме того, много своих тем и заготовок — как для рассказов, так и для больших материалов, которые можно выпустить в формате отдельной книги. Но это пока только перспектива.

Являюсь членом краеведческого общества города Асбеста, членом краеведческого родословного общества поселка Рефтинский, Уральского историко-родословного общества.

Вот, кажется, и все, разболтался не по теме, извините».

проталина

Следа от них нет на современных картах и планах, многие из них не обозначены и на старых бумагах, дошедших до наших дней. Но места эти и жизнь их обитателей остались в памяти старожилов, в легендах и рассказах.

Можно сказать, случайно мне и троим моим товарищам, краеведам из уральского города Асбеста, довелось прикоснуться к преданьям старины глубокой и попытаться найти одну из крупинок еще не такой далекой по времени, но уже подзабытой истории нашего Абестовского района. Здесь с начала освоения Баженовского месторождения, оказывается, было много населенных мест.

Хочется рассказать о двух таких некогда существовавших и исчезнувших поселках. Один назывался Рефты. Второй получил название по номеру лесного квартала, в котором он находился, — поселок 105 квартала.

Итак, поселок Рефты. Впервые о его существовании где-то на границе Асбестовского и Режевского районов Свердловской области мы узнали случайно, на одной из конференций в городе Реже. Сначала к этой информации отнеслись настороженно, почти скептически. Не раз бывало на подобных конференциях — приехавшие из разных городов пытались выяснить судьбу родственников, когда-то, еще в XIX веке, живших в Асбесте. Они, мол, имели тут мельницу или фабрику, или какое-либо хозяйство. Или просили поискать документы, человека по такой-то фамилии, увезенного в детский дом во время войны. При разъяснении этих вопросов оказывалось, что детский дом был совершенно в другом городе. Сбивали с толку одноименные поселки. Одних поселков Куделька в соседних районах «объявилось» сразу три. Так что к любой новой информации отношение у нас сформировалось очень осторожное.

Помню, на том же собрании в Реже подошла женщина, член общества краеведов этого города. Ее бабушка, проживавшая в Реже, была польского происхождения и попала на уральскую землю еще в начале войны. Молодость ее прошла в Рефтах. Вот об этом-то, нынче никому не известном поселке она и просила что-нибудь узнать.

Так с простого разговора и начался наш поиск. Никаких данных об этом поселке у нас не было. Единственный ориентир — удалось узнать, что он располагался на правом берегу реки Малый Рефт. Во время обсуждения возникло мнение, что он мог бы находиться по реке ниже современного поселка Рефтинский и, возможно, ниже поселка Золото.

Работа началась в двух направлениях. Первое, надо было провести опрос местных жителей и, второе, предстояла работа с архивами.

Старожилы вспомнили, что, действительно, было такое название — Рефты, и даже сказали, в каком примерно месте. Но тут возникла проблема. В указанной точке располагался поселок лесозаготовителей 105 квартала, который был известен многим местным жителям с довоенной поры. Было высказано мнение, что это тот же самый поселок Рефты, только он в разное время назывался по-разному.

Было еще предположение, что поселок 105 квартала, как он числился официально, на слуху назывался поселком Рефты, потому что находился на берегу реки Рефт.

Смущало то, что Рефты, по слухам, будто бы располагались на правом берегу Рефта, а поселок 105 квартала (это прекрасно помнят многие и указано на картах) — на левом.

Только через полгода наших поисков нам встретился человек, который рассказал более конкретно о местоположении поселка. И затем уже на планах и старых картах было найдено место, обозначенное как «Урочище Рефты».

Общаясь со старожилами, мы узнали, что поселки были крупными, так как имели даже свои кладбища. Со слов егеря, проживавшего на лесном кордоне Травянский (Травяной), уже после перестройки на местное кладбище почти ежегодно приезжал житель одной из стран бывшего соцлагеря. Здесь у него был похоронен родственник.

Все, что удалось узнать из рассказов и архивов, было нами объединено, систематизировано и осмыслено. Опираясь на полученные данные, мы решили продолжить поиски уже в этих местах.

Дорог в современном понятии туда не было. В военную пору в поселки ходили пешком от местечка Шамейка по лесу или по второй дороге от современного поселка Малышева. Со стороны города Режа также была дорога, она вела через лес на современные водозаборные сооружения города Асбеста.

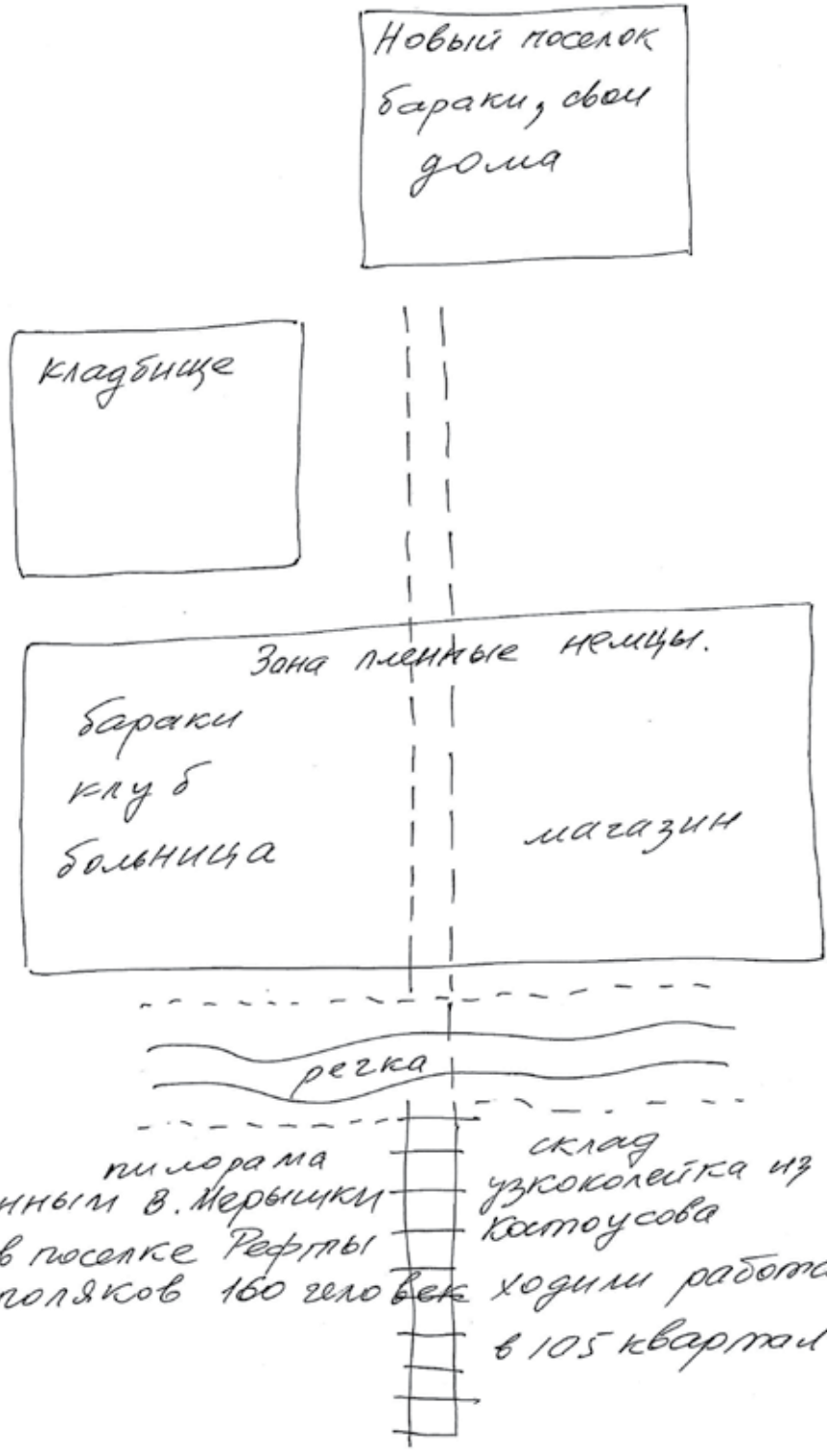
С нашей стороны эта дорога называлась Режевской тракт, а отдельный участок до Малого Рефта обозначен как Граневая дорога. Со стороны Режа эта дорога называлась Рефтинской, так как вела на Ильинский кордон, расположенный на реке Большой Рефт. На планах 1806 года эта дорога уже обозначена как действующая.

В поселок 105 квартала в середине XX века попадали еще со стороны поселка Монетный. Там была действующая узкоколейная железная дорога для вывозки древесины. Кроме того, там было несколько конно-пешеходных дорог, но все они вели на север в сторону Режа и поселка Монетный.

И вот наша поисковая группа энтузиастов запланировала начать экспедицию в апреле 2014 года. Целью был труднодоступный участок леса на границе Асбестовского и Режевского районов. Найти, определить и зафиксировать местоположение лесных поселков 105 квартала и поселка Рефты было главной задачей группы.

Но вмешалась наша непредсказуемая уральская погода, выпал снег. Через сутки началась метель, и именно в назначенную для выхода субботу снегу намело выше колена, а то и по грудь.

Схема лесного поселка 105 квартал Колесникова Николая Григорьевича. Семья приехала в 105 из Клевакино по вербовке. 1949 г.



Согласно данным В. Мерышки в 1942 году в поселке Рефты проживало поляков 160 человек ходили работать в 105 квартал.

Выход пришлось отложить. Но, что самое интересное — на вечернем совещании по телефону по вопросу переноса сроков экспедиции ни один из нашей группы даже не пожелал отступить от намеченного, если надо — пойдем в метель! Но благоразумие победило, и мероприятие все-таки пришлось перенести на начало мая.

Наконец дождались мая. Путь предстоял долгий. Самая ближайшая точка — это головные водозаборные сооружения на реке Малый Рефт. А оттуда еще шесть километров ходу — но это по карте, а сколько идти на самом деле и каково состояние дороги, было неизвестно.

Наполнили рюкзаки, взяли компасы, кино- и фотоаппаратуру, припасли болотные сапоги и, конечно, не забыли о самом главном — о картографическом материале. А еще вооружились современным прибором — навигатором.

Мы были готовы к любым неожиданностям, самая ужасная из которых — это клещи. Да еще, по слухам, где-то в этом районе бродит проснувшийся медведь.

Все члены экспедиции люди не робкого десятка, в лесных походах опытные. Юрий Михайлович Сухарев основательно занимается темой поселков Рефты и 105 квартала. Вся архивная и аналитическая подготовка экспедиции легла на его плечи. Он имеет большую практику походов по тайге, хорошо разбирается в планах и отлично ориентируется на местности. Олег Михайлович Кожевников — бывший стройотрядовец, турист (раньше было такое понятие), любитель природы. Он настоящий специалист по работе с фотоаппаратурой, мастер на все руки и, самое главное, человек неравнодушный, увлеченный, готовый поддержать любую здравую идею. Владимир Николаевич Рубцов — известный асбестовский краевед, заведующий музеем завода асбестовых технических изделий (АТИ), с его участием выпущена целая серия историко-краеведческих фильмов о городе и его окрестностях на местном телевидении. В экспедиции он стал нашим проводником. В этом районе он бывал неоднократно, места знал отлично (правда, по ним он ходил только по своему охотничьему промыслу, а это совсем другое дело). Преимуществом его было то, что в картах он разбирается прекрасно, что, впрочем, неудивительно, профессия обязывает — вот уже лет тридцать на своем рабочем месте Владимир Николаевич занимается составлением карт, планов и схем.

Мы с Рубцовым — заядлые охотники, болота, непроходимые дебри для нас — дом родной!

Ранним утром наша команда выдвинулась в северном направлении. Дорога отвратительная, лужи, грязь, бегущие через дорогу ручьи. Но все эти неудобства перекрывали другие весенние впечатления. Еще не проснувшийся лес, большие острова снега в темнохвойной тайге. Но впереди глинистая колея, заполненная грязной жижей. Слева и справа то и дело мелькают болотца, березовые колки, и темной стеной высится могучий сосновый бор.

До намеченной переправы добирались около двух часов, но здесь нас подстерегала неожиданность. После стаявшего снега и осадков некогда двухметровая речка Малый Рефт превратилась в широкую, местами метров на сто, реку с сильным течением посредине.

Место переправы было скрыто под метровым слоем воды. И не просто воды, а сильного течения с ревом, водоворотами и бурунами. От мысли о форсировании реки в этом месте пришлось отказаться, нас запросто могло смыть.

Двинулись в другое место, где когда-то был мост. Рубцов вспомнил, что неоднократно ездил по этому мосту много лет назад. И вот после получасового преодоления темного мохового болота мы вышли на большую поляну, раскинувшуюся на северо-восточном склоне холма у реки.

Сверившись с планами и навигатором, мы пришли к единому мнению, что находимся на месте поселка. Внимательно приглядевшись, обнаружили признаки прошлой жизни, ныне почти полностью заросшие усадьбы. Где-то полуобвалившаяся яма — когда-то это были погреба. Где-то широкие возвышенности, покрытые травой, — это фундаменты печей. И повсюду тут растет малина.

По всем этим признакам возможно восстановить планировку поселка и сосчитать количество давних строений. Отчетливо видно, где были дома, а где бараки... Все это мы зафиксировали, сняли на пленку и занесли в навигатор. Теперь предстояло другое — нужны убедительные артефакты, предстояли раскопки. В одной из усадеб нашли три прекрасно сохранившихся кирпича, наверное, от печи. А еще обнаружили полузаброшенный колодец. Он находился в отдалении от поселка, на склоне холма. Было высказано предположение, что раньше здесь бил ключ. Добротная деревянная обвязка (сруб), несмотря на более чем полувековой возраст, сохранилась хорошо. Мы не могли устоять и смерили глубину колодца — полтора метра.

Дальше наш путь лежал к мосту, но тут, как всегда, нас только и ждали... Мост оказался разрушенным, мало того, от подъема уровня воды часть бревен унесло течением, а сам мост находился почти на метровой глубине под водой.

До конца нашего маршрута осталась пара километров — а на пути этот полуразрушенный мост! Нас это не остановило, сначала пошли прямо, пытаясь перейти по остаткам бревен. Для этого нарубили в лесу почти трехметровые слеги (шесты) и с промерами медленно двинулись вперед.

Акробатическая балансировка на скользком бревне, при сильном течении, едва не кончилась плачевно. Один из группы сорвался и полетел в воду, только чудом ему удалось ухватиться за шест, он, слегка черпа-

Снимки действующих лиц с комментариями автора очерка. Авторские пояснения мы решили оставить без изменений

Поисковая группа в начале маршрута. Май 2014 года. В зеленой штормовке, коричневой шапке с козырьком — Копырин Александр Леонидович. Второй, со станковым рюкзаком за спиной, в синей шапке, — Кожевников Олег Михайлович. Третий, с рукой в кармане, в загнутых болотных сапогах, — Рубцов Владимир Николаевич. Четвертый, в руке яркая синяя шапка, — Сухарев Юрий Михайлович

На месте поселка. Первый, в зеленой фуражке, — Рубцов Владимир Николаевич. Второй, в зеленой штормовке, коричневой шапке с козырьком, — Копырин Александр Леонидович. Под штормовкой на животе спрятана видеокамера. Третий, коричневый рюкзак за спиной, — Кожевников Олег Михайлович. Четвертый, в ярко-синей шапке на голове, — Сухарев Юрий Михайлович

нув воды, выровнял равновесие. Тут же все кинулись на помощь.

Переправа не состоялась, пришлось отступить. Прошли вверх по течению в надежде найти упавшее дерево или перейти реку по перекату. Но течение оказалось настолько сильное, и воды было так много, что все упавшие деревья развернуло вдоль русла.

Вновь вернулись к мосту и попытались найти способ перейти на ту сторону, но тщетно. Все промеры показали бесперспективность наших планов. Даже если принести из леса бревно и бросить для перехода, его все равно унесет течением.

Жаль, что мы так и не смогли попасть на другой берег!

Расположились на обед, развели костер, вскипятили котелок чаю, плотно перекусили и обсудили ситуацию. Никаких вариантов для форсирования реки придумать не смогли. Оставалось одно: выбрать время и прийти сюда еще раз.

На обратном пути обсудили увиденное и наметили планы на будущее. Хотя задачу мы выполнили только наполовину, настроение у нас не испортилось. Двигаясь к дому, мы успели разглядеть камни необычной расцветки, полураспустившиеся подснежники, следы жизни лесных обитателей. Сфотографировали ящерок и змей, гревшихся на камнях, посмотрели вслед сорвавшемуся табунку уток, одетых в красивые весенние наряды. Ну а как не заметить глухарок, которые пролетают над твоей головой с сердитым квохтаньем! А как радужно, в оранжево-белые цвета раскрашены у них хвосты! И, конечно, порадовал заяц, который выскочил перед нами и дал стрекоча по дороге, далеко впереди мелькая белым задом.

Одно слово — весна!

Работа наша по закреплению фактологического материала была выполнена всего лишь наполовину. Форсирование реки Малый Рефт в мае закончилось неудачно — на территорию поселка 105 квартала мы выйти не смогли. Так что теперь оставалось спланировать новую поисковую экспедицию в те же места.

В начале октября наша группа в прежнем составе отправилась на новые поиски теперь уже лесозаготовительного участка, который был образован в далекие 1930-е годы.

Перед выходом наметили план с учетом нашей весенней попытки. Не зная теперешнего состояния моста, уровня и количества воды в реке, мы решили не рисковать и сразу же направиться сначала на левый берег, а там уже двигаться в соответствии с состоянием дороги.

До места добирались долго на машине. Дорога оказалась разбита еще сильнее, чем весной — бесконечные ямы, лужи, грязь. Миновав реку Малый Рефт, свернули налево. Но так как в этом районе мы не бывали уже давно, а ситуация меняется почти каждый год, мы промахнулись и, проехав по лесной дороге, уткнулись в болото.

Дальше продолжили путь пешком. Погода в этот день была отличная, с утра — небольшая прохлада, периодически выглядывало солнце.

Двигаясь по дороге, наблюдали удивительные лесные картины. Удивиться было чему. Под ногами ярко-зеленая осенняя трава — отава. Коричневый папоротник, темно-зеленая хвоя елей, лиственницы, наполовину ярко-желтые, и золотая листва берез. Кругом возвышались деревья, огромные лесные великаны. Возраст их мы, конечно, определить не могли, но таких деревьев в наших лесах встречать давно не приходилось. Ели толщиной более метра, со свисающим с пушистых лап мхом. Лиственницы, стволы которых обхватить и втроем невозможно.

Два часа хода с короткими остановками на фотозарисовки, и мы почти на месте. Людям, часто бывающим в лесу, любой незнакомый участок кажется интересным. Особенно охотникам!

Шагая по дороге без оружия, поглядывали по сторонам и успевали разглядеть следы лосей. По хрусту и треску ветвей можно было определить слетевшего с дерева глухаря, а их здесь, на лиственницах, много! И как не заметить вальдшнепа с длинным вытянутым клювом, который с треском взлетает в метре от ваших ног! А вон там, за кустами, с характерным шумом вспорхнула пара рябчиков...

На подходе к реке, преодолев большое болото, вышли на обширную поляну на западном берегу Малого Рефта. Еще несколько усилий — и вот мы у моста, который не смогли преодолеть в мае.

Мост полуразрушен. В середине сняты поперечные бревна и продольный настил из плах, который подкладывается под колеса автомобиля.

Конечно, печально, на дворе XXI век, люди должны быть умнее, практичнее или рациональнее. А здесь высокообразованные охотинспекторы, вместо того, чтобы восстановить мост, построенный еще в советское время, разобрали его на части. Это якобы для того, чтобы охотники из соседнего района не могли попасть на другую сторону реки.

Осмотрев нарушенную конструкцию, заметили, что мост-то был построен основательно и, несмотря на все погодные катаклизмы и человеческие издевательства, вполне может быть отремонтирован и годен прослужить не один десяток лет.

Прямо у моста на берегу сделали небольшую остановку. Еще раз посмотрели схемы и планы, наскоро перекусили и сфотографировались. В это время — очередной сюрприз нашей уральской погоды. Небо затянуло серыми тучами, и посыпалась снежная крупа.

На верху поляны увидели небольшой железный вагончик. Это оказался пассажирский вагон узкоколейной железной дороги. Правда, без окон, но зато с нарами из жердей — на два спальных места.

У лиственницы. Слева идет Рубцов В.Н. Держится за дерево — Кожевников О.М.

На левом берегу Малого Рефта. Первый, в зеленой штормовке, коричневая шапка с козырьком, — Копырин А.Л. Второй, в синей шапке с надписью, — Сухарев Ю.М. Третий, в темно-синей шапке, — Кожевников О.М. Четвертый, в зеленой фуражке с сигаретой в руке, — Рубцов В.Н.

Дальше наш путь пролег по старой дороге, и мы вышли к площадке поселка 105 квартала. Затем небольшой перелесок и дальше — большая поляна, на которой когда-то располагался концлагерь.

Место для поселений выбрано, конечно, удивительное. Ровная площадка с плавным уклоном к реке в южном направлении, а вверху крупный сосновый лес.

Все заросло буйной травой. И опять во многих местах видны обвалившиеся погреба и остатки фундаментов. И подумалось, что вполне можно восстановить планировку поселка — где стояли дома, где бараки, а где клуб и даже магазин. Тем более, что в руках у нас были схемы, предполагающие такие расположения.

Поселок по тем временам считался крупным. Работало лесозаготовительное производство, и была подведена ветка узкоколейной железной дороги. В послевоенный период, в конце сороковых годов, в поселке проживало около тысячи человек.

Сверившись с компасом, мы двигались по схемам, нарисованным бывшими жителями поселка Николаем Григорьевичем Колесниковым и Вячеславом Васильевичем Сохоревым. С ними подробно побеседовал наш товарищ по поискам — Юрий Михайлович Сухарев. По его словам, оба жителя, несмотря на свои преклонные года, а им уже под восемьдесят, сохранили прекрасную память и сумели правильно определить направление поиска.

Как ориентир старожилы указали нам огромную лиственницу и предупредили, что дерево могли спилить, но все равно должен остаться большой пень. Так оно и вышло. Лиственницы на месте уже не было, а пень гигантских размеров возвышался недалеко от дороги.

Пройдя по территории бывшего поселения, наткнулись на замаскированный раритет — старую металлическую кровать. Подобные кровати сейчас показывают в передачах, посвященных войне 1914 года.

Схемы, которые предоставили Сухареву старожилы, оказались очень точными. На листах бумаги крестиками, квадратиками и точками были обозначены практически все постройки, которые существовали на местности. На некоторых участках определены даже расстояния.

Но время идет, ситуация меняется. Сами площадки от поселений остались практически нетронутыми. Но рядом с дорогой пролегла трасса газопровода.

Еще раз выверив схемы, мы прошли немного на юг и под прямым углом свернули в лес. Буквально в ста метрах наткнулись на осевшие могильные холмики. Они были плохо различимы и уже поросли мелким лесом и кустарником. У нас были еще сомнения. Но пройдя еще немного в глубь леса, мы обнаружили старые памятники.

Кладбище можно считать интернациональным. Здесь похоронены поляки, немцы и наши русские — жители ближайших деревень, которые приехали сюда по вербовке, а также бывшие заключенные, которых отправили сюда на поселение.

По рассказам старожилов, в послевоенный период на кладбище стоял большой деревянный католический крест. По всей вероятности, его установили поляки в память о своих земляках.

Видимо, вот на это кладбище, к могиле своего родственника, и ездил житель одной из бывших стран соцлагеря. Однако явных следов недавнего посещения людей здесь не обнаруживалось. Единственный относительно новый памятник из нержавеющей стали, со звездочкой, был, очевидно, поставлен в 1980-х годах. В тот период как раз массово устанавливали памятники из такого металла.

Вот это, наверно, и есть конечная точка нашего поискового маршрута. Мы еще покружились в лесу, пытаясь найти какие-то признаки ушедшего времени, но тщетно. Холмиков много, но классифицировать их затруднительно. Где-то видны были небольшие раскопки, где-то геологоразведочные канавы примерно двадцатилетней давности. По определению специалистов, здесь работала геологоразведочная партия объединения «Уралкварцсамоцветы». Потом, уже двигаясь к дому, мы наткнулись на брошенные геологоразведочные керны из белого мрамора.

На территории самого кладбища мы заметили необычные березы, по два-три ствола росшие из одного корня. Некоторые уже на высоте двух метров еще расщепились на несколько стволов. Тут таких было много.

Неизвестно, насколько достоверно, но в свое время бытовала такая легенда. На кладбищах, где в братских могилах похоронено много людей, растут именно вот такие многоствольные березы.

Обратный путь занял немного больше времени, чем мы рассчитывали. Дело в том, что мы отклонились от маршрута и зашли в сторону большого болота. Здесь много лет назад Владимир Николаевич Рубцов находил старые колеса от узкоколейки и ржавые рельсы. Но это было давно, а теперь их обнаружить не удалось. Или они опустились в болото и заросли мхом, или мы ошиблись с местом.

Домой мы возвращались с чувством выполненного долга. Первоначальная разрозненная информация, попавшая в наши руки, была наконец систематизирована и исследована. В результате можно привести следующие данные.

Поселок Рефты начал свое существование с 1940 года. В этот период из западных областей Украины и Белоруссии в Свердловскую область привезли польских граждан — спецпереселенцев, которых называли осадниками. Осадники — это прототип наших казаков, их селили на неспокойных границах с сопредельными государствами. Часть из них расселили по Режевскому району. В Рефты попало 160 человек.

Поселок располагался на правом берегу реки Малый Рефт, соответственно и название получил по названию реки.

Кроме поляков, жили там и местные, пришедшие на заработки из ближних деревень. Были и украинцы, и евреи.

После формирования Войска Польского в Рефтах осталось 89 человек, скорее всего, только женщины, дети и старики. После освобождения западных областей Украины и Белоруссии в 1944 году всех поляков отправили на родину.

Бараки и все пригодные для эксплуатации постройки были перевезены к озеру Травяному, и на западном его берегу возник новый поселок Рефты. И просуществовал он там до 1960-х годов.

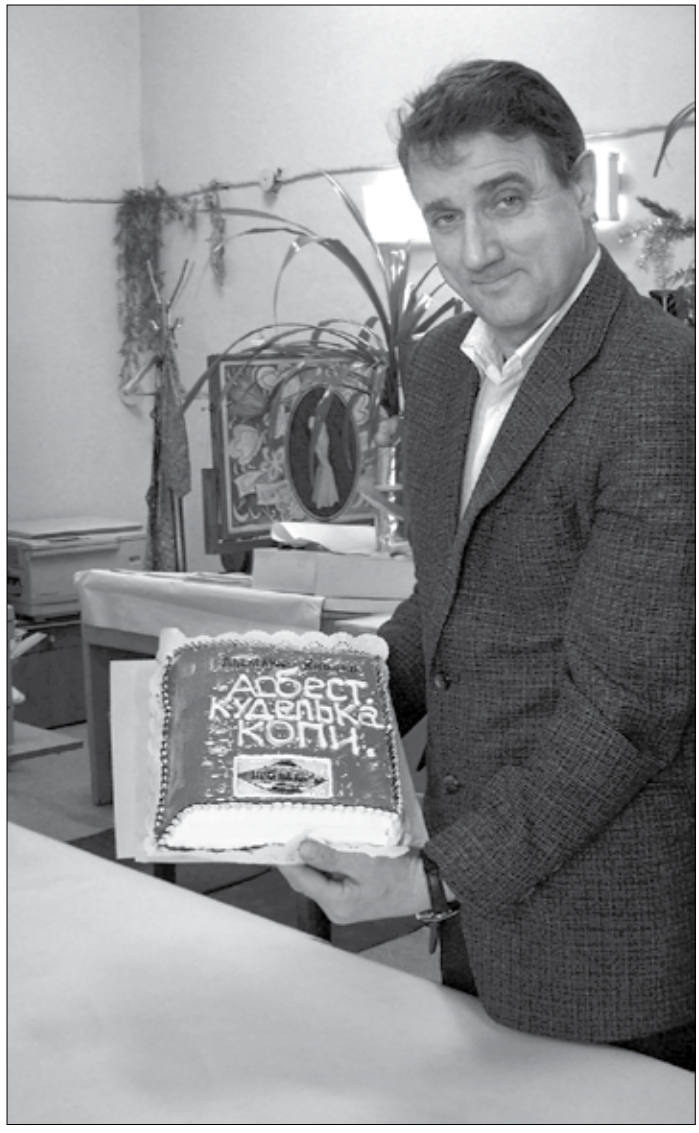
Лесозаготовительный участок 105 квартала был образован в 1930-е годы. Поселок располагался на левом, высоком берегу реки Малый Рефт, название получил по номеру лесного квартала, где и находился. Такова была распространенная практика наименований того периода.

Тогда же рядом с поселком работали геологи. На местности была построена шахта, в лесных массивах пробиты шурфы и проведены разводочные канавы.

Поселок 105 квартала был известен как лесозаготовительный участок. В военный период рядом с поселком был построен лагерь, куда привезли пленных немцев, они работали на лесозаготовках. Численный состав около 200 человек. Находились они там до 1948 года, затем были отправлены в Асбест. На освободившуюся территорию привезли заключенных, и они также работали на лесозаготовках. В начале 1950-х годов проживало там около тысячи человек. Надо заметить, в поселке лесозаготовителей были клуб, больница, магазин, столовая, школа...

Поселок прекратил свое существование, по официальным документам, в 1949 году, хотя, по воспоминаниям старожилов, он дожил до середины 1960-х. Наиболее поздний из сохранившихся памятников относится к 1955 году.

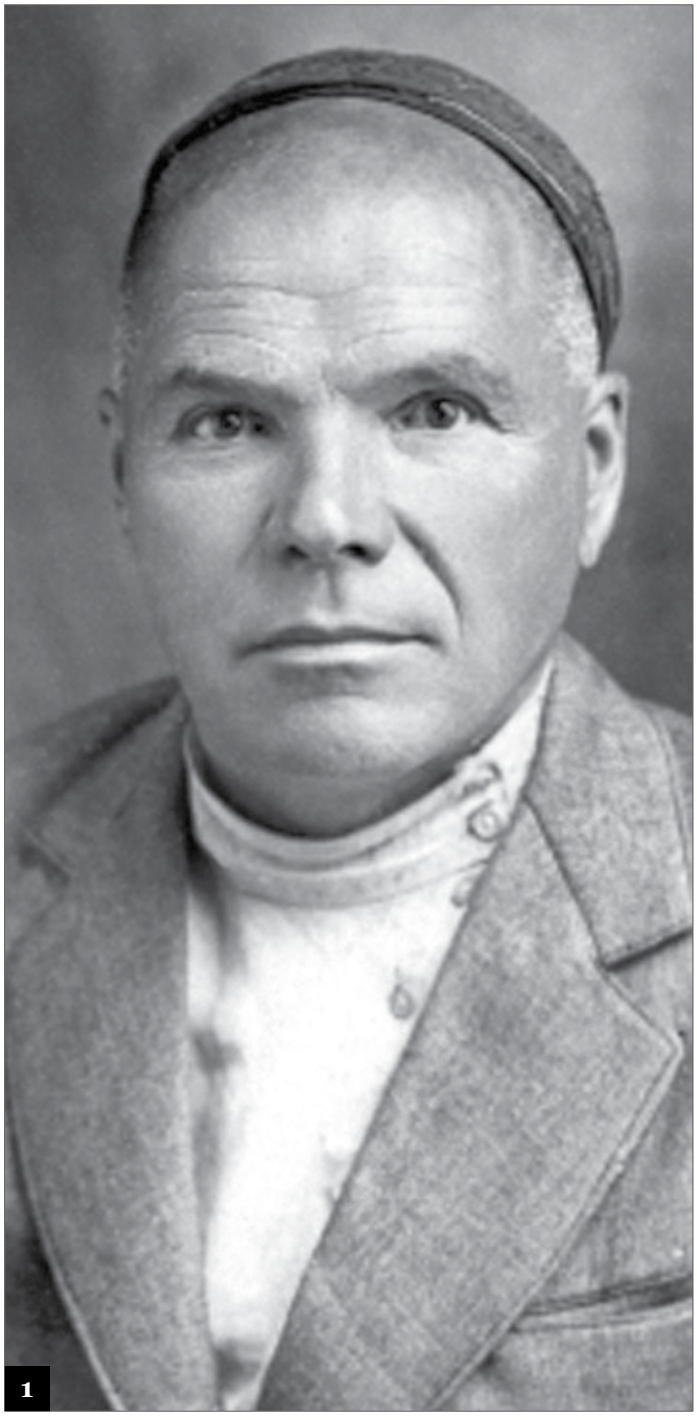
Итак, программу экспедиции мы выполнили. Найдены два поселка, о которых почти все забыли. Судьба их была переменчивой и многотрудной, как, по существу, судьба всей нашей страны.



Автор очерка Александр Копырин с презентом. Его краеведческая книга «Асбест. Куделька. Топи» была отмечена достойной наградой — медалью имени Наркиза Чупина, основоположника уральского краеведения. Коллеги, разделяя его радость, сделали торт. А вот слова автора книги об этом торжестве:

«О работе над краеведческой книгой и пяти годах хождения по кабинетам в поисках спонсоров и любых других возможностей для издания книги знал весь город и, конечно, мой родной трудовой коллектив. В нашем отделе на тот период работало около двадцати человек. По случаю выхода книги коллеги торжественно поздравили меня, преподнесли вот такой торт, который повторял обложку моего произведения. Честно сказать, я этого не ожидал и, можно сказать, приятно удивился. В конце рабочего дня устроили шикарный стол (это была как раз пятница), и мы это, конечно, отметили».

иван марков
смутные лики манящей свободы



Еще одно откровение, которое могло бы никогда не прозвучать! Читателю открывается судьба человека, чья жизнь оказалась на переломе русской истории. С той поры сменилось не одно поколение. За столько лет, отделяющих нас от далеких событий красного Октября, была представлена невообразимая мешанина отзывов, мнений и позиций в характеристике происходящего, всего того, что предшествовало Октябрьской революции. Периодически что-то выяснялось, дополнялось и опровергалось под влиянием нового «курса». Но достоверность фактов и событий, как известно, неизбежно прорастает сквозь наслоения домыслов.

Иногда ценные свидетельства очевидцев доходят до нас, к сожалению, когда их самих уже нет в живых. Но они все-таки не исчезают бесследно, благодаря внимательным, думающим людям, которые болеют за свою родину, — именно ими сохраняются крупицы истории.

Вот так — буквально из рук в руки — к нам в редакцию «Проталины» попали записки Ивана Михайловича Маркова, известного вятского революционного подпольщика, побывавшего в эмиграции и вернувшегося на родину в 1917 году с искренним стремлением включиться в строительство новой жизни. В своих автобиографических воспоминаниях Марков с живым чувством обращает внимание на все детали социальной жизни доселе ему неизвестной «заграницы» первых десятилетий XX века. По убеждениям ярый большевик, он не увидел возможности реализовать свои идеалы у себя дома, а приспосабливаться не умел и не хотел, поэтому эмигрировал. Проще говоря, сбежал, затаившись на отплывающем от берегов России судне.

На снимке:

1. Иван Михайлович Марков. Казахстан, г. Щучинск, 1938–1939

О том, как сложилась судьба Ивана Маркова, нам поведал его племянник Евгений Иванович Пинаев. Ему еще мальчишкой посчастливилось неожиданно «отрыть» старую рукопись среди домашних вещей, и открылось то, что сразу всколыхнуло душу. Автора воспоминаний к тому моменту уже не было в живых. Из рассказов родных было известно, что жизнь Ивана Михайловича сложилась трудно: мучили застарелые болезни, родную Вятку пришлось покинуть — он поехал в Казахстан, где жили его раскулаченные в двадцатых годах родители, которые никогда не были богатыми, как все, были втянуты в колхозное строительство, но печальной участи не избежали. Запомнилось Евгению Ивановичу, что в качестве трофеев из своего долгого, наполненного опасностями экзотического путешествия дядька привез на родину две иностранные присказки — «Сакраменто» и «У, кукла американская!».

Евгений Пинаев, будучи уже состоявшимся писателем и художником, вдохнувшим соленых океанских ветров в своих плаваниях на разных судах, и сегодня не потерял того живого интереса, который пробудила в нем давняя мальчишеская находка. Передавая рукопись в редакцию «Проталины», он вернулся в свое далекое детство и в те моменты, которые сохранила память об удивительном человеке Иване Маркове:

«В романе «Упала мгла на старые ступени» Александр Чудаков описывает Чебачинск — заштатный городок своего детства в Северном Казахстане. Я и сам изобразил этот город в одной из повестей под именем Окуневск. А зовется он Щучинском и лежит рядом с озером Щучье. В нем, Чебачинске-Окуневске-Щучинске, прошло и мое детство. Давно упала мгла на те далекие годы и на ступени старого крылечка, на котором я и дружбан мой Витька Калашников строгали стрелы для лука солнечным днем 22 июня 1941 года. Мы даже что-то пели. Вроде бы: «Броня крепка и танки наши быстры». Самый старший брат моей мамы дядя Ваня подошел неслышно, постоял за нашими спинами и сказал: «Война началась, ребятёнки. С германцем».

Что сказать дальше? Сразу ушел на фронт Витькин отец. Тракторист стал танкистом и погиб в первые месяцы войны. Вскоре дошел черед и до моего отца. Он осилил все фронтовые дороги и вернулся. А дядя Ваня, Иван Михайлович Марков, ставший главой нашего семейства, дожил до декабря 1944 года и умер следом за матерью, через два часа. Спали они в одной комнате. Дядя болел. Спросил, что случилось, ему ответили... Он повернулся лицом к стене, сказал: «Что ж, одно к одному...» — и отдал, как говорится, Богу душу.

Году в сорок шестом добрался я до бумаг в его сундучке-корзине, сплетенном из каких-то прочных прутьев. Искал я дядин ружейный припас, а обнаружил книгу двадцатых годов «1905 год в Вятской губернии». Среди участников тех давних событий, чьи фотографии были в ней помещены, кажется, был снимок и моего дядюшки. Лежала в сундучке и автобиография, написанная его любимым пером «рондо», что придавало почерку особое своеобразие. Я успел ее прочитать до того, как мама отправила все бумаги в Стерлитамак другому своему брату — дяде Мише. По ее словам, он их сжег, но вернул нам машинописный вариант автобиографии Ивана Маркова. Его я и предлагаю «Проталине».

«Упала мгла на старые ступени» — эта строчка принадлежит Александру Блоку... Но даже сквозь мглу давних лет можно при желании проследить судьбы разных людей, их связь с судьбой старой России. В силу возраста мне больше всего запомнился тот кусочек жизни Ивана Михайловича, что был связан с морем. Кто знает, возможно, он-то и повлиял на то, что часть моей жизни тоже оказалась «соленой».

Теперь мы предлагаем читателю сохраненные семьями Марковых и Пинаевых страницы, отразившие судьбу одного из российских скитальцев — искреннего борца за новую жизнь Ивана Маркова в том запутанном и трагичном времени, о котором до сих пор многое недосказано.

проталина

Ничем не ознаменовано было мое рождение в одном из глухих уголков бывшей Вятской губернии. Это незаметное событие произошло в 1886 году. Много воды утекло с тех пор. Много земли исхожено, много морей, океанов переплавано.

Детские годы, годы учения прошли под родительским кровом, в бедной крестьянской семье. До 14 лет дальше своей деревни носа не показывал, а после уехал работать в Вятские железнодорожные мастерские. Работал табельщиком.

В то время много читал, читал что попало. Иногда попадала нелегальная литература. Эти брошюры и прокламации и окружающая меня жизнь открыли глаза на всю несправедливость капиталистического строя. Этот гнет я испытал на себе. А еще больше я узнал, поступив в кружок рабочих Вятской РСДРП.

В 1905 году уже принимал активное участие в проведении Всероссийской железнодорожной забастовки, будучи членом стачечного комитета при станции Вятка. Железнодорожники как наиболее организованные оказывали огромное влияние на проведение забастовки по всем предприятиям. В этот период «отцы города» ходили перед ними на задних лапах.

С железнодорожной жандармерией расправлялись по-пролетарски. Мне лично доводилось высаживать жандармов из поездов, отцеплять паровозы...

Два раза меня арестовывали, но через пару часов освобождали, так как время репрессий еще не наступило. Но вот из Петербурга дали знак, и заработали карательные отряды. Правда, в Вятке расстрелов не было, но аресты производились пачками.

В феврале 1906 года Вятская губтюрьма стала моей квартирой. Битком набитая политзаключенными тюрьма все же ежедневно принимала новых. Много сидело там и крестьян-повстанцев, примыкавших к эсерам. Мы, железнодорожники, в количестве 20–25 человек были помещены в одной камере. Время проходило в спорах, пении революционных песен, чтении газет. Газеты получали ежедневно свежие через передачу молока в бидоне с двойным дном. Ходили на допросы в тюремную контору, где следователь вел дознание с браунингом на столе.

Постепенно арестованных освобождали, одного за другим. Через четыре с половиной месяца вышел и я. Несказанно обрадовался свободе, и майские дни показались мне светлыми, теплыми и веселыми, как никогда.

Революционная работа, начатая в подполье, не умерла после царских репрессий. Действовали подпольные типографии, а на конспиративных квартирах печатали прокламации на гектографах.

Месяца через полтора жандармы при обыске нашли у меня нелегальную литературу и опять упекли в губтюрьму. Вышел на поруки до суда, просидев два месяца в одиночке.

В 1906 году, осенью, выездной сессией Казанской судебной палаты был приговорен к девятимесячному заключению в крепость, но ввиду несовершеннолетия срок наказания был уменьшен на одну треть. Приговор был кассирован. Пока дело ходило по судебным инстанциям, меня опять успели засадить в тюрьму за созыв крестьянского собрания. Три с половиной месяца высидел по распоряжению князя Горчакова, вятского губернатора. К этому времени и приговор утвердили, следовательно, пришлось еще месяц откачать в Уржумской тюрьме на крепостном содержании.

После «сидения» в тюрьмах найти заработок стало трудно. Временно перебивался в земской статистике, а в 1910 году волею судеб очутился в городе Архангельске. Проработал здесь года полтора на лесопильном заводе и решил улепетнуть из России.

Случай скоро представился. У завода «Экономия» грузился германский пароход «Консул Хорн». Работая на нем в качестве грузчика, я познакомился с одним матросом. Матрос — латыш, говорит по-русски. Мы скоро с ним спелись. И за пару бутылок очищенной он согласился провести меня на пароход и спрятать в укромном местечке. Часа за два до отплытия я уже был там. Латыш провел меня в носовую часть корабля. Там был люк, и я влез в него. Очутился на самом дне судна и просидел там, пока не миновала опасность, что меня найдут и вернут на берег. Когда вышли в море, вылез.

Дело было поздней осенью. Ветер яростно свистел в снастях, снег лепил глаза. Белое море разбушевалось не на шутку. Мне, сухопутному моряку, приходилось плохо. Началось сильное головокружение, тошнило. Так и тянуло прилечь и заснуть. Черта с два! Только подумал об отдыхе, явился механик, предложил переодеться в рабочий костюм и увел с собой.

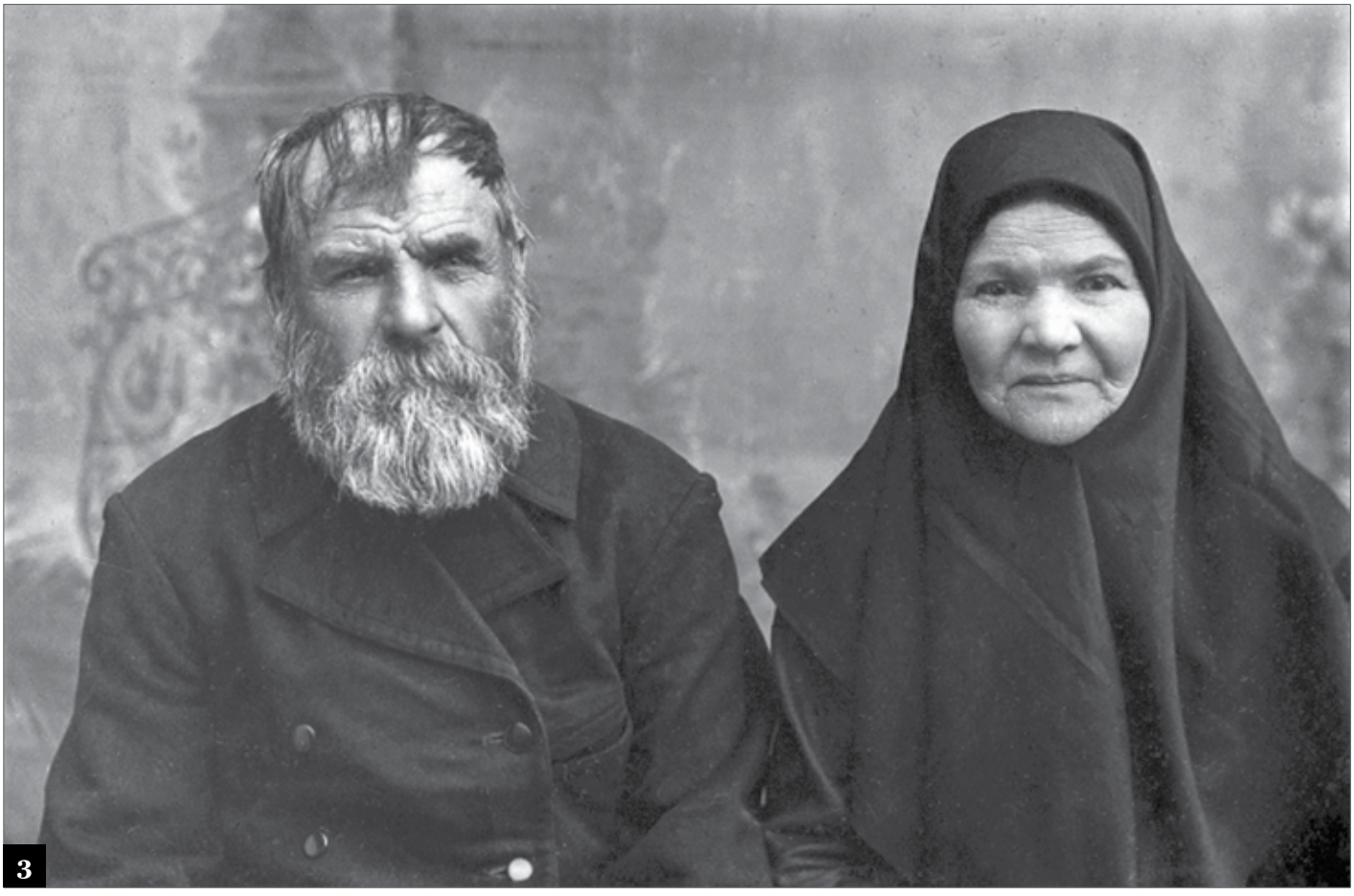
Протестовать не приходилось — здесь не берег, на море свои законы. Спустились в бункер. Механик показал работу и ушел. Дело было нехитрое: наложить в тачку угля, подвезти к люку и высыпать. Все это просто и легко выполнимо в береговых условиях, когда под собой чувствуешь твердую почву. Раньше мне приходилось плавать только по реке Вятке, на булычевских пароходах. Известно, какие волны на этой реке. Даже в сильную бурю они не смогут качнуть пароход. Здесь же совсем другое дело. Почва (вернее, не почва, а палуба) то и дело ускользает из-под ног. Много раз падал я, катался с тачкой от борта к борту, прежде чем научился сносно ходить. На это потребовалась пара суток. Настоящим моряком я сделался не скоро.

Так как на пароход я садился «зайцем», то и багаж мой состоял из того, что было на мне. Едучи «зайцем»,

На снимках:

2. Иван Марков, Сергей Колоницын, Сергей Леготкин. Канада, 1913
3. Отец Михаил Гаврилович и мать Александра Васильевна Марковы, 1928

2



3

нечего рассчитывать на комфорт. Но в таких условиях, в которых ехал я на «Консуле Хорне», не хотел бы больше путешествовать. Во-первых, не было свободной койки для спанья, так как команды был полный комплект. Волочился где попало: на котлах, за котлами, в машинном отделении, в бункерах. Не умывался дней шесть-семь. Своего мыла и полотенца нет, а спросить стеснялся. Когда пароход остановился в английском порту Шарпнесс, мне удалось увидеть свою физиономию в зеркале. Ну и хорош был! За время переезда работал в бункерах около угля, потел, при этом условии угольная пыль толстым слоем садилась на лицо, потом шел в машинное отделение, там обтирал масло с машин, этой же тряпкой вытирал себе лицо и, конечно, разрисовал себя на славу. Капитан парохода через латыша-матроса предлагал мне или оставить судно, или идти в береговую контору, чтобы подписать контракт с обязательством работать кочегаром.

Убоялся остаться на берегу и решил поработать на пароходе. Помывшись первый раз после отъезда из России, пошел с капитаном в контору. Там мне что-то прочитали и велели расписаться. Читали по-английски, ни слова, конечно, я не понял, но храбро поставил свою подпись. Только спустя полгода узнал, какой договор был мной подписан в Шарпнессе. Оказывается, русский подданный Марков обязался работать кочегаром на германском корабле «Консул Хорн» до тех пор, пока это судно не придет в русский или немецкий порт. «Консул Хорн» не делал определенных рейсов между какими-нибудь двумя-тремя городами и поэтому был бродягой.

Поставив подпись в портовой конторе города Шарпнесса, я таким образом узаконил свое пребывание на пароходе. С этого момента перестал быть «зайцем». Несколько человек команды сбежали, и для меня освободилась койка. Удрал и мой латыш, заняв предварительно десять николаевских рублевок — все мое состояние. С тех пор я его не встречал и долга не получил. Я на него не сержусь, а наоборот, благодарен, так как он доставил мне возможность сделать путешествие вокруг света без гроша в кармане.

Зажил я жизнью моряка. Четыре часа работаешь в кочегарке, а восемь от вахты до вахты отдыхаешь. Втянулся постепенно, и уже качка не вызывала ни головокружения, ни тошноты. Любил стоять на носу парохода и подставлять грудь ветру, любовался дельфинами и стайками летучих рыб.

Проходили дни за днями. Пароход шел то с грузом, то порожний, лишь с небольшим количеством балласта в виде морской воды. Побывал в Алжире, Оране, Сантосе (Бразилия), Галвестоне (Техас), а весной 1913 года смотрел с борта парохода на Роттердам (Голландия).

В Роттердаме, как и во всяком другом городе, команда сменилась, часть сбежала, и на их место пришли другие. Среди новеньких оказался русский по фамилии Шляхтин. По его словам, он раньше работал командиром на одном из пароходов торгового флота, плававших по Черному морю. Захотел побродяжить, бросил службу и вот оказался здесь. С первых же шагов порядки на нашем корабле ему не понравились, не по вкусу пришелся и стол. Нужно сказать, что кормили нас отвратительно.

Шляхтин решил переменить пароход и предложил мне сделать то же самое в первом же порту. Я согласился. Из Роттердама перешли в английский город Барроу. Шляхтин тотчас же отправился к капитану и заявил о своем и моем уходе. Против ухода Шляхтина капитан не стал возражать, а вот меня, согласно договору, не пустил.

Пошли с земляком к консулу, а я не в зуб толкнуть по-английски. Шляхтин кое-как с ним объяснился, и англичанин согласился на мой уход с парохода (вероятно, Шляхтин скрыл от него условия договора). В это время вошел наш капитан, и все изменилось. Он обрисовал положение в другом свете, и консул изменил свое решение. Пришлось мне идти обратно на пароход, а Шляхтин исчез навсегда с моего горизонта. Мог бы, конечно, я сбежать, но не было получено жалование, а оставлять его капитану не хотелось.

Пришел опять на «Консул Хорн» и встретил земляка. Разговорились, он оказался уроженцем города Пскова, а теперь уже лет двадцать живет в Глазго и содержит бординг-хауз. Содержатели таких меблированных комнат со столом служат поставщиками матросов на пароходы, не без пользы, конечно, для себя.

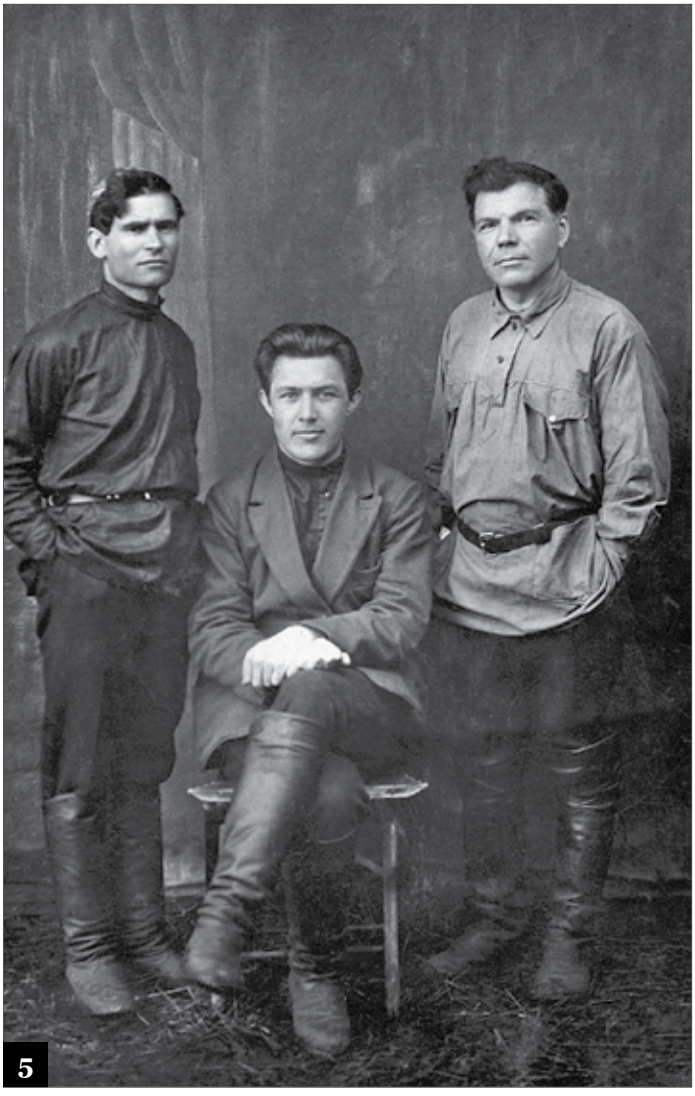
Какой-нибудь впавший в нужду моряк находит приют у содержателя бординг-хауза, а потом расплачивается месячным жалованием за три-четыре дня пребывания у него. Мой землячок привез двух матросов и теперь сидел довольный устроенным дельцем.

Из разговоров с командой он узнал, что я хочу уйти с парохода. Постоянно проживая здесь, он знал, как обстоит дело с поисками работы, поэтому посоветовал мне остаться на пароходе, плыть на нем до Канады (он знал, что пароход идет именно туда) и там уже сбежать. Здесь же уходить нет никакого смысла по трем причинам: во-первых, в Барроу забастовка, во-вторых, нет денег, а в-третьих, я не знаю языка. Доводы показались основательными. Поговорив еще немного, распрощались. Утром пароход пошел в плаванье, держа курс на Канаду.

На снимках:

4. Крайний справа Иван Михайлович Марков, крайняя слева Мария Михайловна Маркова-Пинаева, выше Иван Трофимович Пинаев (родители Евгения Пинаева). Казахстан, г. Щучинск, 1937
5. Справа Иван Михайлович Марков, сидит Иван Трофимович Пинаев
6. Иван Михайлович Марков, 1942
7. Иван Марков с братом Михаилом Марковым, между ними сын Михаила Майк, 1941

4



5

6

7

Во время пути в Канаду мы, человек восемь с нижней и верхней палуб, уговорились бежать. Не дойдя до места назначения, пароход остановился взять уголь в каком-то маленьком городишке на восточном побережье Канады.

Когда все немного успокоилось, то есть та суматоха, которая наблюдается во время причаливания к берегу, мы, заговорщики, оказавшись на берегу, моментально разбежались в разные стороны. Все, что было закуплено за время плавания, осталось на борту. В кармане болтался один шиллинг.

Побег с парохода произошел весною, в мае, часов в восемь вечера. Побрели мы, как я уже сообщил, в разные стороны без пути-дороги по мелкому лесочку, стараясь держаться курса вглубь страны, подальше от опасного парохода. Вскоре попали на железнодорожное полотно и давай крыть по шпалам. На этом полотне все и сошлись, дальше отправились вместе. Переночевали где-то в железнодорожной сторожке и с пустыми желудками снова пустились в путь. Около полудня пришли в город, назывался он, кажется, Глесбей, и прежде всего бросились искать работу. В этой местности много угольных копей, но на нашу беду они были закрыты, и безработных и без нас было полно. С трудом проел свой шиллинг. С трудом потому, что он английский, а здесь своя монета, и лавочнику нет охоты идти с моим шиллингом в банк.

Мои хождения из магазина в магазин заметил один рабочий. Подошел. Я ему кое-как объяснил, в чем дело. Парень достал кошелек и разменял шиллинг. После бесплодных поисков работы все беглецы решили идти дальше. Мимо нас мчались поезда и трамваи, автомобили и велосипеды, а мы плелись на своих двоих. Ночевали в какой-то заброшенной лачужке и опять в путь.

Часа через три пришли в город Сидней. И опять все разбежались. А я увидел толпу рабочих. Подошел, прислушался. Разговор русский или сходный с ним. Спросил — кто, откуда? Оказалось, прибывшие из западных губерний — Галиции, Буковины, Волыни. Тоже безработные, и бродят без дела уже месяца три-четыре. Они стояли у ворот заводской конторы.

В Сиднее был железоделательный завод, где числилось 15 тысяч рабочих. Администрация завода держала большой штат вербовщиков, шнырявших по большим портовым городам, как, например, Галифакс, Нью-Йорк и другие.

Приходит, например, пароход из Европы с грузом эмигрантов, вербовщик тут как тут и начинает обходить «зеленых». Он обещает какому-нибудь гроднинцу полтора или два доллара за день работы на заводе, хорошую квартиру, обильный стол и прочие прелести.

А гроднинец, работавший на родине за 40-50 копеек в день, с восторгом принимает такое предложение. Едет в Сидней. Со следующим пароходом явятся галицинские мужики, а там и минчане, и все попадают в руки пронырливых вербовщиков. Набирается армия жаждущих работы. Это резерв владельцев завода на тот случай, если на заводе вспыхнет забастовка. Ими можно очень быстро заменить стачечников. Постепенно «зеленые» разъезжаются по другим городам, а на их место являются новые эмигранты, и таким образом резерв постоянно пополняется.

Узнав о многомесячных хождениях без работы, я испугался, так как от разменянного шиллинга осталось всего несколько центов.

Контора закрылась. Толпа разошлась. Куда же мне было идти? Квартиры нет, а за гостиницу нечем платить. Уговорил одного из пареньков взять меня к себе. Оказался сговорчивый — согласился.

В квартире, кроме него, оказались два румына. Подкормились и спать уложились. Наутро бегу к конторе, там уже собралось несколько десятков рабочих. Дошла очередь до меня. Спрашивают о специальности. Назвался кочегаром и признался, что уже три месяца без работы. Принимавший выругал меня, что раньше не сказал об этом, так как кочегары им нужны ежедневно. Дал назначение на работу с этого же дня в ночную смену. Ликующий, бегу к румынам и сообщаю им о своей радости.

Вечером, еще за час до смены, я уже на месте, в кочегарке. Работают преимущественно негры, и ни одного вятского. Дело привычное, но оказалось тяжелей, чем на пароходе. Вся беда в том, что приходилось шуровать без перерыва часов 9-10. Передохнешь немного, когда заводские машины по тем или другим причинам требуют меньше пара.

После недельной пахоты, страшно изнурительной, бросил ее. Получил расчет беспрепятственно, ибо за воротами стояла масса желающих попасть внутрь. При расчете на пару долларов обманули, бузить не стал, так как язык все еще был замороженный. Вскоре открылась работа на химическом заводе, вырабатывающем смолу (асфальтовую, кажется). Остывшую смолу нужно было колоть и грузить в вагоны. Работа мерзейшая, идет только ночью. По причине ее вредности работают, обвязавши лицо полотенцем и тряпкой, так как пыль от смолы, попадая на кожу, вызывает разные болезни в виде прыщей, угрей и прочей пакости.

Бросил работу на заводе и уехал километров за пятьдесят на пробивку новой шахты. Не понравилась мне жизнь эмигрантов в этом городе. «Дома» были они темны и забиты, а здесь попадали в руки темных дельцов, лавочников, закупщиков и квартирных хозяев. Свободное время проводили в картежной игре и пьянстве.

Подзаработав деньжонок, купил билет и поехал на запад. Ныряя из туннеля в туннель, поезд несся по берегу верхнего озера. Прорезал поезд скалистые горы и на берегу океана остановился в городе Ванкувере. А мне нужно было ехать в город Викторию, что на острове Ванкувер. Теплое течение подходит прямо к острову, поэтому климат там очень мягкий.

В город Викторию я приехал к своему другу, Кузьме Рощину, по его приглашению, с ним списался заранее. Здесь встретился с вятскими товарищами по революционной работе — Сергеем Леготкиным и Алексеем Катюхиным. Вскоре устроился на работу в литейную мастерскую. После мне приходилось выполнять много и других работ: рубить лес, копать землю, добывать уголь. Даже промышлял охотой и рыбной ловлей с индейцами. Вопреки прочитанным мною в юности романам, они оказались совсем не свирепыми, а очень бедными, трудолюбивыми людьми. «Кровожадность» свою не проявляли и скальпа с меня не снимали.

Через некоторое время после моего приезда в Викторию все мы, русские эмигранты, решили жить коммуной. Выбрали правление из пяти человек. Оно вскоре арендовало три дома, где и поселились коммунары. Затем открыли общественную столовую, где питались не только сами, но и все, кто был голоден. В нашу столовую приходили не одни лишь русские, но и американцы, французы, англичане. Кормили бесплатно три дня, а затем спрашивали: почему не работаешь? Настоящих бродяг-попрошаек по истечении этого срока выгоняли.

Средства коммуны складывались из заработка ее членов. Все, что зарабатывали, приносили и сдавали правлению, оставляя за собой совсем немного, на табак. Коммуна наша носила исключительно потребительский характер, и в этом сказалась ее слабость.

Коммуна привлекала к себе даже женатых, были в ней и пожилые люди. Состав ее членов был многонационален, люди приехали из самых различных мест. Кроме упомянутых выше вятичей Леготкина и Катюхина, назову еще грузина Сергея Багаршвили, мордвина Бихоткина, еврея Моисея Ниц, украинца Марченко из Харькова, Сергея Колоницына из Витебска, Никиту Михайлова и Анну Балашову из Таганрога.

Жили в коммуне два капитана пароходов. Один из них Михаил Лихонин. В 1905–1906 годах он руководил забастовкой работников Черноморского добровольного флота. А второй, Жебровский, прибыл из Владивостока. Были среди нас врач, инженер, шахтеры из Донбасса, латыш из Риги, несколько человек из Вятки и Перми и много белорусов. Всех фамилий не помню. Жили очень хорошо, дружно и весело. Коммуна имела неплохую библиотеку. В свободное от работы время коммунары играли в шашки и шахматы, устраивали коллективные чтения, слушали лекции, ходили на мол ловить на удочку сельдь. За день одному рыбаку можно было поймать 250–300 штук. Затем любители-рыболовы сельдь насаживали на большие крючки и ловили крупную треску и другую хищную рыбу. Улов крабов и устриц измерялся ведрами.

Но время шло. Коммуна наша постепенно стала хиреть, а затем и совсем распалась.

По-разному сложились судьбы бывших коммунаров. Грузин Багаршвили еще до революции 1917 года уехал домой и в перестрелке со стражниками последнюю пулю оставил себе. Сорок белорусов, в их числе Сергей Колоницын, поехали домой в 1918 году. При переходе польской границы все были расстреляны белополяками. Мне запомнилось, что Сергей Колоницын приехал в Канаду в 1907 году. Работал сначала плотником, затем столяром на вагоностроительном заводе. Человек он был очень культурный и трудолюбивый. Хорошо изучил здесь фотографию и синематограф, чтобы быть полезным на родине. Моисей Ниц прибыл в город Омаху (штат Небраска) тоже в 1907 году. Был он очень боевым человеком и много работал по объединению эмигрантов из России. Но он давно болел туберкулезом в активной форме. От этой болезни Моисей и умер прямо на улице в городе Буффало. В 1907 году приехал в Канаду и Сергей Леготкин. После развала коммуны он снова вернулся в Омаху, где, как и в начале своей эмиграции, работал плотником в железнодорожных мастерских. Сергей был человеком с несколько странным характером. Нелюдим и в то же время был готов отдать свою жизнь за людей. Ни с кем не дружил, в наших праздниках и вечеринках участия не принимал. Жил как-то особняком, замкнуто. Очевидно, очень сильно тосковал по России, не надеясь больше вернуться на родную землю. Вскоре он покончил с собой, наглотавшись карбида кальция. Зачем он сам наказал себя такой мучительной смертью — не знаю. Причина самоубийства не установлена ни нами, его друзьями, ни полицейскими властями. Впрочем, последних смерть русского эмигранта слишком мало интересовала. Я лично думаю, что погубила его беспредельная тоска по родине.

Более подробно остановлюсь на судьбе Алексея Катюхина. Он для себя и других товарищей получил на выезд из России около 9000 рублей, оставшихся от экспроприации кассы артельщика Белохолуницкого завода. Никто из его товарищей по эмиграции этих денег не видел. Остается только предположить, что они полностью достались Катюхину. В 1906 году Алексей переехал в Канаду. Там со своим двоюродным братом Сергеем Леготкиным он работал грузчиком и плотником в железнодорожных мастерских города Омахи. Затем перебрался в Викторию, где сменил несколько рабочих мест. Некоторое время жил в коммуне, потом ушел из нее. После смерти Сергея Леготкина свою фамилию Катюхин сменил на Леготкин. Позднее купил большой участок земли с лесом и продал его за сорок тысяч долларов. Чтобы окончательно американизироваться, сменил фамилию еще раз — на Хоскинс. В 180 милях от Виктории в маленьком городке приобрел себе четыре дома. Сам же до самой своей кончины работал надсмотрщиком телеграфной линии.

Я прожил в Канаде почти пять лет. Прослышав о революции в России, не мог остаться в стороне от этих событий, и в 1917 году возвратился на родину, перейдя нелегально финскую границу. И родина приняла меня.

борис галязимов

красные тени

3 января 2015 года тюменскому писателю и журналисту Борису Галязимову исполнилось бы 75 лет. Уже пять лет его нет с нами. Этот человек стоял у истоков журнала «Проталина» и во многом определил его лицо.

У писателя остался большой архив неопубликованного, содержание которого созвучно и сегодняшним проблемам. Борис Галязимов стремился успеть передать свое отношение к событиям современности, в котором пульсирует эхо намеренно забытых страниц нашей жизни, много и честно работал — преимущественно «в стол», не обладая хваткой и пробивными качествами. Но и в это время через полную неопределенность своего положения Борис Галязимов продолжал свой поиск, откапывал уникальные факты и удивительные судьбы и был непоколебимым в своей позиции.

И мы в память о нашем друге считаем своим долгом публиковать его материалы, чтобы и сейчас звучало искреннее горячее слово, обращенное к читателю.

«Красные тени» — так должна была называться его книга, куда он включал историко-документальные рассказы и очерки, связанные во многом с Тюменским краем и историей нашего Отечества. Сегодня на страницах журнала два очерка из этой несостоявшейся книги.

кровавый поток

Маршал угасал. Угасал медленно. Некогда лихой рубака, большой непоседа и веселый плясун, он постепенно превратился в сухонького, безвольного старичка, не способного держаться на своих двоих. Завернутого в полосатый плед, его вывозили на скрипучее крылечко дачи в узенькой коляске. Легкие требовали свежего воздуха. Легенда это или быль, но мне рассказывали, что за несколько дней до кончины маршал попросил, чтобы ему доставили его любимого коня. Жеребца звали Гранатом. Желание маршала исполнили. Он обнял трясущимися руками теплую морду лошади и заплакал. Потом, слегка успокоившись, сказал домохозяйке, чтобы та поднесла доставившим ему коня старым казакам по рюмочке. Та в ответ отрезала: «Были казаки да сплыли!..» Тем самым как бы подвела черту под жизнью самого маршала...

Но здесь я вынужден сделать небольшое отступление. О судьбе маршала Буденного я вспомнил совсем недавно и, не удивляйтесь, в Париже, возле места захоронения праха Наполеона — возле неимоверно огромного саркофага, выполненного из красного карельского порфира. И думал я вот о чем. Когда ветры удач били в спину Наполеона, народ готов был целовать его ботфорты. Когда счастье от императора отвернулось, он остался наедине со своей тенью. Так было всегда. Народу полководец нужен, когда он крепко держится в седле. Но если чуть накренился, в толпе найдется смельчак, который поможет завершить падение, а там та же толпа сольется в хоре: «Распни!» Она любит принимать участие в кровавых концовках.

Наполеон говорил: «Когда настанет час опасности, меня все покинут». Семен Михайлович историю знал весьма плохо. Да и вообще он был человеком малограмотным. Выражался, например, так: «Да-а-а, положения наша, казаки, шибко хреновая». Но если бы бывший сверхсрочный вахмистр, грудь которого украшал полный набор царских крестов, знал, какой черной неблагодарностью обернутся его ратные заслуги, он бы, возможно, поспешил исправить свою судьбу.

Перед концом жизни одинокий и больной маршал часто прокручивал одну и ту же пластинку. На ней был записан «Марш конников Буденного». Бодрый, будоражащий душу марш, созданный совсем еще молодым, плодовитым композитором Дмитрием Покрассом. Пластинка обладала удивительной особенностью. Стоило поставить на нее иглу, как Семена Михайловича тут же уносило в годы лихих сабельных рубок то под Горловку, то под Лисичанск. Иногда он спрашивал себя, как молодой, ни разу не бывавший в кровавых сечах человек смог понять настроение конника и переложить его на язык музыки? Тогда Буденный не знал, что Дмитрий Покрасс, несмотря на свои юные годы, был знаком почти всей салонной Одессе. Его романсы (особенно романс «Эта роза случайная чайная») распевали в тех ресторанах, в которых любила тусоваться богатая знать. Росту славы Дмитрия способствовала его весьма авантюрная мамаша. Накинув на плечи взятую напрокат чернобурку, она появлялась в частном магазинчике по продаже нот и, доведя голос до таинственного шепота, спрашивала хозяина веселого заведения: «У вас есть какие-нибудь творения юного гения Дмитрия Покрасса?» Владелец магазина, убитый тем, что ничем не может помочь богатой гостье, вкрадчиво заверял: «Зайдите на следующей неделе. Ваш заказ будет выполнен». Авантюрная мамаша благодарила и шла искать другой магазин...

Конников Буденного Дмитрий увидел в тот день, когда они входили в залитый солнцем Ростов. Дробный цокот копыт, разноцветные бунчуки, до ослепительного ярко надраенные медные трубы и... почти уничтожающие весь антураж разбойные песни. Вроде бы входила в Ростов вольница Махно.

В штабе конармейцев Покрасс появился с написанным «Маршем...» В грязной и холодной комнате находились Буденный, Ворошилов и Щаденко. В углу стоял раздрызганный рояль. Покрасс сел на стул и ударил по белым, как зубы, клавишам: «Мы красные кавалеристы, и про нас былинники речистые ведут рассказ...» Марш военачальникам понравился. Покрасса тут же зачислили в Первую Конную... композитором. Позднее он не снимал с лацкана пиджака тяжелый, похожий на орден значок, удостоверяющий его высокое звание. Значок этот, выполненный в единственном экземпляре, Покрасс любил. А Буденный до конца своей жизни не расставался с «Маршем». Он считал, что это одно из тех произведений, которые верно отразили историю Первой Конной...

И лютую ненависть питал маршал к другому своему бывшему подчиненному Исааку Бабелю. За его «Конармию», обнажившую жуткую правду о буденновских походах. Там, кроме всего прочего, рубили, как капусту, пленных, грабили костелы и насиловали женщин. То был второй «железный поток» голытьбы, где пикой, а где подружкой-саблей прорубающей дорогу к светлому завтра. Бабелю нельзя не верить. Он двигался в этом страшном потоке и вел поденные записи. А документы к тому же гласят: целая дивизия Конармии в те годы за бандитизм предстала перед трибуналом. Кого-то расстреляли, кому-то предложили смыть вину собственной кровью. И Бабель позднее тоже был поставлен лицом к стенке. За то, что увидел не ту правду...

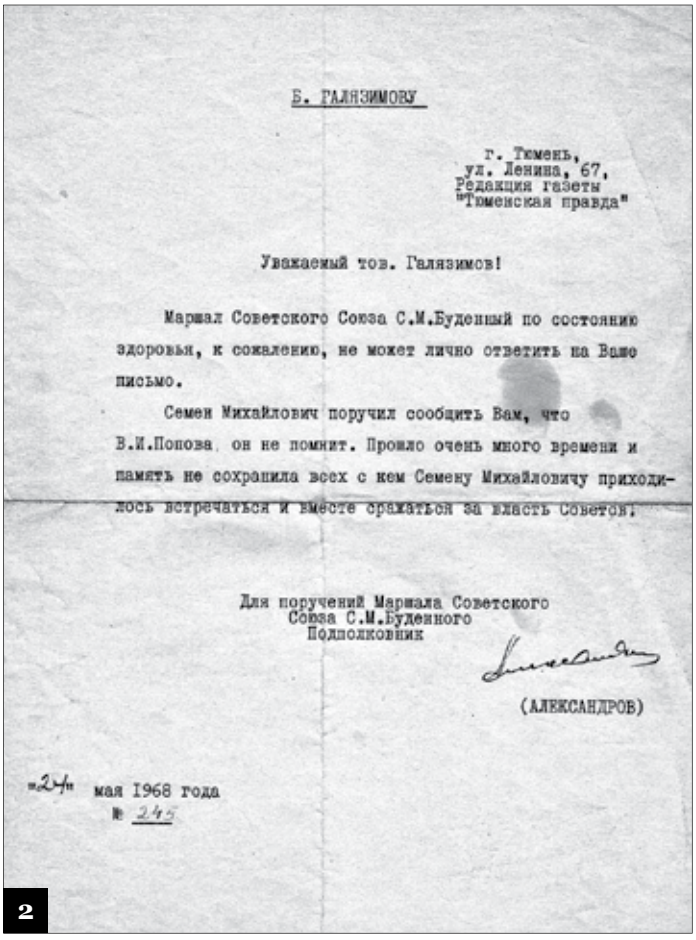
Маршал угасал. Теперь уже не знающая поражений воительница-смерть вступила в бой с теми, кто рядом с ним шел на белые цепи, кто столовался с ним или же шил ему моднящие хромочи. Все меньше и меньше оставалось их, былинников речистых, таких вот, как тюменец Владимир Иванович Попов, которому когда-то он, маршал, саморучно вручил саблю. Я послал маршалу фотографию ветерана: вспомните! Буденному было восемьдесят пять. Рука уже не слушалась. Мне отвечал подполковник-порученец: «Семен Михайлович поручил сообщить, что Попова он не помнит. Прошло много времени, и память не сохранила всех, с кем Семену Михайловичу приходилось встречаться и вместе сражаться за власть Советов»...

Через пять лет над головой маршала прогремят последние залпы...

1

На снимках:

1. Семен Михайлович, уже простой инспектор, в Восточном Берлине
2. Письмо маршала
3. Тюменец В.И. Попов, хорошо знавший Буденного
4. Автор с композитором Первой Конной
5. Из рукописи писателя



Б. ГАЛЯЗИМОВУ

г. Тюмень,
ул. Ленина, 67,
Редакция газеты
"Тюменская правда"

Уважаемый тов. Галязимов!

Маршал Советского Союза С.М.Буденный по состоянию здоровья, к сожалению, не может лично ответить на Ваше письмо.

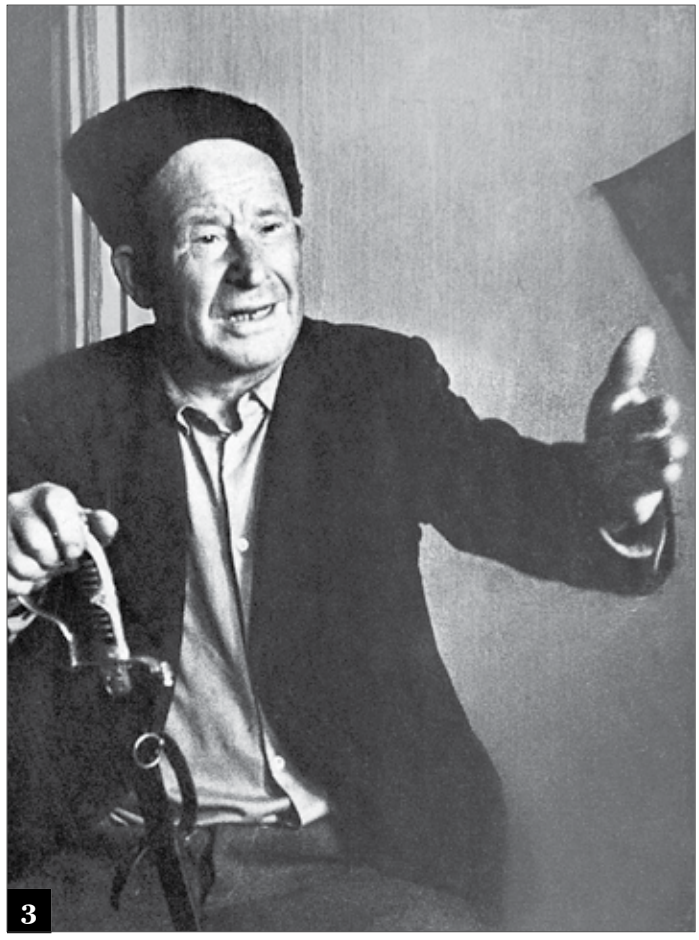
Семен Михайлович поручил сообщить Вам, что В.И.Попова он не помнит. Прошло очень много времени и память не сохранила всех с кем Семену Михайловичу приходилось встречаться и вместе сражаться за власть Советов.

Для поручений Маршала Советского
Союза С.М.Буденного
Подполковник

(АЛЕКСАНДРОВ)

24 мая 1968 года
№ 245

2



3

4

potok-33

«Зарубки памяти» «Борис Галязимов»

«Кровавый ~~[illegible]~~ поток»

«~~Угасая~~» Угасая. Угасая медленно. Некогда лихой рубака, большой непоседа и весёлый плясун, он постепенно превратился в сухонького, безвольного инвалидика, не способного держаться на своих ножках. Завернутого в плед, его вывозили на скрипучее кресло-каталке в коляске. Легкие требовали свежего воздуха. Легенда же о нем ~~[illegible]~~ была, но мне рассказывали, что ~~[illegible]~~ за несколько дней до кончины мадьяр попросил, чтобы ему оставили его любимого коня. ~~[illegible]~~ Исполнили. Он обнял обрадовавшуюся рукам теплую морду лошади. И заплакал. ~~[illegible]~~ Потом, слегка успокоившись, сказал до плохо знакомых, чтобы на подносе доставили ему ~~[illegible]~~ стакан коньяка. ~~[illegible]~~ по рюмочке ~~[illegible]~~ выпил и в ответ ~~[illegible]~~ произнес: «Были казаки да сплыли!..» Вот сами я ~~[illegible]~~ как бы подвести черту под ~~[illegible]~~ своей жизнью ~~[illegible]~~ самого мадьяра... «Но здесь я вынужден» сделать небольшое отступление. «О судьбе мадьяра будущего я вспомнил совсем недавно и, ~~[illegible]~~ не хвастаясь», в Париже, возле ~~[illegible]~~ места захоронения праха Наполеона, возле огромного саркофага, выполненного из красного карельского порфира. ~~[illegible]~~ «Идущая я вдоль очей». Когда ~~[illegible]~~ вы ~~[illegible]~~ были в стране Наполеона, народ ~~[illegible]~~ готов был целовать его бронзовые бока. Когда счастье от него отвернулось, он остался ~~[illegible]~~ наедине со своей обидой. Так было всегда. На полководцу ~~[illegible]~~ нужен конь, когда он крепко держится ~~[illegible]~~ в седле. Но если ~~[illegible]~~ упал ~~[illegible]~~ на скаку, в толпе найдётся смельчак, который ~~[illegible]~~ поможет ~~[illegible]~~ завершить падение, а иная на все готова

5

последняя любовь юлии друниной

Сначала она подошла к двери дачного домика, как можно надежнее прикрепила к ней узенькую бумажную полосочку: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию, и вскройте гараж». Записка была адресована зятю. Потом она направилась в сторону гаража. Каждый ее шаг был твердым и осознанным.

ее всегда тянуло в тюменские края

О любви этих двух знаменитостей ходили самые невероятные легенды. То была неземная — случается такая лишь на небесах — любовь. Алексею Каплеру было уже за семьдесят, но он, как мне казалось, выглядел лет на двадцать моложе. Красивый, с белой, как дым, шапкой волос, интеллигент от природы — породы. Юлия Друнина тоже была в годах, но годы ее (у поэтесс такое бывает), казалось, не старили. Живая, энергичная, особенно когда читала свои пропахшие порохом войны стихи.

Двое словно бы приросли друг к другу и не отходили друг от друга ни на шаг. Юлия до забавного заботливо ухаживала за мужем — так ухаживает мать за все понимающим взрослым ребенком. Каплер отвечал ей тем же. Со стороны Юлии такая забота объяснялась, видимо, еще и тем, что она знала: дни Алексея сочтены. Сам он об этом даже не догадывался и продолжал стойко переносить медленно разрастающуюся в его теле неизлечимую болезнь. Судьба им отведет на счастье быть вместе еще несколько месяцев.

...Дорога Юлию Друнину, насколько я знаю, приводила в Тюмень четырежды. И всякий раз ее тянуло в одно и то же место — в Заводоуковск. Слишком много у нее было связано с этим маленьким, погруженным в тишину городком. В сорок первом сюда была эвакуирована их семья. Отец в то время преподавал историю в оказавшейся там же спецшколе ВВС, в которой, кстати, учился и будущий космонавт Владимир Комаров. Отец был человеком весьма одаренным. Он даже составил несколько брошюр. Одна из них была посвящена Тарасу Шевченко.

на бревнышке через тобол

Однажды тайком от всех Юлия написала письмо на имя Верховного Главнокомандующего, она просилась на фронт. Ответ пришел из... ялуторовского военкомата и был кратким: «Без особого указания женщин в армию не призывают». Юлия решила: служить она все-таки будет. И за короткий срок экстерном заканчивает десятилетку и двухмесячные курсы медсестер при эвакогоспитале. А вскоре пешком (поезда в Заводоуковске не останавливались) отправляется в Ялуторовск. Какое-то время девчонка работает кассиром на молокозаводе. Но, побоявшись влететь в растрату, увольняется. И уходит в бригаду лесорубов.

Тобол в тот год был полноводен, широк. Девчушка решила перебраться на другой берег по железнодорожному мосту. Но ее остановил резкий окрик часового. Мост охранялся. В те годы лес по реке сплавляли молевым способом, то есть самосплавом, без связки в плотоматки. И Юлия, устроив из двух бревнышек нечто наподобие плота, вскоре доскреблась до противоположного берега. А потом «на семнадцатом году» девчонку-сорвиголову «бросило в седло»...

В Заводоуковск Юлия приезжала не только для того, чтобы вспомнить молодость. Здесь в годы войны умер ее отец. Здесь же он был похоронен на городском кладбище.

Юлия прошла суровую школу войны. Позднее, когда ее спрашивали, сколько раненых она вынесла с поля боя, отвечала: «Сначала считала, а потом сбилась со счета». Своей подруге, с которой она делила все горести и радости фронтового быта, ставшей Героем Советского Союза, поэтесса посвятила трогательное стихотворение «Зинка». С полей войны Друнина вернулась с несколькими наградами, среди которых были орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

пять лет лагерей за дочь сталина

Имя Алексея Каплера, которого Юлия называла «Рыцарем печального образа», в тридцатые годы было овеяно легендами. Все-таки Каплер был автором сценариев таких фильмов, как «Три товарища», «Шахтеры», «Котовский», «Она защищает Родину», а главное, он являлся родоначальником экранной Ленинианы и тем самым «автоматом» входил в касту пригретых властью. Его грудь сияла от орденов и медалей, в том числе и от знака лауреата Сталинской премии. Но однажды ореол славы начал терять былой блеск.

О том, что произошло в жизни Каплера, подробно рассказала в своей книге «Двадцать писем к другу» дочь Сталина Светлана Аллилуева. Вкратце история эта выглядела так...

Зимой 1942 года Каплер оказался на подмосковной даче Сталина. Привез его туда вечно пьяный Василий, сын диктатора. Здесь Каплер и познакомился с совсем юной Светланой. Дочь Сталина потеряла голову. Начались походы то в Третьяковку, то на просмотры диснеевских фильмов, то в театры. Праздник шестнадцатилетней школьницы и сорокалетнего драматурга, теперь еще и военного корреспондента, длился больше года. Как позже призналась Светлана, Алексей за это время раскрыл для нее двери в «мир искусства

— незнакомый, неизведанный». Но, судя по всему, отношения двоих зашли куда как дальше поцелуев в пустой квартире около Курского вокзала. Каплер тогда не знал, что о каждом их шаге, о каждом телефонном звонке доносят грозному Светланиному отцу. И настал тот час, когда терпение горца лопнуло. Он побил любимую дочь, саморучно уничтожил все письма, все фотографии драматурга и объявил, что Каплер — английский шпион и что он уже арестован!

Пять лет неудавшийся любовник отвел в зоне сумерек — вкалывал на шахте в «колыбели человечества» Воркуте. Какое-то время был актером печально знаменитого театра Воркутлага. А, вернувшись в Москву, был схвачен гэбистами снова. На этот раз его дорога пролегла в Инту, где талант Каплера использовали на общих работах. На волю человека вытолкнули лишь в 1956-м.

утренний букет роз

И вот тогда судьба свела Алексея Каплера с Юлией Друниной. Каждый из них сразу интуитивно почувствовал: жить друг без друга они не смогут. Это была поздняя, но бурная любовь. Рассказывают, что Каплер мог послать жене телеграмму из поезда или, воспользовавшись телефоном, попросить знакомых, чтобы ей утром доставили букет свежих роз. Иногда он появлялся в магазине «Поэзия» и договаривался о том, чтобы увеличили заказ на сборник стихов жены, обещая выкупить книги, если на них не будет спроса. К тому времени у Юлии вышло несколько стихотворных сборников. Среди них — «В солдатской шинели», «Ветер с фронта», «Тревога», «Светлокосый солдат». В каждом из них она возвращалась в «боевые пороховые». И обжигали души строчки о той мясорубке, которую не придумаешь.

Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Уход из жизни Каплера для Юлии явился страшным ударом. Сама она потом писала: «Я похоронила Алексея Яковлевича на скромном кладбище в маленьком городке Старый Крым. С кладбища открывается вид на холмистую степь и петляющую дорогу, по которой мы начинали наши многокилометровые походы по партизанским тропам, по горным — буковым и грабовым — дремучим лесам. Иногда и сейчас мне кажется, что за поворотом вот-вот мелькнет родной силуэт...»

Холмов-курганов грустная сутулость.
Тоска предзимья. В горле горький ком.
Твоя душа, наверное, коснулась
Моей души полынным ветерком.

Бреду одна в степи под Старым Крымом
В те богом позабытые места,
Где над тобой давно неумолимо
Гранитная захлопнута плита.

Твоя душа — я не встречала выше...

партком разрешает самоубийство

Жизнь постепенно начинала терять смысл. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, Юлия вдруг покидает депутатский корпус. «Почему ухожу? — писала она. — По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, имея только крепкий личный тыл...»

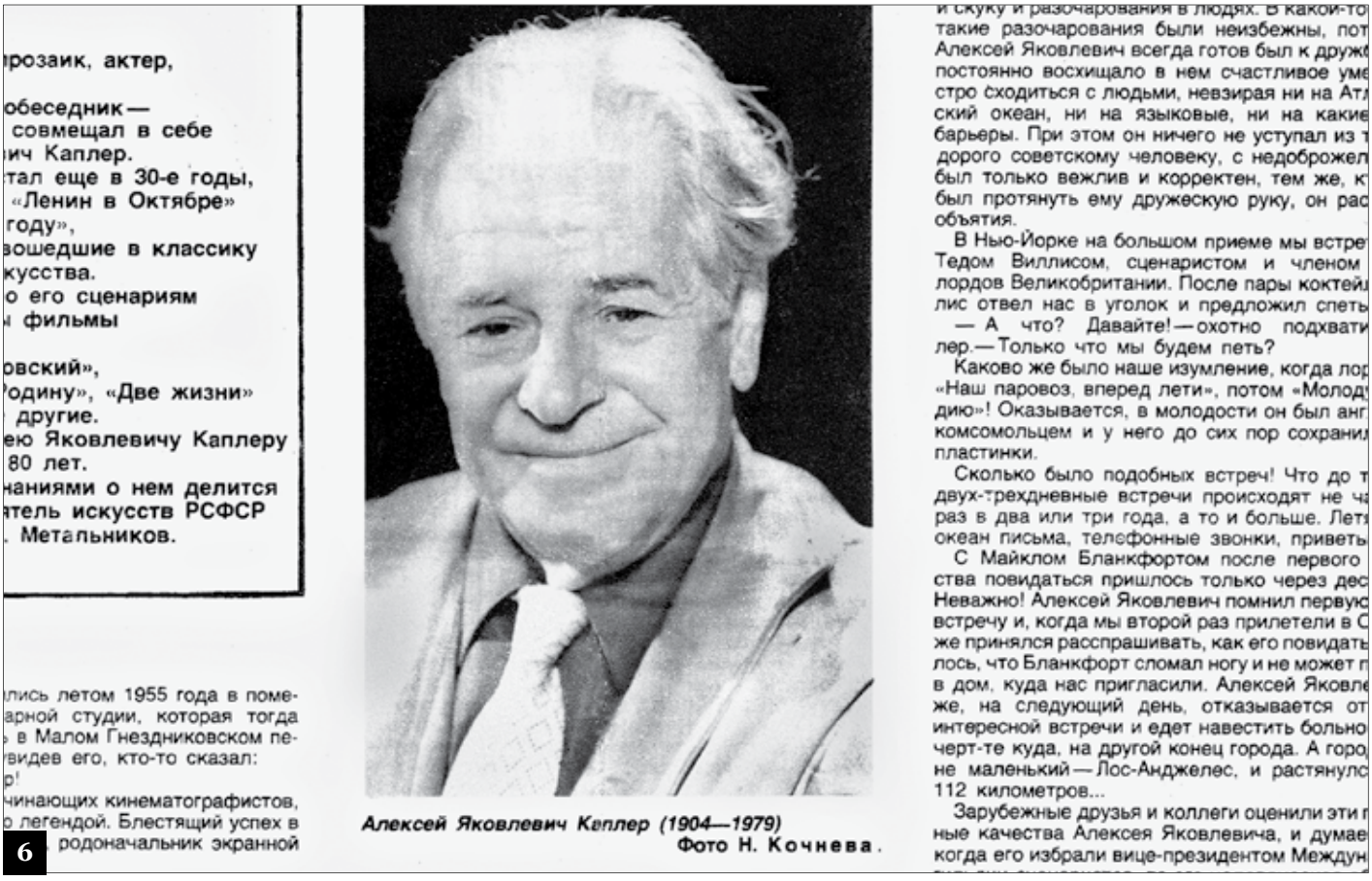
Крепкого личного тыла уже не было. В своей статье «Туча над темной Россией», опубликованной в «Правде», поэтесса пишет: «Тяжко! Порой мне даже приходят в голову строки Бориса Слуцкого: «А тот, кто больше терпеть не в силах, — партком разрешает самоубийство слабым...»

Последнее время Юлия спешит, торопится закончить составление каплеровского сборника. В него она включает очерки мужа. Среди них — очерк и о нашем земляке Александре Тимлере, с которым Каплер в годы войны летал за линию фронта, к партизанам, чтобы снять киносюжет. Эту книгу, как и следовало ожидать, Юлия назвала «Рыцарь печального образа».

У мужа с женой было много общего. Если Каплер всю жизнь сражался с «ветряными мельницами», то и Друнина делала то же самое. Он ее называл «Дон Кихотом в юбке». Когда начался путч, Юлия бросилась защищать Белый дом. Но вскоре вся эйфория сошла на нет. Надежды на лучшую жизнь не оправдались.

...Она вошла в гараж, закрыла за собой металлическую дверку. Потом села в машину, завела мотор — и вскоре ее не стало...

Далеко-далеко в просторах мироздания летит малая планета номер 3804. Она названа в честь Юлии Друниной. Жизнь идет. Жизнь все-таки продолжается.



розаик, актер,

обеседник —
совмещал в себе
ич Каплер.
тал еще в 30-е годы,
«Ленин в Октябре»
году»,
вошедшие в классику
кусства.
о его сценариям
фильмы

овский»,
Родину», «Две жизни»
другие.
ею Яковлевичу Каплеру
80 лет.
наниями о нем делится
ятель искусств РСФСР
. Метальников.

лись летом 1955 года в поме-
арной студии, которая тогда
в Малом Гнездниковском пе-
видев его, кто-то сказал:
р!
чинающих кинематографистов,
легендой. Блестящий успех в
родоначальник экранной

6

Алексей Яковлевич Каплер (1904—1979)
Фото Н. Кочнева.

и скуку и разочарования в людях. В какой-то
такие разочарования были неизбежны, пот
Алексей Яковлевич всегда готов был к дружб
постоянно восхищало в нем счастливое уме
стро сходиться с людьми, невзирая ни на Ат
ский океан, ни на языковые, ни на какие
барьеры. При этом он ничего не уступал из т
дорого советскому человеку, с недоброжел
был только вежлив и корректен, тем же, к
был протянуть ему дружескую руку, он рас
объятия.

В Нью-Йорке на большом приеме мы встре
Тедом Виллисом, сценаристом и членом
лордов Великобритании. После пары коктей
лис отвел нас в уголок и предложил спеть

— А что? Давайте! — охотно подхвати
лер. — Только что мы будем петь?

Каково же было наше изумление, когда лор
«Наш паровоз, вперед лети», потом «Молод
дию»! Оказывается, в молодости он был анг
комсомольцем и у него до сих пор сохрани
пластинки.

Сколько было подобных встреч! Что до т
двух-трехдневные встречи происходят не ча
раз в два или три года, а то и больше. Лет
океан письма, телефонные звонки, приветы

С Майклом Бланкфортом после первого
ства повидаться пришлось только через дес
Неважно! Алексей Яковлевич помнил первую
встречу и, когда мы второй раз прилетели в С
же принялся расспрашивать, как его повидать
лось, что Бланкфорт сломал ногу и не может п
в дом, куда нас пригласили. Алексей Яковле
же, на следующий день, отказывается от
интересной встречи и едет навестить больно
черт-те куда, на другой конец города. А горо
не маленький — Лос-Анджелес, и растянулс
112 километров...

Зарубежные друзья и коллеги оценили эти п
ные качества Алексея Яковлевича, и думае
когда его избрали вице-президентом Междун

7

На снимках:

6. Снимок Алексея Каплера из газеты
7. Юлия Друнина

нина волченко

к родному слову сердцем прикипеть

Стихи Нины Волченко нашли свою дорогу. Они долгие годы жили в рукописях, иногда терялись при переездах и все равно вспоминались снова. Ни о какой публикации этот автор не помышлял. Стихи, звучавшие в дружеском кругу, давно обрели интерес и, в конце концов, были переданы в «Проталину».

В стихах отражена натура человека цельного, наблюдательного, живо и доверчиво воспринимающего жизнь. А судьба с малых лет дарила открытия. В шесть своих лет Нина оказалась в глухой дальневосточной тайге, в краю дикой красоты, незамутненной цивилизацией. Даже место, где семья поселилась, не имело названия. Это, по существу, точка на карте. Жили они в бараке, рассчитанном на две офицерские семьи. Вместо двора перед домом была лужайка, а за ней — манящие тропинки и необычные, суровой красоты сопки. Первым в ее жизни большим городом стал Хабаровск. Потом был уральский город Березовский, потом Саратов... И жизнь ее оказалась сплошным кочевьем. Такова типичная судьба военной семьи. «Как много лет, как много верст от этой Точки, люблю я перемену мест — привычка капитанской дочки», — вспоминает Нина.

Трудно представить, что ей пришлось учиться в одиннадцати школах в самых разных городах. Важной вехой для нее стал Свердловск (Екатеринбург), где она закончила мединститут «с синим дипломом» только потому, что не любила латынь, а так бы был красный. В этом же городе она много лет работала в военном госпитале. Нина признается, что она ни капли не пожалела, что выбрала свою профессию, и всю жизнь ее любит.

И в своем почтенном возрасте Нина сохраняет интерес к природе, к жизни и по-прежнему ненасытно читает.

иткуль

Разметала осень паутины нитки,
И прохладой дышит потемневший Иткуль.
Идолы у кручи — каменные глыбы,
Ветерок разносит запах свежей рыбы,
На рябинах рдяных золотые хмели,
До утра не гаснет костерок на мели.
Утлую лодчонку волны раскачали...
А в глазах у старца многие печали.
Два наречья путались, спорили с судьбою.
Дед не понял путников, рассуждал с собою...
Речи их нечеткие проплывали мимо
И скользили четками между пальцев дыма.
Приутихли пришлые. Думали о разном.
И вздыхали угли — черные на красном.

1995

***

О, дух свободы всемогущий,
Что обитал в зеленой куще!
Цвел дикий край у Точки нашей,
В угоду детской жажде — знать,
Земля дарила полной чашей
Все, что тогда могла я взять.

Бежал ручей с тропою рядом,
Раздолье — не окинешь взглядом.
Сомлев от полудённой лени,
Бродили между сопок тени.
Куртины ветреницы скромной
Раскинулись в тени укромной,
Манил пион на склоне рдяный,
Багульник тихо облетал...
Тревожный мамин голос звал,
Мешал бежать сандалик рваный.

сосна

Под небом вечереющим и ясным
Стоит одна, на отдалении, сосна.
Роскошной силой зрелости прекрасна,
Так смело, вольно царствует она.
Владеет небом и пространством
Вдали от суетных людей.
И утверждает твердость постоянства
Распахнутым шатром своих ветвей.
Все сносит — ветры, зной, морозы,
Ночей жестокость в декабре.
.....
Не одиночества ли слезы —
Смола на золотой коре?

ночное

Светлеет ночь,
В тумане тонет.
В лугах, за белою рекой,
Парок струится голубой,
И жеребят целуют кони.

***

Умчался вихрь грозе навстречу,
Унес опавших листьев ком.
И словно колокол на вече,
О битве возвещает гром.
Все ближе, яростней раскаты,
И тяжко туче налитой...
Сосне полощет чуб лохматый
Июльский дождик озорной.
Но откружился мелким бесом,
Ослаб, затих за дальним логом.
Лишь пар клубится над дорогой,
И светит радуга над лесом.

***

Июль заглядывал в открытое окошко.
Вот земляники полное лукошко,
И зуммер крылышек шмеля чуть слышен в елях.
Как в травяной уютно колыбели!
Шли летние последние денечки,
И предстоял отъезд из нашей Точки.
Грустны кусты у темного ручья.
И страшно, что теперь уж не моя
Вся эта красота!..
А дождик лил —
Со мной прощался и благословил.
В том августе горели звезды низко...
В грузовике трясло, везли не близко.
Нас ждал цивилизованный Хороль —
Там школьницы мне предстояла роль.

игналина

Игналина, Игналина!
Вспоминаю до сих пор.
Бродит молодость в былинном
Том бору среди озер.
По протокам ходят язи,
И склоняется орешник,
И скользят неспешно лодки
Рыбаков спокойных, здешних.
Славно выбраться из тени
На простор озерный, вольный.
Разгулялся свежий ветер,
Гонит вспененные волны.
Чайки реют, ждут добычи —
Белокрылые пираты.
Под крылом их сильным зреет
Страх в волнах зеленоватых.
Хуторок сверкнул окошком
На пологом берегу,
Там хранят уклад старинный,
Вязь узоров берегут.
Бор могучий держат дюны,
Словно рать богатырей,
И пески их золотые
Знают тайну янтарей...
Игналина, Игналина!
Недоверья встал дозор —
Не гулять в лесу былинном,
Не считать мне бусин синих
В ожерелье тех озер.

2010

янтарь

Века идут.
Сквозь них — мгновенья
Хранит застывшая смола:
Неясный призрак, след стремленья
И взмах мушиного крыла...
Выносит сказочный алатырь
К ногам балтийская волна.
Свидетель он и соглядатай,
В нем вечность копит письмена.

полнолуние

Дома нахохлились, как птицы,
На колею бросают тень,
Цепному псу свобода снится.
Сковала всех ночная лень.
На поле убранном и праздном
Былинка каждая видна,
К земному миру безучастна,
Сияет полная луна.

***

Мне нравится все,
Что жизнь мне дала.
К. Бальмонт

От лет не убежать, всему есть свой черед.
Умеренность во всем — союзник поневоле...
Я жить люблю, не сетуя на долю,
И вечная душа счет бедам не ведет.
Я старость обману, сбегу в цветущий сад,
Где щебет птиц за утренним окном,
Где полка книг,
где дело ищет взгляд —
Что все — сейчас, ни мига на потом!

***

О, если бы не в снах, а наяву
Вернуться в прошлое теперь,
Где сопки загляделись в синеву,
Найти тропу и старенькую дверь...
Прострел — цветок у самого крыльца,
На стуле кобуру отца.
Там керосина древний дух,
И тени две — любимых двух.
Скажу, что все сильней люблю,
Что в снах улыбку их ловлю,
По совести живу, как вы учили —
Не иначе!
А может, молча обниму, заплачу...

***

Чужую старость почитая,
Забыла, что плыву в свою...
Любимые стихи читаю —
Живую воду слова пью.
Ношу я белые одежды,
Тела и души править тщусь.
Участьем всем даю надежду
И тайно Господу молюсь.

осеннее

Мне тишины всегда недоставало.
Живу бегом.
Дни гонит время-кнут.
А вечер тих.
Закат зажегся вяло,
Там на пустых аллеях листья жгут.
Прозрачны кроны,
Небеса спокойны,
Красой последней радуют цветы.
И сумерек сиреневые волны
Уносят напряженье суеты.
Огонь в печи мир божий славит,
Приветно вьется дым над крышей.
Открыть стихи, букетик астр поставить...
Мой теплый дом покоем дышит.

***

Куст хризантемы стынет у ограды,
В раздетой кроне яблоко горит,
Земля готовится к приходу снегопада,
В ней жизнь до времени, как плод, во чреве спит.
Последнюю листву
Усилием напрасным
Удерживает старый темный клен.
Но дышит холодом закат тревожно-красный,
Придавлен тучей, отгорит и он.
Снег упадет на обнаженный сад
И все укроет ровным покрывалом.
Ни тропочки, ни следа — до замкнутых оград.
И будто никогда здесь звуков не бывало...

счастье

Так суждено — неярко, чисто
Свечой во здравие горю.
Труд скромный забывают быстро...
Но все ж судьбу благодарю:
Призвание и чувство долга
Вели по жизни день за днем.
В воспоминаньях ночью долгой
Не упрекну себя ни в чем.

алексей мурашев

оятская быль

Родителям Наталье Никаноровне и Василию Фёдоровичу

К моим сегодняшним преклонным годам ко мне все чаще стали приходить воспоминания о таком далеком детстве, о годах учебы, о родительском доме.

Родился я в Оятском районе Ленинградской области. После Великой Отечественной войны район укрупнили и назвали Лодейнопольским. Аксёново, Хмелезеро, Воноозеро, Мутнозеро, Красный Бор, Тервеничи, Околок, Алёховщина, Лодейное Поле — вот места, где я жил до 17 лет. От города Лодейное Поле до Ленинграда — 240 километров. Здесь, в Лодейном Поле, на берегах Свири, начинался Российский флот. Верфь на Свири появилась раньше на один год, чем в Петербурге. Первый крупный военный корабль под российским флагом вел к будущей столице сам Пётр. Шлюп «Мирный» сошел с Лодейнопольской верфи и под командованием знаменитого мореплавателя Лазарева направился к неизвестной тогда Антарктиде. На Лодейнопольской верфи был построен и шлюп «Диана», который под командованием капитана Головнина обошел земной шар.

Ленинградские журналисты М. Холмов и В. Ивачёв писали об Оятском крае:

«Когда попадаешь за Алёховщину, то не сразу поверишь, что ты на ленинградской земле. Кругом Русь, словно сошедшая с картин Васнецова, спрятанная в строках Есенина, Блока.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога!

Этот край богат россыпями доброй человеческой души. Бесстрашный и добрый живет здесь народ. Жизнь давно научила его и ковать железо, и строить суда, и бороться с ветрами — написано еще в стародавнем Олонецком сборнике».

Мне до сих пор снятся наши холмы, леса, поля, ручьи, речки, озера. Все это чистое, не опоганенное цивилизацией.

С 1957 года я живу на Урале, в Екатеринбурге, где тоже красивейшая природа, но ее цивилизация не пощадила — здесь уже нет чистого воздуха, воды — и люди болеют и телом, и душой.

После разгула отечественного дикого капитализма я невольно стал вспоминать ушедшее время, и получается, что нам, простым людям, несмотря на все трудности, жилось-то лучше. Я — из простого народа, мои родители — крестьяне, затем стали колхозниками. И вот, выйдя на пенсию, я решился на свои воспоминания, стал писать. Проработал я, не считая учебных лет, пятьдесят четыре с половиной года, причем полвека на одном предприятии.

двойка за поведение

В школе я сидел на одной парте с другом Колькой Зайцевым. У Кольки был взрослый двадцатилетний брат Виктор. Наша учительница была примерно такого же возраста. Мы с Колькой частенько видели, как они по вечерам ходили вместе, или, как у нас в деревне говорили — гуляли.

Виктор, как рассказывал Колька, иногда по ночам мочился в постель, поэтому мы его дразнили «ссюном», и он очень сердился. Я уже умел читать и в первом классе чувствовал себя свободно и так же свободно вел себя на уроках. Учительница даже выгоняла из класса.

И как-то раз, уже в конце учебного года, она сказала: «Выходи из класса и завтра приходи с отцом!» Я встал и сказал: «А ты с Витькой-ссюном гуляешь». В деревне в то время все говорили «ты». Учительница заплакала, я тоже заревел и ушел из класса. Дома я никому ничего не сказал, а на следующий день пришел в школу, конечно, без отца.

Через неделю занятия закончились, меня не тревожили, и я думал, что все обошлось. Был июнь 1941 года. Отца переводили на другое место работы — председателем Тервенического сельского Совета Оятского района Ленинградской области. По этой причине наша семья собиралась переезжать в село Тервеничи, там была неполная средняя школа, где мне предстояло учиться. Поэтому отец отправил меня за аттестатом.

Я получил аттестат и стал его изучать — оценки были 4 и 5, а в конце листа двойка за поведение. Я был растерян и не знал, что делать. Ходил, ходил по улице и решил аттестат разорвать, клочки выбросить в подвальное окошко нежилого дома.

Разорвал, выбросил и пошел домой. Дома, в суматохе переезда, никто не спросил про аттестат.

Мы всей семьей переехали в деревню Околок, что в одном километре от Тервеничей. Надо было оформляться в новую школу, во второй класс — а для этого требовался аттестат. Я сказал, что потерял его в дороге. Отец сходил в школу и принес новый аттестат, и тут все выяснилось. Меня никто не ругал, и я до сих пор не знаю почему, думаю, что из-за начавшейся войны.

Однако мне до сих пор стыдно за мой ответ учительнице.

самовар

Все мои старые друзья остались в селе Хмелезеро, а новых в Околке я еще не заимел. С ребятами я долго не мог «притереться», мы часто ссорились и даже дрались. Меня дразнили: «Хмель — озеро!», я сам не знаю почему, сердился и тоже как-нибудь обзывал.

Так как реагировал на обзывание я очень быстро, то меня стали обзывать не «хмель-озеро», а «само-

варом», намекая, что я очень быстро закипаю от обиды.

Прошло месяца два, мы подружились, ссорились уже редко, но прозвище «самовар» шло за мной до окончания школы, хотя и произносили его нечасто.

ЛОВЬЯНЫ

В двух километрах от Околка протекала речка Шадьма, которую в деревне все называли ручьем, потому что в самом узком месте ее можно было просто перепрыгнуть. В самом широком месте она достигала четырех метров. В речке были всякие омуты — от одного до четырех метров глубины. И везде водилась форель, которую у нас почему-то называли ловьянами.

В глубоких омутах форель ловилась только в сильный дождь, и мы объясняли это тем, что она очень осторожна и пуглива. К рыбалке готовились заранее — копали банку крупных дождевых червей, снаряжали удочку большим крючком, она была без поплавка, с коротким удилищем. И ждали.

И как только небо закрывали грозовые тучи, мы с ребятами хватали наши рыболовные снасти и мчались на Шадьму, к омутам. Насаживали на крючок два-три червяка, закидывали удочку в омут и водили туда-сюда. По воде начинали барабанить крупные капли дождя, и тут же форель хватала крючок с наживкой, да так, что было трудно удержать удилище в руках. Пока шел ливень, мы вылавливали до шести рыбин, но как только сильный дождь заканчивался, клёв прекращался.

Промокшие с ног до головы, мы радостные мчались к дому.

Был и другой способ ловли — в хорошую летнюю погоду. Брали с собой лопаты, ведра, обычно по ведру на брата. Шли на Шадьму, находили неширокое место, до полутора метров шириной, но с поднутрениями и корягами у берега — в них обычно форель и пряталась. Затем строили запруду, то есть засыпали ручей спереди и сзади по течению длиной до двух метров. Потом через заднюю стенку спускали воду, остатки воды вычерпывали ведрами, в грязной жиже руками ловили форель и выбрасывали на берег. Все это надо было делать очень быстро, так как вода прибывала и грозила разрушить переднюю стенку. Обычно мы управлялись за полчаса, добывая по пять штук рыбин.

Наверное, свое местное название — ловьяны — форель и получила из-за этого способа ловли руками.

озеро

В Околке наш дом стоял на самой горе. Из окна виднелось озеро, которое с трех сторон окружали дома, а с четвертой — раскинулось болото с клюквой.

Озеро было круглой формы, приблизительно 150 метров в диаметре, наполненное всегда чистой водой. Старики говорили, что когда-то из озера вытекал ручей и впадал в Шадьму и что на дне бьют ключи. Уже на небольшой глубине, даже в самую жаркую пору вода струила холод. От берегов метров на пять-десять тянулись по воде там и сям подмости — с них полоскали белье, черпали воду, а летом мы с них прыгали, когда купались.

Была и купальня, но берег круто уходил вниз, и уже в пяти метрах от берега вода покрывала нас с головой. Мы с ребятами устраивали соревнования — кто быстрее переплывет озеро туда и обратно. Однако обычно плыли в одну сторону, а обратно бежали вокруг озера.

Как-то в гости к нашим соседям из Ленинграда приехали мать с сыном Романом. Роман был старше меня на год. Я закончил пятый класс, а он шестой. Мы подружились, вместе ходили в лес за грибами и ягодами, на рыбалку, купались. Однажды Роман предложил переплыть озеро туда и обратно на спор — кто проиграет, тот отдает свой перочинный нож. Свидетели — наши друзья, братья Королевы, Валя и Боря. Поплыли. Туда Роман приплыл первым, опередив меня примерно на пять метров. Я развернулся у мостков и стал его догонять. Я не спешил, плыл то одним боком, то другим и на середине озера его обогнал. К берегу я приплыл первым, обогнав его на несколько метров. Его красивый ленинградский нож стал моим.

Рыбы в озере не было с финской войны. В финскую у нас в Ленинградской области были очень сильные морозы — до 45 градусов ниже нуля, и в Околке вымерзли сады, а в озере погибла рыба. Лед был такой толстый, даже у берегов, что не пропускал воздух в воду, рыба устремлялась в проруби, и ее черпали ведрами. Рыба задохнулась, снова завести ее не могут до сих пор. Я сам несколько лет подряд безуспешно запускал в озеро окуней и плотиц, выловленных в Тервеническом озере.

В 1942—1943 годах над озером, раз в неделю, в основном в темное время суток, мы наблюдали фейерверки — это были разрывы зенитных снарядов.

В 15 километрах от Околка находилось районное село Алёховщина, в центре которого через реку Оять был перекинут большой деревянный мост. Его немцы и бомбили раз в неделю, но так и не могли разбомбить, наши зенитчики не пропустили немецкие самолеты к мосту, хотя в окрестностях моста бомб упало очень много. Наблюдая фейерверк, мы уже знали — немцы опять над Алёховщиной. Там был штаб 7-й армии, и часть бомб, очевидно, предназначалась ему.

трудодень

Когда началась война, все ребятишки уже с первого класса работали в колхозе. Зимой мы собирали золу для колхоза, носили воду и поили лошадей на конюшне. Во время летних каникул работали еже-

дневно. Каждому пацану давалась на лето лошадь, за которой он ухаживал и на которой боронил, возил навоз, сено, дрова, ездил за почтой в районное село Алёховщина.

У меня за время войны было три лошади: Нева, Грозный, Умник. На Неве я заработал первый трудодень.

Между Околком и Тервеничами раскинулось поле в несколько гектаров. После вспашки, перед посевом ржи, надо было его взборонить. На лошадь надевали хомут с постромками, которые привязывали к вальку бороны, лошадь тащила борону, борона рыхлила землю. Размеры бороны — полтора на полтора метра. Взрослый человек или старшеклассник с помощью вожжей управлял лошадью и ходил вслед за бороной по полю.

Мне тогда еще не было 8 лет, поэтому меня посадили на лошадь, дали в руки поводья и сказали: «Борони!» Было раннее утро. Весь день я не слезал с лошади и взборонил все поле. Вечером пришел бригадир, дядя Ваня Кольцов, увидел мое большое старание и закричал: «Ты что, так и не слезал с лошади, ты ведь ее мог загнать!» Я чуть не заплакал и пролепетал: «А как я бы сел на нее обратно, ведь ты велел взборонить все поле».

Я спросил дядю Ваню: «Сколько я заработал трудодней?» Дядя Ваня ответил: «Полтора трудодня, но половину трудодня я убираю за то, что ты чуть не загнал лошадь!»

Приехав домой, снял с Невы хомут, взял цепь, привязал одним концом к узде и, набросив цепь на шею Невы, повел ее к изгороди. Ездили мы без седел и вскочить на лошадь самостоятельно с земли не могли, а потому использовали изгороди. Сев на Неву, поехал на пожню, где уже отросла новая трава. На пожне слез с Невы, снял цепь с ее шеи, воткнул штырь цепи в землю, дал Неве кусочек посолённого хлеба, погладил и пошел домой. Было уже около 6 часов вечера. Мой первый самостоятельный рабочий день длился 12 часов.

У каждого колхозника, в том числе и у школьников, были трудовые книжки, куда бригадир записывал нашу работу. За взбороненное поле бригадир записал мне полтора трудодня. Это были мои первые трудодни, и я с гордостью показал книжку маме, папе, сестрам и брату Славке, которому было всего 4 года.

русская печь

В Околке, в нашем доме, в левом углу, около входной двери стояла большая русская печь. Спереди печи находилась топка с металлической заслонкой, над топкой — кирпичная кладка до потолка. Между потолком и печью — зазор в два кирпича, в этом зазоре лежала длинная деревянная лопата, на которой ставили хлеб в печь.

Мама Наталья Никаноровна Мурашева

Еще наверху держали ухваты, которыми отправляли в печь горшки с варевом (щи, супы, каши, молоко). Все это готовилось тогда, когда дрова сгорели и угли погасли. Поэтому пища медленно тушилась и была очень вкусной. Особенно вкусным было весеннее молоко с цветами черемухи. Молоко становилось темноватым, цветы рассыпчатыми.

Длина печи около двух с половиной метров, ширина — два метра. Между стеной дома и передней частью печи с топкой — зазор в полтора метра. Эта длинная и просторная печная лежанка была излюбленным нашим местом зимой, куда мы, замерзшие после улицы, спешили быстрее забраться.

Осенью на лежанках сушили сырое колхозное зерно. Колхоз привозил в каждый дом 3-4 мешка сырого зерна. Его взвешивали и отдавали под расписку. Зерно высыпали на лежанку, и мы, ребятишки, должны были его перемешивать. Высохшее зерно

засыпали в мешки и сдавали обратно в колхоз. Процент усушки оговаривался в килограммах и всегда выдерживался.

Нас было пятеро — три сестры и мы с братом. Сестры к началу войны были уже сравнительно большие, поэтому лежанкой в основном пользовались мы со Славкой. Русская печь — это душа избы в русской деревне!

тыква

Тыкву у нас до войны не выращивали. Уже после войны, когда я учился в 6 классе, мама принесла тыквенные семечки, купила их в магазине. На уроке наша учительница рассказала много интересного про тыкву. Я решил ее посадить.

Мама отвела мне кусочек земли, три на три метра, на краю огорода, а рядом было неиспользуемое колхозное поле. Я посадил семечки, регулярно их поливал, но росли они очень медленно.

На колхозный склад привезли удобрение — белый кристаллический порошок. Мне сказали, что это калийная селитра. Я попросил кладовщика, и он дал мне полведра. Я рассыпал порошок по участку, где росла тыква, и стал ждать. Сначала заметного улучшения роста не было, но через неделю ростки превратились в плети, они стали удлиняться не по дням, а по часам, и потянулись через изгородь на колхозное поле, на котором росла трава. Еще через неделю плети вытянулись на два метра, и на каждой завязалось по две-три тыквы. Через месяц за забором лежало море тыкв, которые все увеличивались и увеличивались в размере.

Где-то в середине августа мама послала меня в магазин в Тервеничах. Иду я и вдруг вижу: лежат на обочине несколько моих тыкв, разрезанных на куски — невкусными показались кому-то. Прошел сто метров, опять брошенная тыква, через двести — снова!

Когда я вернулся из магазина и пришел на огород, то увидел, что количество тыкв уменьшилось, но оставалось еще много. Прошел день, другой, третий, но покушений на тыкву больше не было, ведь сырая она невкусная.

А мама всю зиму варила тыквенную кашу на молоке, и я до сих пор помню вкус и запах этой прекрасной каши, сваренной в нашей русской печи.

за дровами

Шел третий год войны. Мы жили в своей деревне Околок. Мама работала в колхозе, отец партизанил в окрестностях города Лодейное Поле. Сестры Нюра, Валя, Оля учились, а летом работали в колхозе «Сталинец». Брату Славе было уже 6 лет. Все домашние дела выполняли мы — дети. Я, как мужик, заготавливал дрова.

Однажды летом я запряг своего Грозного в телегу, взял топор, веревку и отправился в лес. В двух километрах я давно заприметил сухие осины на крутом склоне около дороги. Приехал на выбранное место, развернулся, привязал лошадь к дереву и пошел к осине. Нарубил, уложил в телегу, закрепил веревкой, отвязал лошадь, взял в руки вожжи и стал править к дому.

Дорога была узкая, справа — крутой склон, поэтому я шел с левой стороны, держа вожжи. В какой-то момент правые колеса телеги соскользнули с дороги на склон, дрова сдвинулись и перевернули воз, а вместе с ней и лошадь!

Стою я на дороге и вижу телегу вверх колесами, а рядом с ней лошадь на спине, причем хрипит! Но я ведь деревенский! Быстро рассупонил хомут, убрал дугу, распряг Грозного и с облегчением вздохнул.

И вот картина! Грозный стоит, телега лежит вверх колесами. Что делать? Я стал кричать: «Помогите!» Кричал долго, Грозный стоял и «ухмылялся». Наконец я понял, что никто не поможет, ведь я был в лесу, и что самому придется что-то делать в создавшейся ситуации, и сразу успокоился.

Развязал дрова, они покатились вниз по склону, к счастью, недалеко, помешали кусты. Попытался телегу поставить на колеса, но сил не хватило. Тогда привязал один конец вожжей к телеге, вывел Грозного на дорогу, привязал второй конец к гужу хомута, надетого на Грозного, взял коня за уздечку и повел его вверх по склону. Вожжи натянулись, и телега встала на колеса. После этого связал концы оглобель вместе, привязал к ним один конец вожжей, и Грозный вытянул телегу на дорогу.

Я был очень, очень рад! Главное сделано, остались обычные дела. Быстро перетаскал дрова, привязал их, запряг Грозного, взял его за уздечку и осторожно вывел на хорошую колею. Сам уселся на дрова и, радостный, поехал домой.

Дома меня уже заждались, я им все рассказал, а они только охали и хвалили меня за смекалку и находчивость. Я же с тех пор понял, что не надо паниковать, что безвыходных положений не бывает, если сам человек не теряет голову!

яшкина поляна

До революции 1917 года жил в Околке крестьянин Яков Наумов. В деревне все считали его неудачником и звали Яшкой. За что бы он ни брался, получалось не так, как ему хотелось. Корова давала мало молока, телята гибли, овец загрызали волки, хлеба вырастали хилые.

Однажды Яков решил всех удивить. Выпросил у общества участок леса недалеко от деревни, выкорчевал деревья, сжег их и на этом месте вспахал землю. Односельчане говорили ему: «Яша! Это место очень низкое, здесь сеять нельзя, потому что посевы или зальет водой, или они вымерзнут».

Парень никого не слушал и посеял рожь. Всходы были очень густые, сочные, темно-зеленые. Рожь бы-

Наш дом в Околке

стро росла и уже стала колоситься, но хлынули проливные дожди, участок затопила вода, и рожь погибла. Яков рыдал от горя.

На следующий год Яша посадил на этом поле картошку. Картошка росла быстро, кусты мощные, густые, вскоре зацвела, и вдруг заморозки! Так как поле было в низине, холодному воздуху стекать было некуда, цветы и стебли сильно подмерзли. После заморозков картошка немного поправилась, но урожай получился мизерный.

Яша еще несколько раз сеял, садил, но без успеха, и поле забросил. Оно постепенно заросло снова лесом, и к 1941 году от него осталась маленькая полянка, на которой росла густая трава, а в траве — земляника.

Полянка была рядом с дорогой, и для того, чтобы попасть на нее, надо было спуститься вниз метров на десять. Мы часто туда ходили за земляникой и кричали: «Кто на Яшкину полянку!»

Где-то в 1944 году я спросил у дяди Вани Кольцова, почему полянка называется Яшкиной, и он рассказал мне про неудачника. Куда исчез Яков во время Великой Октябрьской революции, никто не знает.

ЛЫЖИ

Перед войной, еще в Хмелезере, отец купил мне настоящие лыжи. Они были с ременным креплением, средней ширины, длиной 170 сантиметров, очень легкие. В первую же зиму в Околке все ребята завидовали моим лыжам и легким бамбуковым палкам.

На школьных соревнованиях я с горы скатывался дальше всех, в снег проваливался меньше всех и ходил свободно по полям и лесам. В лесу ставил силки на зайцев, но неудачно, поймал всего одного, видно, не имел опыта.

В 1943 году в нашу деревню приехал в гости к Хозяиновым какой-то родственник из районного села Алёховщина. Парню было около 17 лет. Он увидел мои лыжи, они ему понравились, и он предложил мне продать их ему. Я отказался.

Парень пустил слух по деревне, что военкомат приказал все лыжи конфисковать для фронта и якобы поручил это ему.

Я отправился на лыжах на озеро, а дом Хозяиновых стоял недалеко. Парень увидел меня из окна, выскочил и погнался за мной, чтобы отобрать лыжи.

Я пустился наутек по целине, парень за мной, но скоро отстал. Я вернулся домой и рассказал об этом маме. Мама пошла к Хозяиновым, и все выяснилось о «конфискаторе». Парня отправили домой, больше он в нашей деревне не появлялся.

сосновые пленки

Во время войны, весной, когда у деревьев начиналось сокодвижение, мы, ребятишки, лакомились сосновыми пленками.

Брали топор, ножи и шли в сосновый лес. Находили сосну без сучков, диаметром около 15 сантиметров, и срубали ее. Затем сдирали с сосны кору, а под ней был мягкий, сладкий, вкусный слой толщиной около миллиметра.

Вот его-то мы и срезали ножами, получались пленки шириной до сантиметра. Обычно на дерево приходилось два-три человека, они становились вдоль сосны, срезали обычно короткие ленты и сразу же отправляли их в рот. В лес приходили еще раза два, сокодвижение заканчивалось, лакомство тоже.

К концу лета дерево становилось сухим, и мы приносили его домой на дрова и поделки. Сегодня это выглядит варварством, но во время войны надо было чем-то заменять сахар и конфеты.

Но вот почему у нас не собирали березовый сок, не знаю до сих пор.

хрен

У нас хрен никто не сеял. На межах, вдоль колхозных полей, рос «дикий» хрен, и его копали все, сколько хотели, хрену было много, как и щавеля на этих же межах. Откуда они тут появились, никто не знал.

Весной хрен, щавель (его у нас называли кислухой), крапива были нашими витаминами, но мы об этом не думали.

В памяти у меня почему-то осталась тюря из хрена, картошки и домашнего кваса. Мама посылала нас в поле, мы брали лопату и ведро. Хрен выкапывали, мыли в озере и несли домой.

Уже дома очищали от мелких корешков и повреждений, а затем терли на мелкой терке, обливаясь слезами. Мама высыпала хрен в кастрюлю, добавляла вареную нарезанную картошку, заливала квасом, солила и получалась прекрасная тюря, которую все с удовольствием ели.

Сейчас уже в мои такие большие годы я прочитал про хрен много интересного и полезного для человека, но тогда, в войну, никто об этом не знал, да и не думал, просто тюрю любили все, а она нам дарила здоровье.

загадки

В 5 классе учительница дала нам домашнее задание: придумать хотя бы одну загадку и написать сочинение на любую тему, но только небольшое. Представить загадку и сочинение надо было через неделю.

Я долго ломал голову над заданным и, наконец, придумал. Первая загадка: «Не старик, а хмурится, не дитя, а плачет». Вторая: «Маленький, пузатенький, спереди хоботок — сзади кренделёк».

Сочинение я написал очень краткое: «Посреди ржаного поля стояли две пышные березы. На их ветвях сидели воробьи и весело чирикали. Вдруг на вершину одной из берез стремительно упал и сел большой ястреб. Воробьи быстро спрятались во ржи».

Учительница за загадки и сочинение поставила пятерки. В сочинении ей почему-то больше всего понравилось слово «пышные», а ответ на загадки класс долго не давал, его пришлось дать мне самому: туча и чайник.

Загадки всем понравились и мне тоже. Первую загадку я придумал после дождя, вторую, когда пил чай.

иван фёдорович

У моего отца Василия Фёдоровича был брат Иван и четыре сестры — Ольга, Анна, Марина и Маша. Всем сестрам дали фамилию по имени деда Ларион — Ларионовы, брату Ивану по имени отца Фёдора — Фёдоров, а моему отцу по прозвищу мураш — Мурашов.

Отец был партийным человеком, всю жизнь проработал на должностях: председатель колхоза, председатель сельского Совета, председатель сельпо. А в конце жизни он стал рядовым колхозником.

Родной брат Иван Фёдорович Фёдоров всю жизнь был беспартийным и единоличником и поэтому со своим братом, моим отцом, практически не контактировал, но и не враждовал. Иван Фёдорович строил дома по подряду, клал русские печки, столярничал, вел свое подсобное хозяйство. К единоличникам в то время власти относились отрицательно, он не унывал, но частенько выпивал.

Ко всей нашей семье Иван Фёдорович, брат отца, относился хорошо, и мы признавали его своим дядей. У Ивана Фёдоровича была дочь Тоня от первого брака, сейчас она живет в Петрозаводске. В конце жизни Ивана Фёдоровича парализовало, и он несколько лет пролежал в постели, ухаживала за ним его вторая жена.

Сегодня я задумываюсь, как резко изменилась жизнь моего поколения. Сейчас судьбы моего отца и моего дяди могли поменяться местами, хорошо это или плохо — не знаю.

горох

Какие были угощения, радости у нас в военные годы? Когда начиналась весна, на полях вырастали сочные пестухи, затем, на межах, кислухи (щавель). К середине лета вырастали репа, морковь, брюква, турнепс и горох. Он нравился нам больше всего.

Однажды мы с братьями Королёвыми и моим братом Славой пошли лакомиться горохом на колхозное поле, кстати, на приусадебных участках его никто не сеял. Зашли на средину поля, легли на землю, летом она теплая, а деревенские ребята закаленные, и стали, лежа на спине, лущить зеленый сладкий горох.

Вдруг мы услышали гудение, а затем увидели низко и медленно летящий самолет, который приближался к нам. Самолет поравнялся с полем, и мы увидели фашистские кресты на крыльях и летчика, который смотрел на нас из кабины с высоты трехэтажного дома.

Наши сердца замерли, мы ждали пулеметной очереди, но ничего не произошло. Самолет пролетел, мы убежали с поля и ждали, что будет дальше. Самолет не вернулся, мы снова — в горох.

Так мы увидели фашиста на расстоянии в несколько десятков метров, но я до сих пор думаю, что этот немецкий летчик не был фашистом.

умник

В 1942—1943 годах в деревне стояли наши войска, которые затем разгромили немцев под Тихвином. В каждый дом подселили по нескольку солдат, и мы их кормили картошкой, квашеной капустой, ведь больше ничего не было, так как всех коров к этому времени отправили в Ленинград.

Когда солдаты ушли, от них осталась в колхозе заболевшая кавалерийская лошадь — Умник. Вот этого Умника мне и вручил летом, после окончания учебы, бригадир — дядя Ваня Кольцов. Вручил не сразу. Дядя Ваня собрал всех ребят: Вальку и Борьку Королёвых, меня с братом Славкой, Тютрюмова Борьку, Петьку Ефимова и Ваньку Вонозерского около колхозной конюшни и вывел Умника.

Умник был очень высокий по сравнению с остальными колхозными лошадьми. Ноги — тонкие и красивые, длинная грива, густой хвост и весь рыжий! Он нервно перебирал ногами, косил глазом и фыркал!

Мы остолбенели. Дядя Ваня и говорит: «Ну, кто смелый, садись!» Первым вызвался Борька Тютрюмов. Его подсадили, дали в руки поводья уздечки, дядя Ваня, державший Умника за уздечку, отпустил его. Умник закрутился на месте, все разбежались. Умник вдруг встал на задние ноги, вскинув передние вверх, Борька скатился на землю. Больше он не захотел пробовать. После него подсадили Ваньку Вонозерского, Умник и его сбросил. Желающих больше не было.

Тогда дядя Ваня и говорит мне: «Юрка! Тебя лошади слушаются, попробуй!» Я согласился, но сказал дяде Ване, что сяду на Умника, если убрать удила.

Меня подсадили, дали в руки поводья уздечки, дядя Ваня отпустил Умника. Умник так же закрутился, встал на задние ноги, затем на передние, задрав задние вверх. Я охватил его шею руками и удержался! Умник вдруг встал спокойно, я спрыгнул и погладил его по голове, шее и гриве.

Отец Василий Фёдорович Мурашев

Мы подружились, и с тех пор я работал только на Умнике. Очевидно, ему понравилось, что я его не взнуздал, не рвал его рот удилами и удержался, когда он делал такие кульбиты.

Я работал с Умником три года и ни разу его не взнуздал. Мы возили дрова, навоз, сено, почту, боронили. Умник никогда не пахал, так как ходил очень быстро и скоро уставал от тяжелой работы. Поэтому Умник возил летом телегу, зимой — сани.

Как-то летом дядя Ваня запряг Умника и поехал за сеном. Нагрузил большой, высокий воз и направился к дому. На обратном пути был длинный, крутой подъем. Дядя Ваня восседает на высоком возу сена, Умник с разбегу поднимается на треть горы и тормозит. Телега начинает тянуть назад, конь пятится, и все быстрее. Телега сворачивает с дороги и наклоняется. Дядя Ваня кубарем летит на землю. Больше никто, кроме меня, в телегу Умника не запрягал.

Я изучил своего коня и знал, что с тяжелым возом он длинную гору без отдыха не осилит и поэтому возил всегда с собой толстую палку. Когда мы с тяжелым грузом поднимались в гору, я всегда шел рядом. Как только Умник останавливался, я быстро совал палку между спиц колеса телеги, и она уже не могла сдавать назад. Умник переводил дыхание, я давал ему сигнал, быстро освобождал колесо, и Умник устремлялся до следующей остановки. Уже на вершине я гладил Умника, садился на телегу, и мы ехали дальше. Утром, перед тем как запрягать, я давал Умнику кусок хлеба с солью.

В общем, мы друг друга понимали, были друзьями. В скачках Умник всегда побеждал! Не знаю, почему кавалеристы, оставившие его, дали коню это имя, но оно ему соответствовало.

Однажды летом мы с Умником поехали за почтой в Алёховщину. Рядом с почтовым отделением я привязал Умника к изгороди, а сам отправился за газетами и письмами. Через несколько минут я услышал ржание и стук копыт. Я выскочил на улицу и увидел, что какой-то мужик отвязал Умника и пытается его увести. Умник отчаянно упирается и ржет — зовет меня на помощь. После этого случая все убедились, что Умник достоин носить свое имя.

волк

В 1944 году в июле наша семья отправилась на заготовку сена. Мы запрягли Умника и поехали в 4 часа утра на пожню у ближнего сарая. Так называлось место, выделенное нам для сенокоса. Никакого сарая там не было. Еще до революции было какое-то строение, но кому оно принадлежало, никто уже не помнил.

Приехали, привязали Умника вожжами к телеге так, чтобы он мог дотянуться до травы. В этот день скосили траву. В деревне говорят: «Коси коса, пока роса, роса долой — коса домой». Вот мы и спешили. К полудню управились и граблями разворошили прокосы. К вечеру трава высохла, сгребли ее в валы, а затем уложили в копны. На этом работа первого дня закончилась.

Переночевали в шалаше. Ночью Умник вел себя беспокойно, храпел, бил копытами. Я встал, разжег угаснувший костер, Умник успокоился.

На следующий день надо застоговать — уложить сено в стог. Вырубили длинную жердь, заострили комель и воткнули жердь в землю на месте будущего стога. Вокруг настелили на землю с десяток коротких березок с листвой, вершинами внутрь. Получилось круглое, диаметром около трех метров, ложе для сена, которое в деревне называлось одоньем.

На одонье укладывалось сено, стог получался круглым, высотой около восьми метров, диаметром до трех. Сено к стогу доставляли на волокушах. Волокуши — это две густые трехметровые березы. Березы привязывались к гужам хомута, надетого на лошадь, которая и тащила волокуши с копной сена к стогу.

День был ясный, и мы до 4-х вечера сено застоговали. Стали собираться домой. Умник вдруг снова забеспокоился. Мы все посмотрели в ту сторону, куда конь косил глазом, и видим: на опушке леса стоит большой серый лохматый волк, оскалив пасть.

Мы схватили кто вилы, кто грабли, направили их на волка. Все истошно закричали во весь голос. Я наставил на волка грабловище, будто ружье, и закричал: «Бух! Бух!» Волк состроил гримасу, будто усмехнулся, постоял на месте несколько минут, повернулся и спокойно ушел в лес. Мы быстро закончили дела. Умник мчался радостный, без всяких понуканий.

младший конюх

В 1943 году, зимой, мама работала в колхозе конюхом. Конюшня стояла на нашем берегу, метрах в двадцати от озера на возвышении. В ней держали десять лошадей, их надо было ежедневно кормить и поить. Воду наливали в корыта возле стойл. Воды требовалось много, в сутки лошадь выпивала до трех ведер.

Вода нагревалась теплом самих лошадей. Ее из озера сначала выливали в бочки, стоящие в конюшне, и только потеплевшую уже в корыта.

Сена не хватало, приходилось добавлять солому, искрошенную в соломорезке. В солому добавляли немного муки, заваривали кипятком, охлаждали и засыпали в корыто.

Я был официально оформлен помощником конюха и называли меня — младший конюх. За сутки младшему конюху начисляли треть трудодня.

За эти трудодни я должен был обеспечить всех лошадей водой, дать сена и солому. Воду я носил утром, до школы, а после занятий работал на соломорезке, каждый день нарезал до десяти ведер. Солому использовали уже в конце зимы, когда сена почти не оставалось. Воду я носил на коромысле по два ведра, но ведра заполнял примерно на три четверти, ведь я учился в 4 классе, и мне было только 10 лет.

брюки клёш

Первый курс техникума прошел незаметно, мы притирались друг к другу, к городу, ведь большинство из нас были из деревень. В первом семестре я прогулял половину занятий: шлялся по городу, по берегу Свири, сплошь усеянному разбитыми пушками, автомашинами, неразорвавшимися снарядами и гильзами от снарядов.

В результате учился на четверки и тройки, а по английскому языку имел даже колы. Стипендию с тройками давали, но вскоре объявили, что со второго полугодия троечники ее получать не будут.

Юрий Васильевич Мурашев при всех своих регалиях

Я жил в основном только на стипендию, изредка, во время каникул, мне давала по пять-десять рублей сестра Ольга, которая была уже замужняя. Поэтому я стал учиться добросовестно и даже стал отличником, получая во все годы учебы повышенную стипендию. Окончил техникум с красным дипломом, и фамилия моя вытиснена была на мраморной доске в вестибюле техникума среди других выпускников-отличников.

К концу первого курса я стал полноправным учащимся, ходил по воскресеньям на вечерние танцы в свой техникум. Туда приходили наши подруги и девчонки из педагогического техникума. Мне понравилась одна гостья из педагогического техникума, но я стеснялся, да и одежда на мне была очень примитивная, деревенская.

Городские приходили в хороших пиджаках, в белых рубашках, некоторые с галстуками, и в широких брюках клёш! Брюки развевались во время танца, они были самыми модными, а мы — деревенские, и слова того до этого не знали.

Летом, после первого курса, родители купили мне брюки темно-синего цвета и пиджак. Брюки были узкие, это меня сильно огорчало. На первые же танцы осенью я пришел в новом пиджаке и новых брюках. Набравшись смелости, пригласил на танец понравившуюся мне девушку. Она скептически оглядела меня, но танцевать пошла.

Мне ее взгляд не понравился, и я решил во что бы то ни стало вставить клинья в брюки, чтобы они стали модными. Оказалось, что в городе есть несколько мастерских, где можно за пять рублей вшить клинья. Деньги я урезал с обедов, но вот найти подходящий материал долго не мог. В одной мастерской, наконец, нашли такой материал, но он сильно отличался по цвету. Я все равно согласился.

И вот я появился в расклешенных брюках, подметающих пол, и пригласил ту же девушку. Она пошла, но во время танцев улыбалась. Я спросил: «Почему ты все время улыбаешься?» Она ответила, что мои брюки самые красивые, и я могу стать законодателем новой моды. Я рассмеялся и рассказал, как долго искал материал для клиньев. Она тоже рассмеялась, и я перестал обращать внимание на насмешливые взгляды.

В этих брюках я щеголял еще два года, а потом они стали мне малы. Надо сказать, что слово «стиляга» тогда у нас не звучало.

формула

В техникуме у меня были большие успехи по математике, особенно в тригонометрии. Задачи по тригонометрическим функциям я щелкал как орехи, и поэтому меня часто просили о помощи в выполнении домашних заданий.

При сдаче экзамена я решил задачу каким-то особым способом, из-за чего преподаватель умилился, продержал меня полчаса, рассказывая о новом способе решения, так что я был уже не рад своей находке. Наконец он поставил пятерку и отпустил. Все уже думали, что экзамен я «завалил», но преподаватель так расхвалил меня, что ребята дали мне прозвище — Формула.

Так меня дразнили полгода, пока не произошел один случай. В общежитии у парня из Петрозаводска был настоящий велосипед, и вполне исправный. У нас

в деревне был у Королёвых велосипед, но без цепи и педалей. А тут — новенький, со всеми принадлежностями!

Конечно, всем хотелось покататься. Хозяин велосипеда не возражал. Образовалась очередь, в ней стоял и я. За мной стоял еще один парень из Петрозаводска — Николай Сазонов, земляк хозяина велосипеда. Настала моя очередь, и вдруг Николай отталкивает меня со словами: «Очередь моя, Формула!» Я был унижен, оскорблен и разозлен. Я оттолкнул Николая от велосипеда и поставил ему под глаз большой фингал. Все оторопели. Я сел на велосипед, проехал положенный круг и отдал велосипед Николаю. Все одобрительно молчали, в том числе и Николай.

С тех пор Формулой меня никто не обзывал.

водяной

После третьего курса, на каникулах, родители попросили меня навестить мою сестру Анну. Она жила с мужем Александром Ивановичем и детьми, Сашей и Валей, на лесопункте Туймазы Ленинградской области.

На автобусе я прибыл в гости. Александр Иванович Барышев, Анна и дети встретили меня радостно. Было воскресенье. Я умылся, отдохнул немного с дороги, и мы сели за стол.

По русскому обычаю выпили, поговорили обо всем — о моей учебе, о родителях, о жизни в Околке, об обстановке в Туймазах и о многом другом. Наступил вечер, ребята и говорят: «Сегодня в клубе танцы!» Я, конечно, захотел на танцы, ведь мне было 17 лет!

Мне показали дорогу и предупредили, что в одном месте надо переходить маленькое болотце по мосткам и чтобы я был осторожен. Я отправился. Пришел на «опасное» место и вижу: две лаги переброшены через воду, там плавает тина. Я осторожно ступил на лаги, одолел половину пути, поскользнулся и — бултых в воду! Погрузился по горло! Еле-еле выбрался. В ботинках хлюпала вода, с костюма стекали струи, но я направился к клубу. Дошагал до клуба, сел на крылечко, вылил из ботинок воду, выжал носки, снова обулся и вошел в клуб.

Танцы были в разгаре. Я встал у стенки и наблюдал. Танец окончился, и начался следующий. Я направился пригласить на танец девушку, за мной тянулся водяной след. Подойдя ближе, я увидел, что она страшно испугалась. Я подошел к следующей, результат тот же.

Я ушел домой, болото обратно одолел благополучно, очевидно, протрезвился после домашнего застолья. Дома после моего рассказа все долго смеялись.

Утром, проснувшись, я долго очищал свою одежду от засохшей тины. А когда сестра Анна вечером гладила пиджак, брюки, то сказала: «Можешь снова идти на танцы, — и добавила: Водяной!» Я удивился, почему водяной!

Анна пояснила: «Так тебя назвали девчата после танцев».

дорога

После третьего курса я поехал домой. Оказывается, к родителям, до моего приезда, приходил дорожный мастер и сказал: «Я слышал, что ваш сын приезжает на каникулы. Он у вас энергичный парень, есть хорошая денежная работа — вырубить лес вдоль дороги на Ребовичи, начиная от Тервенич. Ширина вырубки — пять метров, расстояние от Тервенич — четыре с половиной километра. Стоимость — 1000 рублей, срубленный лес сложить в кучи».

По приезде родители сразу мне об этом и рассказали. Я с радостью согласился. Наточил топор, нашел старые ботинки и стал ждать дорожного мастера. Он вскоре пришел и повел меня на место будущей работы. Прошли Тервеничи, все обсудили, как надо вырубать, складывать. На следующий день я должен был приступить к вырубке.

Рано утром мама налила мне в бутылку молока, дала горбушку черного хлеба, и я отправился. До места вырубки от нашего Околка было два километра. Это расстояние каждый день увеличивалось на длину убранного леса, а площадь работ составляла четыре с половиной километра. В первый день я вырубил лес на полосе длиной в двести метров. Устал, домой вернулся вечером.

В течение месяца задание было выполнено. К концу работы я окреп и уже почти не уставал. В обед выпивал молоко, закусывая хлебом. За день несколько раз пил воду из лесных луж, обошлось благополучно. От мастера я не услышал ни одного замечания. Получил заработанные деньги, сказал «спасибо», и все.

Пришел домой, отдал деньги родителям, а отец и спрашивает меня: «А ты угостил мастера?» Я отвечаю: «Чем?» Отец говорит: «Бутылкой!» Нет, отвечаю. Отец укоризненно покачал головой, а я до сих пор чувствую неловкость от того, что не отблагодарил человека по народному правилу. Я, правда, и сегодня не умею благодарить таким способом.

дранка

Крыша нашего дома в Околке была покрыта тесом. К 1948 году доски стали гнить, крыша накренилась вдоль дома и еле держалась на стропилах. Надо было срочно ее чинить — в первую очередь надо было убрать крен, и я решил применить клинья.

В колоде, толстом бревне длиной три метра, вырубил прямоугольное отверстие. Приготовил шесты. В средней части чердака на поперечные балки прибил широкую толстую доску, а на ней закрепил колоду. Вытесал двенадцать березовых клиньев.

Один конец шеста упер в стропила, около конька крыши, второй — в колоду и стал забивать клинья: один, второй, третий. Крыша начала выправляться и в конце концов встала вертикально. Я ее зафиксировал двумя шестами.

Теперь надо было готовить дранку. Дранка — это осиновые пластины длиной до тридцати сантиметров. Мы с отцом в лесу заготовили осиновые бревна, распилили их на чурбаки. Чурбаки отесали, затем из них на специальной установке, которая была в колхозе, наготовили дранку.

В хорошую погоду, без дождей, убрали старые доски с одной стороны крыши и стали накладывать дранку. Эту работу я делал один. Обе стороны крыши я покрыл дранкой за 10 дней. Дранка на крыше стоит до сих пор, хотя прошло уже почти 60 лет!

практика

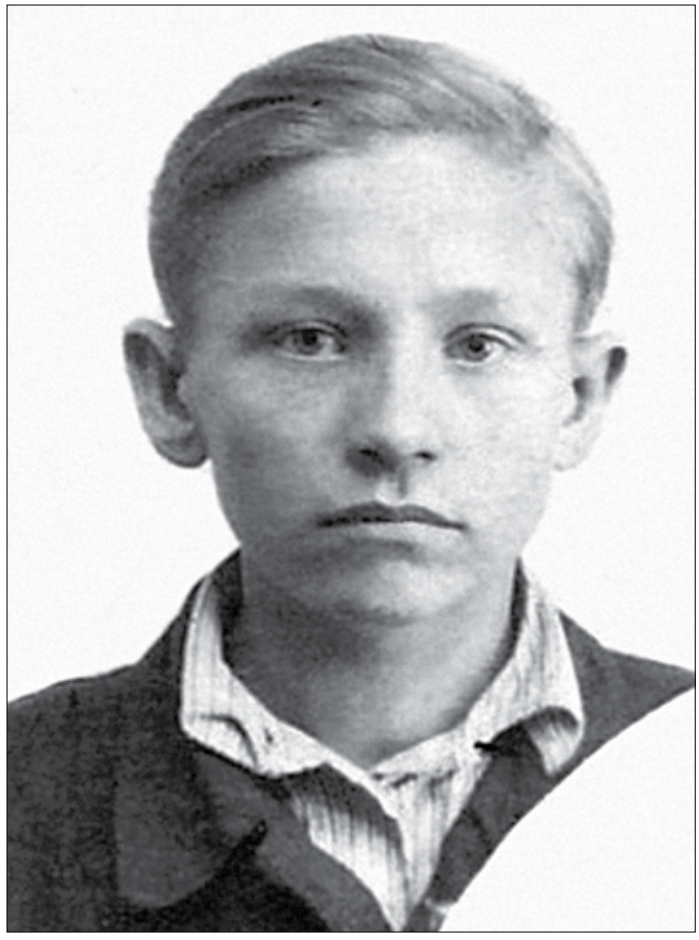
Зимой 1951 года я был направлен на производственную практику в паровозное депо в Сумском Посаде. Из Лодейного Поля на поезде мы — группа практикантов, доехали до станции Сороки, город Беломорск. Сороки встретили нас густейшим туманом, мы еле добрались до управления железной дороги, в пяти метрах ничего не было видно. Такого тумана я не встречал никогда.

В Сумском Посаде я стал работать помощником машиниста. По прибытии мне устроили экзамен, я его выдержал и получил удостоверение. Одну неделю проработал в депо — ремонтировали паровоз. Затем водили поезда. Станции Вирна, Выг, Сороки — в одну сторону от Сумпосада. Колежма, Нюхча, Малошуйка — в другую.

Жил в общежитии, питался в столовой, кормили в основном треской. Суп — из трески, котлеты — из трески, жареная треска и чай без сахара. Хлеб черный. В оборотном депо умывались под душем, отдыхали и вели очередной поезд обратно — в Сумпосад.

В феврале начались сильнейший снегопад и метели. Пути между станциями освобождали специальные снегоочистители, сбрасывая снег под откос. На станциях приходилось убирать его лопатами. На очистку путей вывели всех работников станций. Пути стали походить на туннели, по которым мог пройти только поезд.

Из-за этих туннелей я чуть было не попал под паровоз. Мы маневрировали на станции Сумпосад, надо было перевести стрелку и ехать обратно. Я сошел с паровоза, перевел стрелку, вскочил на нижнюю ступеньку со стороны машиниста и закричал: «Поехали!» Машинист повел паровоз обратно, и мы въехали в туннель! Меня зажало между лестницей и стеной туннеля, стало разворачивать и тянуть к дышлам паровоза. Я закричал, машинист остановился. Он побледнел, долго не мог говорить, затем закричал: «Старый дурак! Куда я смотрю!» Меня откопали лопатой, потом долго смеялись и говорили, что мне повезло. Если бы я вскочил на лестницу с другой стороны, то машинист бы не услышал моего крика.



Юра Мурашев в начале своего пути

Вскоре практика закончилась, я заработал одну тысячу рублей, сумму по тем временам большую, и вернулся в техникум. Пятьсот рублей послал по почте родителям.

Мне потом рассказали. Отец получил деньги на почте в Алёховщине и направился в чайную, где собирались мужики. В чайной отец расхвастался, вот, мол, Юрка сколько заработал, и всех угостил, пропив около ста рублей.

куратор

В техникуме каждую группу «опекал» преподаватель: проводил собрания на разные темы, политинформации, писал письма родителям и так далее.

Наш куратор Николай Петрович преподавал «Конструкцию паровозов». Ему было 40 лет, он окончил перед войной ЛИИЖТ имени академика Образцова, прошел всю войну, получив два ордена. Мы с большим интересом слушали его рассказы о войне, о работе на паровозе — почти всю войну он был машинистом на прифронтовых железных дорогах.

Николай Петрович не говорил лозунгами, он общался с нами на нашем, «подростковом» языке, не сбиваясь на нравоучения, ходил с нами в кино, в лес, на Свирь. Рассказал, за что получили звания героев Советского Союза несколько наших солдат, форсировавших реку Свирь.

Когда заходил разговор о будущей работе, Николай Петрович всегда говорил: «Работайте честно, не думайте о награде за работу. Хорошая работа всегда вознаграждается, и тем быстрее, чем меньше вы думаете о награде!»

Моя жизнь подтвердила его правоту и мудрость. Однако на смену советским устоям пришел так называемый капитализм, трудовые достижения хорошей работы обесценились.

прощальный вечер

Незаметно прошли годы учебы в техникуме. Меня направили работать в Петрозаводское основное депо. После распределения в техникум пришли из военкомата агитировать на поступление без экзаменов в Ленинградское училище военных сообщений. Согласились трое, Ленинград нас очень влек к себе. В тройке был и мой земляк — Александр Шиваков.

В последний вечер собралась наша группа в общежитии, выпили первый раз за время учебы, поговорили и разъехались по домам в тот же вечер. Остались только мы трое. Уже поздним вечером пошли на реку Свирь, посмотрели на гуляющих, и такая одолела меня тоска, что я подумал: «Дурак! Куда ты лезешь? Всю жизнь прожить по приказу!»

Наутро я пришел в военкомат забрать документы. Мне их долго не отдавали, воспитывали, даже угрожали. Наконец мне пришла в голову спасительная мысль, и я сказал: «Я окончил техникум с красным дипломом и буду через год поступать в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта». Документы мне отдали, и через год я поступил в ЛИИЖТ. Через пять лет стал инженером-механиком широкого профиля.

Александр Шиваков, мой земляк, училище закончил. Мы с ним встретились однажды на родине, долго вспоминали дни в техникуме, и он мне сказал: «Ты правильно сделал, что забрал тогда документы».

техник-лейтенант тяги

Поезд пришел в Петрозаводск в 9 часов утра. В 10 часов я был уже у начальника депо. В приемной представитель отдела кадров депо взял мои документы и повел с собой.

В отделе кадров со мной был заключен трудовой договор, после чего мне дали направление в общежитие и отвели на склад получить спецодежду. После окончания техникума приказом начальника Северо-Западного округа железных дорог мне было присвоено звание «техник-лейтенант тяги». Поэтому отдел кадров направил меня теперь уже в управление дороги для получения новой формы.

Я получил китель с серебряными погонами техника-лейтенанта (одна звездочка), брюки, шинель с такими же погонами и фуражку железнодорожника. В дипломе моем значилось: техник-механик паровозного хозяйства.

Китель и брюки я почти не надевал, а шинель с фуражкой носил постоянно и в Петрозаводске, и пять лет в Ленинграде во время учебы в ЛИИЖТ, и несколько лет в Свердловске, куда был направлен на работу после окончания института на завод №8 МПС. Шинель я, конечно, носил без погон. Погонами еще играл мой сын Олег в Свердловске, а потом они куда-то исчезли.

начало работы

На второй день по приезде в Петрозаводск я пришел в депо к заместителю начальника депо для беседы. Явился я в шинели, фуражке. Меня встретил высокий, плотный, рыжий мужик с веселыми хитрыми глазами, где-то лет сорока. Он поинтересовался моей семьей, учебой в Лодейном Поле и спросил, чем я хочу заняться — стать техником по ремонту паровозов или сначала поездить. Я ответил, что хочу сначала поездить. «Молодец, правильно мыслишь, но недельку посмотри — что делается в депо», — и направил меня к комсоргу. Тот поставил меня на учет и сказал, что после работы сегодня будет комсомольское собрание.

Оно началось в пять вечера. Меня выбрали секретарем — вести протокол. Это был мой первый протокол, с ним я, видно, справился хорошо, так как на следующий день комсорг явно стал смотреть на меня с уважением.

Неделя пролетела. Меня направили помощником машиниста на паровоз ОВ, все его звали «овечкой». На этом паровозе я проработал четыре месяца. Формировали поезда на станции Петрозаводск-Сортировочная и вели составы на близлежащие железнодорожные ветки: на хлебозавод; ликеро-водочный завод; онежский тракторный и плодоовощную базу.

Бригада «овечки» состояла из двух человек — машиниста и помощника. Кочегара не было. В мои обязанности входило: поддерживать давление пара в котле, периодически подбрасывая уголь в топку; следить за уровнем воды в котле и своевременно подкачивать инжектором воду в котел; следить за сигналами и путями; смазывать буксы паровоза; чистить котел, кабину, тендер; набирать воду, уголь, дрова в тендер.

Больше всего мы любили ездить на хлебозавод, где всегда давали свежие горячие пряники и булочки. Ма-

шинист набирал бракованного хлеба и булок домой для поросенка. На плодоовощной базе нас снабжали фруктами и картошкой. Картошку мы пекли в выемке сухопарника — это цилиндрический выступ наверху котла.

Машинист любил и ликеро-водочный завод, где получал бесплатно немного спирта или водки. Меня в то время все это не интересовало.

С Онежским тракторным заводом связана такая история. Спуск к заводу был очень крут, а в конце спуска резкий поворот направо, и всегда была опасность не успеть вовремя затормозить и переключить стрелку. В противном случае паровоз с вагонами разгонялся, сбивал ограждение и летел в речку, что однажды и произошло. Я лично видел такую картину. Машинист и помощник рассказали, что тормоза почему-то не сработали, и они едва успели выскочить, отделавшись ушибами и царапинами. Нам однажды тоже не повезло на этой ветке, правда, не на спуске, а на подъеме, который мы не сумели взять, и нас подцепил на буксир большой паровоз ЭМ. Это было настоящим ЧП, нас спасло от серьезного наказания только то обстоятельство, что мы тянули большое количество вагонов, которое было не под силу нашей «овечке», о чем и предупреждал диспетчера мой машинист.

Месяцы работы на «овечке» были самые спокойные. Мускулы мои окрепли, я вник в дела депо, машинистов, помощников машинистов, узнал более-менее Петроской (Петрозаводск по-фински).

Замначальника депо сказал: «Пора водить поезда!» — и меня перевели помощником машиниста на паровоз ЭМ («эмка»), затем на ИС (Иосиф Сталин). Начались поездные будни.

проба на права

Подходил к концу седьмой месяц моей поездной жизни и первый год работы в депо. Надо было определяться с дальнейшей жизнью. С паровозом я освоился, с поездками тоже. Мне предлагали сдавать экзамены на права машиниста, первым шагом к самостоятельности была пробная поездка. Я согласился.

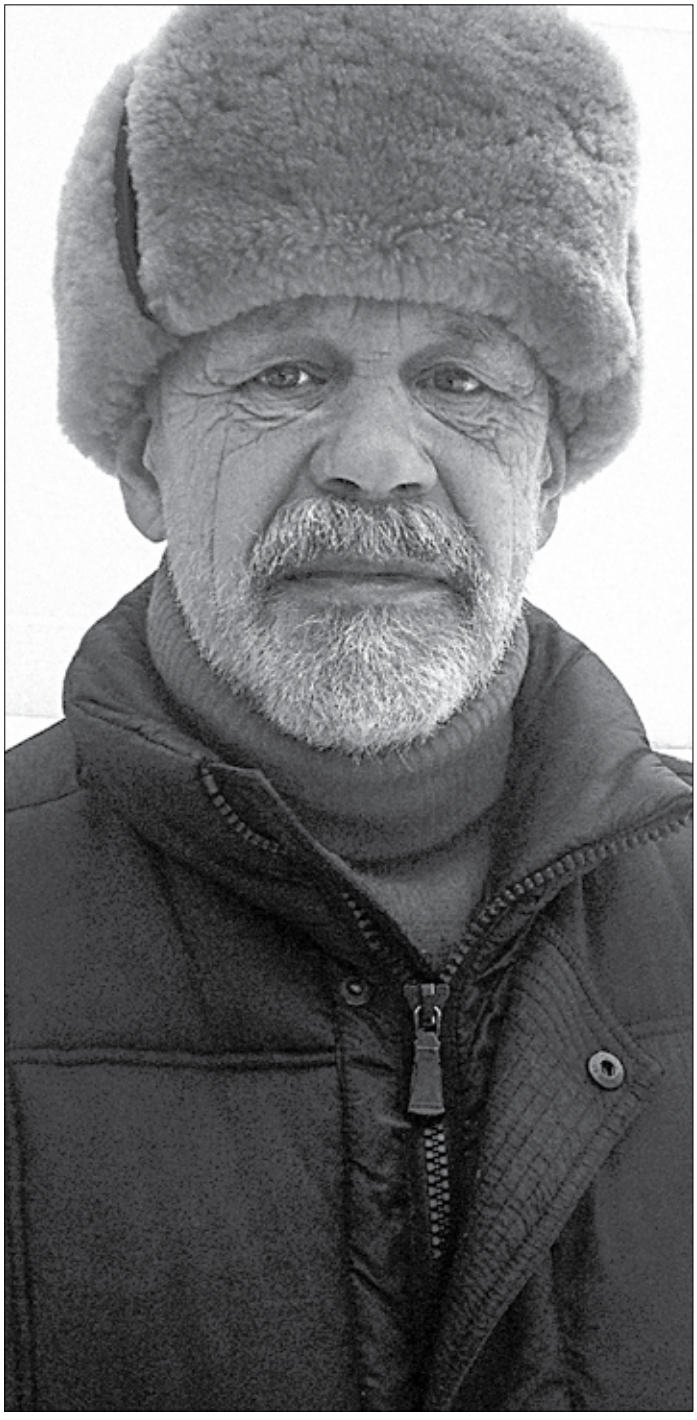
В августе 1952 года в поездную бригаду включили меня, как машиниста-дублера, и еще прибавился машинист-инструктор. Он наблюдал за моими действиями и оценивал. Я вел состав до оборотного депо и обратно. Перед Петрозаводском передал реверс штатному машинисту. На вокзале Петрозаводска мой наставник сказал, что я сдал пробную поездку успешно и похвалил мое владение тормозами.

Мы с ним по паровозной традиции отправились в ресторан. Сдав паровоз, к нам присоединилась и бригада. Все меня поздравляли и желали дальнейших успехов.

В депо мне дали справку, что я выработал помощником машиниста с сентября 1951 года по август 1952 года 25574 километра. Мне оставалось сдать устный экзамен в управлении дороги, получить права машиниста и начать тянуть эту нескончаемую, изобилующую происшествиями, но довольно монотонную повседневную жизнь машиниста или ремонтника паровозов в депо.

Я выбрал другую дорогу и поступил в Ленинградский ордена Ленина институт инженеров железнодорожного транспорта имени академика В.Н. Образцова. В нем я проучился пять лет и в 1957 году получил диплом с отличием, стал инженером путей сообщения, механиком.

виктор соколов
раздрай до последнего винтика



28 августа 2014 года уральскому поэту и журналисту Михаилу Пилипенко исполнилось бы 95 лет. Он рано и трагично ушел из жизни, став жертвой предательского доноса. Но остались его стихи, книги и добрая память тех, кто его знал.

Пилипенко был редактором молодежной газеты «На смену!», и организованное при этой газете литобъединение, естественно, стало носить его имя. Клуб имени Пилипенко воспитал нескольких молодых поэтов, впоследствии выпустивших свои сборники. Трудные и плодотворные шестидесятые послужили благодатной основой для творчества. В какой-то мере клуб был предвестником нарождающихся поэтических объединений при самых разных организациях. О нем не так часто можно услышать, а многие вообще о нем не знают, но он остался незабываемой страницей в истории уральской литературы.

И сейчас в Екатеринбурге при библиотеках и домах культуры по определенным дням недели собираются те, кто не может обходиться без поэтических встреч. Таких добровольных кружков в городе где-то около двадцати. Потребность в творческих встречах не исчезла, но не всегда присутствует высокий дух строгого и чистого отношения к Слову. Время сегодняшнее, к сожалению, не очень потворствует молодым росткам. А впрочем, когда в России было доброе, хорошее время для пишущих?

Сегодня на страницах «Проталины» два человека, имеющих прямое отношение к клубу имени Пилипенко, делятся своими воспоминаниями.

проталина

Публикуемая в «Проталине» фотография Михаила Пилипенко хранится в фондах Объединенного Музея писателей Урала в Екатеринбурге.

Только еще собираясь написать о литературном клубе имени Пилипенко, начинал я перебирать в памяти по той или иной причине запомнившиеся события, пробовал выстроить их в какие-то ряды, хотя бы в хронологическом порядке, но ничего не получалось. Будь на моем месте другой человек — я имею в виду Феликса Шевелёва, старосту нашего литературного объединения, — была бы история или летопись клуба. А моя память устроена так, что отчетливо вижу отдельные детали, из которых складывается общая картина времени, но тотчас же все исчезает, когда пытаюсь понять, как эти детали друг с другом связаны и каким образом в общую картину встроены.

Потому, наверное, и вспомнил о Феликсе Шевелёве, что мог бы, будь он жив, обратиться за помощью к нему, бережно собиравшему и сохранявшему архив. Тогда, наверное, что-нибудь бы и получилось. Увы, Феликса уже нет среди нас. Да и не только Феликса. И Володи Лузянина нет, и Тамары Чуниной, Володи Кочкаренко, Славы Терентьева, Володи Назина, Альфреда Гольда, Яши Андреева, Юры Лобанцева, Валеры Дедкова, Саши Орлова, Толи Азовского... Не знаю о судьбах Гены Сюнькова, Вали Пилипенко, Рины Левинзон, Нади Кузнецовой... Узнаю ли, если встретимся, Валеру Юхневича, Валю Ферулёва, Володю Заковряжина? Из тех, с кем иногда еще встречаюсь, могу назвать только двух-трех человек — Володю Блинова, Андрея Комлева, Любу Ладейщикову...

Так или иначе, но все мы дружили, иногда ссорились — и такое случалось. Но как бы ни складывались наши личные отношения, были мы одним целым, не побоюсь высокопарного слова, командой. Да, даже после того, как клуб имени Пилипенко прекратил свое официальное существование (попросту говоря, нас разогнали), мы продолжали встречаться, просто читали по кругу стихи, обсуждали и разбирали, если возникала в этом потребность, подборку какого-нибудь автора, делились новостями, искали возможность выйти, как сами выражались, из «литературного подполья».

Почему нас разогнали? Конечно же, не потому, что невысокий и никогда, ни в одном споре, как бы далеко спор ни заходил, не полагавшийся на силу своих кулаков Саша Орлов на вечере театрального училища в Доме работников искусства вдруг избил чуть ли не двухметроворостого участкового милиционера (тогда в этом доме собиралось и наше литературное объединение). Нахамить мог. Но сколько бы ни подпрыгивал Саша, он бы и до верхней пуговицы милицейского мундира не достал бы. И свидетелей не было. А все равно избил! Конечно же, совсем другие причины подвигли руководство местного отделения Союза писателей, его партийную организацию и, не знаю, кого еще там, «пресечь и запретить». Получилось так, что в придачу к прочим нашим прегрешениям, касающимся по большей части «идеологической безграмотности» и «политической беспринципности», добавился еще и вопиющий факт избиения. А не будь этого факта, придумали бы еще что-нибудь, уж в этом никто из нас не сомневался.

Еще в 1966 году чтение стихов на улице приравнивалось к нарушению общественного порядка. Тогда Валера Юхневич читал 66-й сонет Шекспира, заканчивающийся словами «Измучившись, не стал бы жить и дня, Но другу будет трудно без меня», и получил не то десять, не то пятнадцать суток. То что говорить о конце шестидесятых?! Понимая, что факт избиения участкового милиционера к клубу имени Пилипенко, хоть так ты его, хоть этак поверни, все-таки за уши притянут, пригласили к нам на предмет душеспасительной беседы не то горкомовского, а может, даже и обкомовского товарища. Товарищ, сопровождая свою речь цитатами из Маркса-Энгельса, Ленина и Брежнева, пытался наставить нас на путь истинный. От него мы узнали, что, сворачивая с правильного пути (тут, хотите смейтесь, хотите плачьте), мы рискуем оказаться в компании цветаевых, ахматовых, пастернаков и им подобных.

Понятно, что и Союзу писателей, и тем, под чьим неусыпным контролем находился этот союз, нужно было тихое, послушное, предсказуемое и не нарушающее спокойствия литобъединение. Клуб имени Пилипенко в эти рамки явно не вписывался. Сразу возникает вопрос, почему не навели требуемого порядка, почему выпустили ситуацию из-под контроля? Почему не поставили дело так, чтобы ни у кого и малейшего соблазна не возникало нести доходившую в крайних своих проявлениях до антисоветчины отсебятину? Нет, пробовали и порядок наводить, и руководителей литобъединения меняли. Мягкого Льва Румянцева, много внимания уделявшего вопросам поэтического мастерства, но при этом забывавшего о целях и задачах советской литературы, поменяли на более принципиального Юрия Трифонова. При журнале «Урал» даже создали параллельное литобъединение для тех, как нам говорили, кто уже стоит на пороге Союза писателей. Но, во-первых, едва ли не половина пилипенковцев стояла, ни на что не надеясь, на этом самом пороге, а во-вторых, собиралось «альтернативное» литобъединение один, ну, может быть, два раза в году.

Обвинение в антисоветчине по тем временам не сулило ничего хорошего — это все понимали. В наших действиях не было ничего такого, что в явном виде подрывало бы устои существующего строя. Можно было, конечно, придираться к отдельным строчкам. И придирались. Мне, например, категорически не рекомендовали читать где-либо стихотворение, в котором я сравнивал примечтавшееся лирическому герою будущее с не открытой им Америкой и с непожатой рукой. А сколько крови попортил Юре Лобанцеву его «Этюд солипсизма»! Одного названия (в суть произведения толком-то никто и не вчитывался) было до-

статочно для того, чтобы обвинить Юру в упадническихъ настроениях, в крайних проявлениях и, конечно же, в чуждом советскому читателю индивидуализме и субъективизме. А у Шевелёва: «Рушится в небо вписавшийся мост — не оказалось другого берега». Одним словом, устала власть от нас и под предлогом того, что клуб Пилипенко превратился чуть ли не в проходной двор — а у нас действительно двери были открыты для всех желающих, — нам торжественно объявили, что при Союзе писателей будет создано новое и даже качественно новое литературное объединение. Напели еще в уши о самом строгом отборе будущих его членов: не дай Бог, если кто-то не будет соответствовать высокому уровню советского профессионального мастерства. Все мы без исключения, и особенно аморальный и асоциальный тип — Саша Орлов, заполнили похожие на библиотечные карточки анкеты (Ф.И.О. , где, что и когда опубликовал). Вот так мы стали членами нового литобъединения. А мне эта трагикомедия запомнилась еще и тем, что на одном из первых заседаний или собраний Саша Орлов очень выразительно прочитал стихотворение, в котором «Сержант милиции с лицом рецидивиста грузил в автомашину алкаша»...

Тут надо сказать, что с середины 1980-х я не предпринял ни единой попытки где-либо напечататься, но не подумайте, что я жалуюсь на отсутствие публикаций. Даже в журнал «Урал», о котором во времена клуба имени Пилипенко и по большим праздникам мечтать не приходилось, попало несколько моих стихотворений. Да, многое изменилось, наверное, в какой-то степени и то, что мы называем уровнем поэтического мастерства, но, смею вас уверить, не настолько, чтобы, ссылаясь на этот самый пресловутый уровень, почти никого из нас не то что в журналах, но даже и в газетах не печатали. У Терентьева и Гольда, могут мне возразить, вышли отдельные сборнички стихов, а в коллективном «Свидетельстве о рождении» опубликовали подборки Лузянина, Кочкаренко, Рины Саниной (Левинзон), Лобанцева и Сюнькова. Но возьмем хотя бы Лобанцева. К тому времени, о котором говорится, ему уже исполнилось тридцать лет, лучшие стихи и несколько достойных читательского внимания поэм лежали в столе, а по тому, что отобрали для печати, прошлись редакторские ножницы. Трудно было обвинить Юру Лобанцева или Славу Терентьева в низком уровне поэтического мастерства — не нравилась тематическая направленность их творчества, боялись, что отдельные строки могут быть неправильно истолкованы. Да, при всяком удобном случае не уставали повторять, что должно быть много поэтов хороших и разных, но тут же стригли, лишних слов не говоря, всех под одну гребенку.

Не хочу никого обвинять, и в руководстве Союза писателей были разные люди, и едва ли они испытывали удовольствие от того, что толкали дальше то, что катилось на них с пирамиды власти. Самое большее, что они могли сделать, даже понимая абсурдность спускаемых на них директив и указаний, — предупредить тех, кто находился у основания пирамиды. Такую примерно жизненную позицию занимал и секретарь местного нашего отделения Союза писателей Лев Сорокин. Никому ничего плохого он, насколько мне помнится, не желал, но очень огорчался, когда нарушалось поддерживаемое его усилиями равновесие между постоянно оказываемым на писательскую организацию и на него лично давлением верхов и упрямо не желавшими с пониманием относиться к деятельности верхов низами, к которым причислялось и наше литературное объединение. Ко всему в придачу Лев Леонидович старался, насколько это было возможно, предугадать ход событий и предотвратить нежелательные последствия тех или иных проявлений. Скажете, перестраховывался? Да, и не скрывал этого, и мог привести массу примеров, свидетельствующих о том, что разумная осторожность никому еще и никогда не повредила. Но надо было видеть выражение лица секретаря отделения Союза писателей, заливающегося всеми цветами и оттенками беспокойства, огорчения, страха и желания уйти от неприятного ему разговора, когда кто-нибудь выходил за рамки свыше дозволенного или что-нибудь обращало на себя внимание влиятельных особ.

А такое случалось. Видели бы вы, что сделалось с Львом Леонидовичем, когда он услышал о том, что мы хотим провести в нашем городе выборы короля поэтов. А почему бы и нет? Был же такой прецедент, и ничего страшного не произошло. Конечно же, ответить сразу и определенно «да» или «нет» Сорокин не мог — ему надо было подумать. И понятно было, что не ему, а тем, с кем он собирался посоветоваться, а он, если и думал, то только о том, как они будут реагировать, что скажут? И все это было написано на его лице. Единственное, что не сказал даже, а выдавил: «Но почему короля? Совсем как-то не в духе нашего времени». Не помню кто, Валера Лузянин, кажется, или другой Валера — Юхневич, но кто-то из них ответил, вроде бы и соглашаясь: да, не в духе, мол, времени, — но свалял такого дурака, что Сорокин и вовсе оторопел. Прозвучало предложение: «Давайте председателя верховного совета поэтов выберем или генерального секретаря». Не знаю, как бы Лев Леонидович повел себя несколькими годами позже, но тогда еще, в шестидесятых, подобное предложение можно было пропустить мимо ушей как не очень умную шутку.

Для нас между тем хорошо было уже то, что прямого отказа, разом пресекающего все наши инициативы, не последовало. То, что происходило дальше, можно было назвать вялотекущим процессом отговаривания: ну, и зачем вам это надо? Проведите, говорили, обыкновенный конкурс, общегородской, если хотите, областной даже и успокойтесь. На чем-то вроде конкурса после длительных переговоров будто бы и остановились, но, сколько ни старались старшие товарищи

убрать «короля», заменив его первым, лучшим — обязательно подчеркивали — молодым поэтом или еще чем-нибудь в этом роде, сами же соглашались: неубедительно получается.

Единственным человеком в Союзе писателей, сразу же полностью и безоговорочно поддержавшим нас, был Борис Марьев. Он еще дальше пошел, предложив расширить рамки мероприятия: «Почему только молодые? Пусть все желающие, в том числе и члены Союза писателей, принимают в нем участие». Но это вообще уже не вписывалось ни в какие рамки. Сам Марьев рассказывал мне потом, что возмущению не было предела. Такой жабы Лёва проглотить не мог. «Черт с ними, — негодовал, — пусть делают, что хотят, только союз не впутывают!» И выборы короля поэтов состоялись.

Проходили выборы в актовом зале Дома работников искусства на улице Пушкинской, 12. Зал небольшой, а народу собралось столько, что и в проходах, кто как мог, устраивались, и в дверях стояли, и в примыкающем к актовому залу холле. Кто будет королем? В нашем кругу, среди пилипенковцев, мало кто сомневался, что Слава Терентьев. Сказать, что Слава писал стихи — ничего не сказать: он жил стихами; а когда читал их, негромкий, то ровно перекатывающийся через легкую картавинку, то вдруг взрывающийся голос просто-таки завораживал. А еще и то делало Славу Терентьева несомненным лидером, что стихи его были яркими, пусть и несколько перегруженными, но не отвлеченно-умозрительными, а живыми, со слуха запоминающимися образами. Но королем поэтов, вопреки нашим ожиданиям, стал не Терентьев, а Дробиз, больше известный тогда не как поэт, а как автор сатирических и юмористических рассказов. Может быть, это и справедливо: лирика — одна составляющая поэтического творчества, а другая его сторона — ирония, и в данный момент, в данной аудитории ирония оказалась востребованней.

А что же Союз писателей? Неужели и малейшего интереса не проявили к тому, что происходило буквально у них на глазах, в одном с ними здании? Да нет, проявили. Реакция, правда, была несколько замедленной, но короля не казнили и даже поздравляли. У Сорокина Льва Леонидовича был покровительственно-довольный вид с едва уловимым оттенком беспокойства, потому как боялся и перестраховывался (совершенно зря!) — что может «прилететь». Само словосочетание «король поэтов» там, откуда именно могло «прилететь!», входило в один ряд понятий вольных карточных игр. И все-таки никто не стал возражать, когда через год мы захотели провести новые выборы короля поэтов.

Нельзя, говорят, дважды ступить в одну воду. Вот и мы сомневались: первые выборы короля были настоящим праздником, а вторые? Не превратятся ли они в тень первых, как уже не раз случалось, когда что-нибудь уникальное, неповторимое начинали тиражировать? С другой стороны, не так много было в литературной жизни нашего города событий, а таких событий, в центре которых оказывались бы именно мы, молодые, и того меньше было, чтобы не воспользоваться лишний раз возможностью выхода к читательской аудитории. Последнее в конечном итоге и явилось тем аргументом, который, если и не развеял все наши сомнения, то и не воспрепятствовал действию.

Вскоре, однако, выяснилось, что на наше действие, нет — боже упаси! — не отменяя, но только корректируя его, накладывается другое. Суть же его заключалась в том, что старшие наши товарищи, на сей раз всячески желающие помочь нам, предлагали отказаться от подсчета голосов: и сложно это, по их мнению, и мало ли какие люди окажутся в зале, и что можно от них ожидать, а вот профессиональное жюри, в состав которого вошли бы известные, всеми, разумеется, уважаемые литераторы и критики, вне всякого сомнения, даст объективную оценку... В том, что общественное мнение ни во что не ставилось, не было ничего удивительного. Поэтому не удивило и то, что некоторые из нас согласились с такой постановкой вопроса. Заспорили, никто никому ничего, как часто бывает, доказать не мог, а пока мы спорили о том, что лучше: мнение аудитории или оценка профессионального жюри — старшие товарищи подготовили и утвердили состав членов этого жюри. Споры пошли по новому кругу, и трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы не помирились на том, что и жюри будет, и мнение аудитории учтут.

На этот раз выборы короля поэтов проходили в актовом зале Уральского государственного университета. Большую часть аудитории составляли студенты. Повлияло ли это на характер выборов, как потом утверждали некоторые члены жюри? Едва ли. Можно, конечно, пофантазировать и представить, что было бы, будь на месте студентов инженеры, служащие или рабочие (и возникали такие фантазии!). Но дело это, в общем-то, пустое. Целый ряд социологических исследований, одно из которых проводил Юрий Лобанцев, ставший, по мнению жюри, первым, а, по мнению аудитории, вторым, показывает, что во вкусах и предпочтениях студенты мало чем отличаются от рабочих или, к примеру, домохозяек в возрасте от двадцати до тридцати лет, из тех, кто проявляет интерес к поэзии. То, что Лобанцев и стал королем поэтов, справедливо. Его отточенно-строгие, не к отвлеченным поэтическим изыскам и прелестям, а в первую очередь к свободному от предрассудков человеческому разуму обращенные строки привлекали к себе внимание любой аудитории. Чтобы не быть голословным, приведу для примера только одно короткое стихотворение, а выводы делайте сами:

Задумчивость... Ей нынче не с руки
витать в тиши размеренно и кротко.
Недаром кто-то выбрал кулаки

классической опорой подбородка.
Я славлю мысль, презревшую в веках
позор костра, неумолимость дула...
И вечно славлю тяжесть кулака,
который сжат в защиту права думать!

Итак, да здравствует новый король?! Да, если опустить одну маленькую, почти и несущественную деталь: пусть и несколько голосов, но недобрал новый король Лобанцев у читательской аудитории, чтобы стать абсолютным победителем. Кого же предпочла аудитория? Того, о ком вообще не было разговоров и упоминаний.

А он, оказывается, был! Был, и сам весьма удивился, когда объявили итоги голосования аудитории. Назвали вдруг его, Валеру Юхневича. Стихи Юхневича, в отличие от стихов Лобанцева, меньше всего были похожи на законченное, строго подчиненное авторскому замыслу произведение. Не скажу, что Валерины стихи были живописны, но если уж проводить параллель с живописью, то когда он начинал читать, то все видели перед собой человека, бросающего на холст одну за другой яркие краски, а когда уже казалось, что все! предел! — он, забывая о всякой логике, о том, с чего начал, добавлял еще и еще. Есть такое выражение: на одном нерве. Тут все и было на одном нерве. Но стоило только взять стихи в руки, начать читать с листа, и тотчас же все рассыпалось, и ритм переставал быть ритмом, и рифма уже не держала строки, и лишние, ненужные слова резали освобождающийся от навязчивого очарования Валериного голоса слух.

Конечно же, Валера Юхневич знал о своих недостатках, но писать по-другому у него как-то не получалось. И то, что не его короновало жюри, не воспринималось им как трагедия. «Странно было бы, — говорил, — если бы решили иначе». Мог бы — но это уже мой домысел — добавить: да и зачем королю вторая корона? Почему вторая? А потому, что Юхневич, и в этом никто из ближайшего его окружения не сомневался, был настоящим королем мистификации. Чуть ли не каждый, даже незначительный свой поступок он сопровождал комментарием, уводящим собеседника в сторону от привычных реалий. При этом не только собеседник переставал понимать, что правда, а что вымысел, но, кажется, и сам король забывал, что происходило с ним в действительности, а чего никогда и не было.

А каково было тем, кто, совершенно ничего не подозревая, вдруг оказывался героем юхневичевских мифов? Памятен один эпизод — как попал в историю заведующий отделом поэзии журнала «Урал» Леонид Шкавро, весьма посредственный поэт, облеченный большой властью — кого хочет напечатать, а кого и не хочет. По всему городу тогда распространилась история о том, как Шкавро жахнул об пол, ноги своей не жалея, «Башкирию» или «Удмуртию» — пишмашинки такие были. Как так случилось? Сделал властитель дум замечание молодому автору, которого даже в пример другим ставил: нехорошо, мол, приносить в редакцию стихи без запятых, а автор вместо того, чтобы сказать-объяснить, что пишущая машинка у него с дефектом, возьми да и ляпни (а кто, кроме Юхневича, такое ляпнуть мог?): «Вознесенский вообще без знаков препинания обходится!» И злые были мифы, и безобидные. Кто что заслуживал, тот то и получал.

О свободе нам всем оставалось только мечтать. Никаких резких перемен вроде бы и не происходило, но нельзя было отделаться от ощущения того, что дожившая до преклонного возраста и не желающая уступать место под солнцем следующим поколениям власть все туже и туже закручивает гайки. Те, кто творил, сколько ни старались, не находили применения своим способностям. Впадающей в состояние застоя и медленного умирания стране требовались не задающие лишних вопросов, послушные власти исполнители. И было бы странным, если бы метастазы этого явления обошли стороной литературу.

Что было делать? Приходилось приспосабливаться. У кого-то это получалось лучше, у кого-то хуже, у кого-то не получалось вовсе. Может быть, совсем о другом говорил молодой Чехов, только-только начинавший осваивать писательское ремесло, когда сравнивал медицину с женой, а литературу с любовницей, но и мы испытывали подобные чувства, с той только разницей, что нашу любовницу ограждали от нас семью заборами за семью замками. И что самое печальное — работу эту, якобы в целях сохранения нашего целомудрия осуществляемую, проделывали не какие-нибудь злые монстры, а буквально на наших глазах превращающиеся в литературных чиновников и держиморд поэты и писатели. Сама жизнь подводила к мысли о том, что не сошелся свет клином на одной литературе. Феликс Шевелёв, например, продолжал писать стихи только тогда уже, когда это не мешало ему заниматься основным делом — программированием и математикой. Володя Блинов опирался на основное свое дело — строительство и архитектуру. А Валя Ферулёв был аж директором в одном из проектных НИИ. Валера Дедков никогда не забывал, что он биолог. Юхневич, Кочкаренко и Гольд могли, пережидая непогоду, позволить себе такую роскошь, как журналистика — пусть и не близкая тому, что мы называем художественной литературой, но все же родственница. То же мог сделать и Юра Лобанцев. Но у него столько уже накопилось замыслов и планов, так велико было желание, несмотря ни на что, реализовать их, что, не помышляя ни о каких путях к отступлению, он сжег за собою все мосты — ни к работе в журналистике, ни в социологию, позволявшую хоть как-то сводить концы с концами, при всех трудностях он никогда больше не возвращался. А Славе Терентьеву, Володе Назину, Саше Орлову и возвращаться-то было некуда...

Мне, я считаю, несмотря на ту обстановку, которая складывалась в литературных и окололитературных

кругах в середине и ближе к концу шестидесятых, несказанно повезло. Одно то, что несколько лет моей жизни связывало меня с клубом Пилипенко, предопределило мою судьбу на многие и многие годы вперед. Жизнь складывалась так, что мне не приходилось сжигать за собою мосты — скорее наоборот, все время наводил их и вовсе не туда, куда хотелось бы, не в тех направлениях, которые приближали бы меня именно к моим, а не навязанным жизненными обстоятельствами целям. Но жизнь есть жизнь, и я ни о чем не жалею.

А в клубе Пилипенко я был самым молодым. Не сразу пришло осознание того, что по сравнению с такими действительно уже сложившимися и пишущими настоящие стихи личностями, как Терентьев или Лобанцев, я не более чем марающий бумагу ученик-подготовишка. Смешно даже вспоминать: вот сяду, думал, если выдастся время, и к следующему разу напишу что-нибудь такое... Да, во что бы то ни стало удивить хотел. А они, вместо того, чтобы удивляться, говорили, как мне тогда казалось, всякую ерунду. Если можешь не писать, говорили, не пиши. Пиши, говорили, так, чтобы потом не приходилось объяснять, что ты хотел сказать. Не изобретай велосипеда, не повторяй того, что уже сделали до тебя. Читай. Больше читай. Да, прописные истины, но сам сегодня, пытаясь хоть чему-то научить начинающих, конечно же, не поэтов еще, но пробующих поэтически мыслить, ничего более умного не скажу.

Я уже вспоминал о том, что на каждой встрече мы обсуждали подборку одного из членов или кандидатов в члены литобъединения. Ждал и я своей очереди, но третью или четвертую уже подборку новых стихов приносил, а мне опять и опять не советовали торопиться, нечего еще, говорили, обсуждать. Нет, не отталкивали, я такого не замечал, помогали, что-то советовали, не сразу, но до чего-то начинал доходить сам. Наконец, а почти уже год прошел, решили, что и я могу собрать стихотворений из десяти подборку для обсуждения. За мной дело не стало, собрал за две недели и отпечатал все лучшее, что, по моему мнению, у меня к тому времени накопилось, а и часа не потребовалось, чтобы до последних винтиков разобрать и раздраконить мои «шедевры». Единственным, кто хоть одно доброе слово сказал, был Слава Терентьев: нашел две или три строчки, в которых «неожиданные слова неожиданным образом друг на друга наехали». Знал бы он, как я ему благодарен. Но и Лобанцеву, и Блинову, и Шевелёву, и всем остальным, потом это до меня дошло, должен был сказать спасибо за то, что били.

Со второй подборкой уже сам я не спешил: и было, что показать, и, кажется, начинал понимать, что в клубе Пилипенко я человек не случайный. Помню, как отбирал стихи, с тем еще расчетом, чтобы потом читать их. Тогдашний наш руководитель, Трифонов, требовал, чтобы не получивших одобрения стихов никто и нигде не читал. Идиотское было требование, но по тем временам с ним приходилось считаться. И мне в особенности — не знаю, почему, но Трифонову казалось, что от меня у него обязательно будут какие-нибудь неприятности. Вообще-то я, как и большая часть моих товарищей, заранее обезопасил себя от нападок официальных лиц тем, что почти все стихи были уже опубликованы — что с того, что в многотиражках, но ведь залитованы!

Почему я так долго и подробно обо всем этом рассказываю? Пора ставить точку, а память только начинает по-настоящему включаться, разворачивает какие-то важные для меня подробности. То на один случай просит отвлечься, то на другой — помню и тот день, когда наконец должно было состояться обсуждение моих стихов и тут выяснилось, что руководитель наш их потерял. Засунул куда-то сразу пять экземпляров, а куда — не может вспомнить. Не нашел он их ни через неделю, ни через месяц и так и не находил до тех пор, пока до нашего сведения не довели официального решения о роспуске литобъединения. О причинах этого решения я уже говорил и повторяться не буду. А подборку своих стихов я увидел у Феликса Шевелёва. На мой вопрос, откуда он их взял, Феликс ответил тем, что снял со стеллажа многомесячной пылью покрытый фолиант — занятия наши проходили в библиотеке ДРИ: в этом фолианте и прятались мои стихи.

Обсуждение стихов все-таки состоялось, но уже не за большим круглым столом в библиотеке, а в ресторане «Кедр». По той причине, что клубу имени Пилипенко уже вынесли смертный приговор. Из найденного в фолианте я оставил восемь стихотворений. В обсуждении, проходившем под председательством старосты нашего клуба Шевелёва, принимали участие Лобанцев, Сюньков, Блинов, Лузянин, Кузнецова. Навтыкали автору, что называется, по полной. Пришли к общему выводу о том, что при той жизни, до которой докатилась наша страна, опубликовать стихи Соколова не представляется возможным. Попеняли еще автору на то, что он не счел своим долгом, хоть и в силу объективных причин, явиться на обсуждение своих произведений. Кажется, я досдавал какие-то хвосты в университете. На этом все вопросы последнего заседания клуба имени Пилипенко были исчерпаны. На следующий день произошла не слишком торжественная, но хорошо мне запомнившаяся церемония вручения второго экземпляра текста протокола заседания клуба подсудимому. К протоколу прилагался счет из ресторана на общую сумму в двенадцать рублей и сколько-то еще копеек. «Вот во что, — при мне уже допечатал на моем экземпляре Феликс, — обошлось нам, Витя, твое обсуждение».

светлана марченко

не загнать стихи в забвение

Рождение литературного клуба имени Пилипенко при свердловской областной молодежной газете «На смену!» произошло зимой 1965 года. Случилось это по инициативе отдела писем. Я работала там сотрудником.

Почта в этот отдел шла густым потоком. Львиную долю представляло творчество, особенно стихи. Все аккуратно прочитывалось, но при самом доброжелательном отношении к авторам, из вороха страниц получалась весьма тощая подборка того, что можно было представить читателю молодежной газеты. Многое было безграмотно, а что-то «идеологически» невыдержанным. С подборкой редактор шел в секретариат. За ним была еще цензура. В большинстве стихов огорчала слабость в языке, хотя во многих из них была искренность, была жажда открыть душу. Споры, авторские обиды не помогали делу.

Как-то неожиданно возникла мысль — а пусть в творческом споре авторы сами оценивают друг друга, читают стихи, а почему бы нет? Я пошла в секретариат, посоветовалась. Не сразу, но предложение было одобрено. Само собой пришло название, имеющее кровное отношение к газете. В 1950-х годах редактором «На смену!» был Михаил Пилипенко, известный уральский поэт, его перу принадлежит знаменитая «Уральская рябинушка», на эти стихи свердловский композитор Евгений Родыгин написал песню, которая стала почти народной, ее знали все, ее взяла в свой репертуар Валентина Толкунова. Было у Пилипенко несколько сборников, но главным для него была газета. При большой занятости, он всегда интересовался творчеством молодых читателей. И зарождалось что-то вроде кружка. Наверняка он бы и создал настоящий литературный клуб, но... очень рано и трагично оборвалась его жизнь. Как многие тогда, он стал жертвой предательского доноса, типичного для того времени. Его неожиданный «добровольный» уход потряс всех, кто его знал. Но говорить об этом много не приходилось все по тем же понятным для всех причинам. Однако стихи не ушли в забвение. Уже посмертно вышли несколько сборников Пилипенко.

Сохранить память об этом светлого человека должен был клуб его имени. Открытие прошло очень торжественно. И вот по средам к шести вечера в редакцию отдела писем стали приходить со своими стихами все, кто хотел. Бурные споры поспособствовали отбору состава литобъединения. Остались наиболее творческие ребята. Регулярно что-то публиковалось в газете, но «недолго музыка играла». Газетчики работают ночью. Из других редакций выглядывали — что за люди топают, курят в коридорах... «Поэты шумною толпою за Светой Марченко кочуют», — шутили в секретариате, ударяя на слово «шумною». Меня это не веселило — в воздухе запахло грозой. Строго договорились не шуметь, курить бегали в дальний туалет.

И вот первый звонок. Глядя поверх очков, секретарь газеты сказал мне: «Закрыла бы ты эти пьянки-гулянки, а то, знаешь, как бы чего того... Газета — это серьезно!» Я возразила, что люди приходят все трезвые, после учебы или работы, даже из пригорода приезжают. Секретарь пожал плечами: «Ну, смотри, как знаешь».

На очередную встречу я пришла в ужасном настроении и сидела молча, почти не воспринимая происходящее. Это тогда запомнили все. Занятие прошло вяло. Кто-то из ребят сказал: «Надоело тебе возиться с нами, так и скажи». Собственно, это было печальное прощание с клубом, начинающим набирать силу. Во всяком случае, в газете ему было уже не место.

Через некоторое время, в разгар рабочего дня, пришел товарищ из обкома. Коротенько, но веско напомнил, что газета — это идеологический фронт и никаких вольных стрелков в ее стенах быть не должно. «Нет, ты можешь встречаться со своими поэтами, но не здесь, и, конечно, оставив работу в газете. «Насменка» борется за большой формат, а в редакции такая мутная обстановка. Да и имечко-то клубу выбрали!» — сказал он и еще при этом подчеркнул, что такой работой надо дорожить, что у меня семья и дети. На прощание, уже в дверях, он бросил: «Выбор за тобой, и не затягивай». И я выбрала — осталась в газете, потеряв бескорыстное доброе дело, друзей. Объяснить тогда было очень трудно, так как о беседах с товарищами и о существующей реально цензуре было строго не рекомендовано распространяться. Рассказать об этом я смогла только через несколько лет некоторым пилипенковцам, тяготясь тем, что никто не знал правды.

Так закончилась, можно сказать, первая жизнь литобъединения под насменовской крышей, о которой теперь мало кто помнит, а некоторые вообще не знают, поэтому иногда спрашивают, почему именно так назван клуб. Его жизни было суждено продлиться еще несколько лет, поскольку не могло оборваться творческое содружество. Клуб продолжал работать уже в других стенах и с другими руководителями. Он упорно хотел жить.

Юрий Лобанцев во всем хотел дойти до сути

В 2015 году Юрию Лобанцеву исполнилось бы 75 лет. Он родился и жил в Свердловске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. Горького. Участвовал в работе литературного объединения им. Пилипенко, а позже руководил литературным объединением «Горный родник» при Горном институте.

Он активно помогал молодым авторам, отличался честностью, прямолинейностью и принципиальностью в спорах. Неизбывно верил в идеалы социализма, но вера его не была догматичной, он постоянно искал подтверждение своим мировоззренческим мыслям. С приходом перестройки, как всегда, искал глубину и свершившегося, и ушедшего, читал «Белые одежды» В. Дудинцева, «Дети Арбата» А. Рыбакова. Но выводы его были противоречивы, жить было ему особенно трудно, ибо он никогда ничего ни у кого не просил, постоянно искал средства к жизни, даже подрабатывал ночным сторожем в то время, когда редактировал многотиражку в Горном институте, при которой и образовался его «Горный родник». Собственный угол человек обрел только в 1990-е, незадолго до своей кончины. Он рано ушел из жизни в 1997 году.

Юрий Лобанцев — член Союза писателей России, автор нескольких сборников стихов.

проталина

***

Морозный вечер в дальней слободе.
Стучат печной заслонкой в коридоре.
Я так привык к гостиничной юдоли,
к пустым карманам, хлебу и воде.

Уже ушел последний самолет.
Стекло, звеня, откликнулось мотору...
А женщина, задергивая штору,
еще вдали надеется и ждет.

Над городом, у яркого окна,
она стоит — красива, как и прежде,
в который раз доверившись надежде...
Морозный вечер. Улица темна.

...Ну, хорошо — приеду, позвоню.
Придвину чай. Скажу, что рад увидеть.
И фразу — «Ничего у нас не выйдет» —
поспешною ладонью заслоню.

И разомлею, словно от вина,
под старый диск с мелодией несложной,
и так тепло за шторою надежной —
еще какого смысла и рожна?

Но мысль другая выстудит меня —
ее не скрыть от пристального взгляда —
себя теплом обманывать не надо.
В полуогне — лишь видимость огня.

И я очнусь: «Прости, пора идти».
В дверях закатит ветер оплеуху
и озорно помчится что есть духу
через газон, трамвайные пути...
Все злее вечер...

Но предрешено,
что вспыхнет день: идущие упрямы!
Так пусть меня распятьем черной рамы
благословит угасшее окно.

***

Какое-то странное лето —
Грозою не пахнет давно.
И облако серого цвета
с утра застилает окно.

И так безобидно, несмело
вдали зеленеет ветла
о том, что весна отшумела,
а осень еще не пришла.

Как тихо и нудно сегодня!
Куда ты ни глянь и ни плюнь —
глухая пора межсезонья
затмила собою июнь.

Неужто и впрямь несвободен —
игрою, не стоящей свеч,
опять оправдается полдень,
чтоб в серые сумерки лечь?

И солнце, проспавшее где-то,
досаду не выжжет дотла?

Какое-то странное лето —
ни гроз,
ни дождей,
ни тепла...

***

Ни кручины,
ни песни не стою.
Я не рыцарь на белом коне...
Просто ты, покружив за мечтою,
забрела отдышаться ко мне.

У меня
на распутье холодном
ни коня,
ни златого щита,
ни копья, пред которым с поклоном
отворяли бы все ворота.

И устало меня не вини ты,
что все там же —
с утра дотемна, —
на суровом, как правда, граните
высекаю свои письмена.

Ты прочти
в упреждающих строках —
хоть и кривы они, и грубы, —
что на всех проторенных дорогах
нет ни славы,
ни вещей судьбы.

Впрочем, господи, —
вольному — воля...
Уж не рыцарь ли мчит на коне?
Дожидайся.
А мне — через поле,
по пустынной пока целине.

Я сказал.
Я закончил работу.
Есть надежда лишь в сути прямой!
Не дойду —
надоумит кого-то
тот гранит за моею спиной.

***

Городской перекресток.
Иду среди фактов и судеб,
слышу гул разговоров —
то хохот, то горестный вздох...
Как пробиться мне к сути,
великой невидимой сути,
пронизавшей, как пуля,
мишени людей и эпох?
И с ладонью у глаз —
но от солнца ли я закрываюсь? —
я сажусь в стороне
на пропахшую зноем скамью...
Потолкуем с тобою,
от времени выцветший Фауст,
про бесстрастие истин,
про душу — твою и мою.
Нам уйти не дано
от хмельного житейского плена,
как уходит схоласт
и сжигает свои корабли.
Мы послушаем просто,
как в древней машине Вселенной,
заведенной навечно,
скрипит шестеренка Земли.
Пусть привыкнет душа
к совместимости эры и мига,
к сочетанию казней
и дальнего смысла пощад...
Лишь поднявшись над миром —
познаешь величие мира.
Лишь вернувшийся к миру
способен судить и прощать.

В этом здании на улице Ленина когда-то была редакция газеты "На смену!"

Дорога должна быть ясной...

Публикуемые в «Проталине» фотографии Юрия Лобанцева хранятся в фондах Объединенного музея писателей Урала в Екатеринбурге.

евгений пинаев

с его уходом потеряна звездная орбита

Воспоминания о Виталии Бугрове

Свой «мемуар» я начинаю с небольшой главки, которой заканчивается «мемуар» «Под созвездием Ориона». Он посвятил эту небольшую главку лучшему другу Виталию Бугрову. Лучшего вступления я не нашел.

Итак, слово Крапивину...

«Мой бессюжетный «мемуар» почти окончен. Слово «мемуар» очень нравится Жене Пинаеву. Он торопил меня с этой работой, чтобы «скорее ознакомиться», и однажды ревниво спросил: «А о Вите Бугрове ты напишешь?»

Виталий Бугров появился в «Следопыте» почти сразу после того, как я в шестьдесят пятом году ушел из редакции на «вольные хлеба». Он занял в штате мое место. Но на этом самом месте он совершил то, чего я не сумел бы никогда в жизни, — создал великолепный отдел фантастики и сделал журнал знаменем «фэнов» во всей стране.

Я виновато сказал Жене, что о нашем друге Виталии Ивановиче я писал не раз, а теперь как-то «не укладывается в сюжет».

Но нет, укладывается.

...В «Уральском следопыте» решалась судьба моего нового романа. Сейчас вроде бы решилась... Роман «Лужайка, где пляшут скворечники» посвящен памяти Виталия Бугрова. Именно Вите, в отдел фантастики, я обещал этот роман еще в июне девяносто четвертого, при нашей последней встрече.

...В старой архивной папке я нашел очень давние Витины стихи. Мы жили тогда, в пятьдесят девятом, в одной комнате, и Витя подарил стихи мне.

Посвящены они не мне (в школьные-то годы мы не были знакомы). Может быть, кому-то из Витиных одноклассников, а может быть, просто придуманному лирическому герою. Не все ли равно. Теперь кажется, что и мне в какой-то степени...

Навсегда ли расстались мы,
Друг мой, дружище?
Если детства
растают сны,
Где их разыщешь?

Редко, редко припомнится,
Как
будённовской конницей —
Летним солнцем сжигаемы —
По полянам скакали мы.
Под лихими ударами
Цветы осыпались:
Соколами
недаром мы
Меж собой прозывались...
После боя частенько ссорились,
Каждый раз — навсегда:
Кто смелее — до боли спорили —
На врагов наседал?..
Только четче другое
помнится.
Не забыть никогда,
Как с будённовской нашей конницей
Приключилась беда...
Детство кончилось,
и минутами
Больно-больно кололо иглами:
Тайны все оказались
дутыми,
Игры —
играны-переиграны...
И на смену булатной стали,
Всю былую затмив
романтику,
Незаметно пришли и встали
Между нами
косички с бантиками.
Прежде мы их упорно дергали,
Лишь затем их и замечая...
Делать это —
недолго, долго ли? —
Продолжал сгоряча я.
Но однажды
(ее — «дразнючку» —
Я не сильно, но дернул всё же)
Ты мне задал такую взбучку,
Что, припомнив, — невольно ёжусь.
Я тогда ничего не понял.
Вновь при встрече
не утерпел...
Ты — спасибо тебе — напомнил
Мои знания о тебе...

Мы и прежде
нередко спорили,
Кипятились, мирились-ссорились...
Разве знал я, что этим —
кончится
Соколиная наша конница?

Может статься, что
в тысячах
Километров отсюда
Вспомнил детство и ты сейчас
В рубке судна.

Исчезает последний мыс
Легендарного Мурмана...
Неужели
исчезнем мы
Из памяти штурмана?..
Уплывая в Атлантику,
Вспомнишь — верю, что вспомнишь! —
О косичках, о бантике.
О клинках наших конниц...
В синей дымке растает мыс —
Глаз не разыщет...
Навсегда ли
расстались мы,
Друг мой, дружище?..

Витя мог бы стать замечательным поэтом и прозаиком. Он выбрал другую дорогу — стал исследователем и знатоком фантастики и этим сделался знаменит среди множества любителей книг о непостижимых тайнах и запредельных мирах.

А что касается его вопроса: «Навсегда ли расстались мы?..» Если он ко мне, то думаю — не навсегда. Хочется верить, что еще встретимся — где-нибудь на грани тех Безлюдных пространств, о которых я написал в посвященном Виталию Бугрову романе. Под вечным созвездием Ориона...»

Эти воспоминания Крапивин пометил 1999 годом. Я решил заглянуть чуть дальше, а потом — как получится. Крапивин был близким другом Виталия со студенческих лет в университете, когда они «хлеба горбушку и ту — пополам», я же присоединился к ним много позже и считал себя добрым приятелем обоих.

Со дня смерти Вити Бугрова прошло уже немало лет, а я намерен начать свои воспоминания с майского дня восемьдесят третьего года. Виталию Ивановичу Бугрову предстояло прожить еще одиннадцать лет. Только одиннадцать! И вот...

...И вот отшумели по стране первомайские демонстрации, наступило второе число. Я с утра был занят делом — торопился закончить очередную «оформиловку» для сдачи худсовету. Я работал тогда в художественно-производственных мастерских и, значит, выполнял любую работу, которую давал мастер цеха. На сей раз это были изображения всякого рода пожаров — заказ пожарного депо, находившегося на улице Карла Либкнехта.

Принялся я споро и успел «поджечь» то ли фабрику, то ли завод, однако мой трудовой порыв был прерван появлением гостя. Это был писатель П. Не буду называть его фамилию. Он вошел и с ходу поинтересовался:

— У тебя есть что-нибудь?

— Налью рюмку, но не больше.

— А я шел мимо — дай, думаю, поздравлю с праздником.

Я достал бутылку с медицинским ректификатом (заработал в мединституте у профессора Ястребова), наполнил рюмку, а бутылку...

— Эй, куда убираешь — ставь на стол! — воскликнул прозаик.

— Я сказал, что больше рюмки не дам.

— Что это?

— Спирт...

— А-а... Тогда дай что-нибудь занюхать.

Я принес кружку чая и ватрушки.

А гость вдруг заговорил об Александре Грине, даже про спирт забыл. Спросил, чему из написанного Грином я отдаю наибольшее предпочтение? Я сразу назвал три вещи: «Алые паруса», «Бегущая по волнам» и рассказ «Крысолов».

— О, пр-равильно! — подхватил П. — «Крысолов» — это гениально!

Потом он переключился на собственную персону. Я убрал подальше от его размашистых рук планшет, краски-кисточки и банку с водой и приготовился слушать. А куда денешься?

Он начал рассказывать о Высших режиссерских курсах, на которых ему довелось набираться ума с ныне известными писателями со всех республик. Тем не менее он там будто бы считался весьма видной персоной. Завершив эту тему, переключился на Пушкина. Точнее на музей, что в Питере на Мойке.

— Пришел я туда, а у входа толпа! Достаю и показываю членский билет Союза писателей. Говорю, что я коллега Александра Сергеича, и что стоять нам рядом — оба на П. Меня сразу и пропустили.

— Наверное, ты бутылку вахтеру показал, а не членский билет.

— Там баба стояла в дверях. А бутылка мне самому нужна.

Я слушал, но постепенно стал закипать от такой нашей беседы. Даже голова заболела — стало худо. А П. хватил наконец спиртяги и даже поперхнулся:

— Эт-то же спирт!!!

— Конечно.

— Так надо же предупреждать!

— Я тебе сразу сказал. Заешь!

— Уже прошло.

Действительно «прошло», так как теперь он принялся за Лермонтова.

— Слушай, мне надо работать, — взмолился я. — Отправляйся домой!

— Гонишь? Плесни еще.

— Нет. Все.

— Налей, и я уйду.

Налил, но после второй стопки мне пришлось взять его под белы рученьки и доставить до дому, до хаты. Хорошо, что жил он не слишком далеко. Попутно я узнал, что он «третий писатель в области». Двух первых, впрочем, не назвал.

Остаток дня худо-бедно прошел в трудах праведных, а вечером, когда я уже никого не ждал, пришли Слава Крапивин и Витя Бугров — «веселые и голодные, как молодые черти». Я тут же организовал стол. Спирт в чистом виде не предлагал. Для дорогих гостей был у меня припасен «Абордажный ром». Тот же спирт, но слегка подкрашенный кофе, с добавлением перца, лимонника и, кажется, мяты — для смягчения нежелательных ощущений. Друзья выпили (я в ту пору был трезвенником) и набросились на еду.

— Как вам понравилась «Абордажная»? — поинтересовался я.

— Показалось, что в голове взорвалась «лимонка», — признался Слава.

— Ощущение «спесфическое». Словами не передать, — отозвался Витя, налегая на ватрушки и яичницу.

Когда они насытились и взорвали еще по «лимонке», я рассказал об утреннем визитере, добавив, что мне нравится в нем искренняя самоуверенность в своем предназначении и такое же искренне желание возвысить себя, хотя бы в глазах такого невежи, как я.

— Честолюбие — чувство, понятное каждому, — сказал Витя, но при этом нужна и трезвая самооценка. Я вот пописывал рассказики, но понял, что выше среднего уровня подняться не смогу. Переключился и, пожалуй, горжусь теперь, что «Следопыт», благодаря моим усилиям, стал центром советских «фэнов», стал таким журналом, каким он есть сейчас.

— Только не надорвись, — посоветовал я. — Зайдешь в твой закуток, а из-за рукописей только макушка видна, да сигаретный дым вьется, как из вулкана.

— Боцман, а ты честолюбием не страдаешь? — улыбнулся Витя.

— Боцману честолюбие ни к чему. Для него главное, чтобы матрос знал свой маневр, чтобы все на палубе было тип-топ и оки-доки, а если после рейса он получит надбавку к зарплате, так вот и честь, и слава его труду.

— Выкрутился! — улыбнулся Слава, взорвав очередную «лимонку». — Но ты же сейчас не на палубе, а на твердой земле, а Сергей Казанцев сказал, что поставил твою первую книжку в издательский план на восемьдесят пятый год. Неужели это событие не задело твое честолюбие?

— До книжки еще дожить надо, и если все будет, как на палубе — тип-топ и оки-доки, тогда можно слегка задрать «бушприт».

— Приземленно мыслишь, а без честолюбия нет настоящей литературы, — заявил Витя. — Какой писатель без честолюбия?

Он меня зацепил за живое, и я, сколь помнится, вдруг разразился речью. Мол, есть литература как вид искусства, а есть сочинительство, чтобы утвердиться в собственных глазах. Все это разные вещи. Для настоящей литературы необходимы талант и понимание значения слова и его возможностей (тут и особый склад ума). Для сочинительства нужно только закру-

тить сюжет и уметь подать его. Как бы ни были интересны такие сочинения, они лежат на нижней полке — на верхнюю им не попасть. Я, господа, увы, только сочинитель. И не тщусь примкнуть к высшим сферам. Не тот склад ума, не те данные и, значит, не те взаимоотношения с Всевышним. И с честолюбием в том числе.

Такую вот речь закатил. Примерно такую.

— Готовая диссертация, — заявил Витя. Слава последовал его примеру и сказал, что такие «диссертации» вредно слушать на ночь глядя, потому как будет сниться всякая чертовщина: директора издательства, из которых выбрасывают твои тексты, редакторы, которые портят твою вещь, бухгалтеры издательств, тянущие резину с гонораром.

— И вообще... — Он взглянул на часы, — пора по домам, пора бай-бай.

Действительно, время перевалило за полночь. Я решил проветриться и проводить их. Расстались на Декабристов около часу ночи.

Я возвращался к себе, размышляя о честолюбии, «диссертации» и писателе П., который честолюбив, ибо талантлив и знает цену своему дарованию. Бугров, к примеру, трезво оценил свои способности. Не мне о них судить, коли своему честолюбию Виталий нашел другое применение. Однако помнились и слова Крапивина, сказанные, когда он впервые вел меня в редакцию «Следопыта», что Бугров «задавил» в себе великолепного писателя-фантаста. И, главное, сделал это осознанно, все взвесив, все разложив по полочкам. Но я-то честолюбием не страдал и сразу осознал Витину правоту: он выбрал то, в чем мог проявить себя с наибольшей пользой и к своему удовольствию.

Я с удовольствием вспоминаю восьмидесятые годы. Это было хорошее время, несмотря ни на что. Хотя было от чего приуныть. Доклады Черненко и Андропова по идеологии в июне того же 1983 года, помню, здорово расстроили главного редактора «Следопыта» Мешавкина: «Теперь журналу не помогут, а гайки закрутят». Приуныл он после юбилея журнала, отмеченного в апреле. ТЮЗ позволил провести в своем здании сразу два мероприятия: собственно юбилей и вручение «Аэлиты» Владиславу Крапивину от журнала. Хорошее то было время еще и потому, что мы, Крапивин, Бугров, Другаль и я, встречались очень часто то у одного, то у другого, то в редакции «Следопыта». В те годы я написал портреты Командора Славы, прозаика Бори Путилова, технаря-фантаста Другаля, капитана дальнего плаванья Захара Липшица, «фантастического» идеолога «Следопыта» Вити Бугрова, поэта Венедикта Станцева. Замахнулся даже на портрет Николая Никонова. Он подумал и согласился позировать, но удивился моей «смелости». Не помню почему, но портрет так и не был написан, а жаль.

Да, восьмидесятые... В том же июне мы «отомстили» идеологам, отпраздновав свадьбу младшего Бугрова, Дмитрия, а вскоре вышла моя первая и предпоследняя книжка «Мир дому твоему». Появилась она после моей персональной выставки «Художник путешествует» в Доме художника. Упоминаю об этом лишь потому, что выставка стала причиной того, что я сменил художественного редактора «Следопыта» Маргариту Горшкову на ее посту. Горшкова уходила на пенсию, но месяц с лишним натаскивала меня, объясняя все тонкости совершенно новых для меня обязанностей. Теперь, с 1 декабря 1983 года, за исключением «творческих дней», я и Виталий могли лицезреть физиономии друг друга с утра до вечера.

После выхода моей книжки снова всплыла тема — моя давняя «диссертация».

— Защитил «диссертацию»? — улыбнулся Витя, листая мою тощую книжицу. Поди и честолюбие заиграло всеми цветами радуги?

Я не сразу сообразил, о какой «диссертации» идет речь. Он напомнил.

— Хилая получилась радуга — не взыграла.

— Не все сразу.

— Знаю. Я рассказ тебе давал. «Качели»* по твоей теме. Прочел?

— Прочел. Даже думаю предложить его в «Поиск». Но видишь, Женя, какая история... До «Качелей» никто о питекантропах не присылал, а после — как из рога изобилия. Передо мной стоит проблема... выбора.

— Понятно... — промямлил я.

— Ничего тебе не понятно! Сейчас дефицит на простое человеческое добро.

— Крапивин и Другаль?

— Хотя бы, хотя и они не закрывают проблему. А у тебя какая вывеска висит у входа на территорию племени питекантропов? «Эх, дубинушка, ухнем!»

— «Качели» — шутка. А «дубинушка» служит добру: ухнет, и культуртрегер с шишкой, но живой, покидает заповедную территорию. А если вернется, снова шишка и — домой. Добро можно творить по-разному.

— Ты считаешь, что творил добро, когда угощал писателя спиртом?

— Я же говорю, по-разному. Не угости его я, он бы потащился к верхнему моему соседу, Ефиму Гохвельду, своему однокашнику по универу, а тому какая радость? Выходит, я и Ефиму сделал добро, и П. спас от похмелья. Не дай я ему, он бы пустился по городу и где-нибудь нарвался бы на неприятности.

— Ты демагог и иезуит.

В общем, шутка так и осталась шутить в моей папке. В отместку я написал другой рассказ «Осколок зеленой бутылки», героями которой стали, кроме автора (Петька Редькин), его друзья — некие Валька Бугорков (тэ Боугровилль в дальнейшем) и Сашка Крапивников

** Фантастический рассказ «Качели» Евгения Пинаева был опубликован в 2013 году в «Проталине», №3-4(22-23) под названием «Дерзкий прыжок с обретением ноги. Иронический опус в духе фэнтези»*

(чтобы найти его другое обозначение, нужно рыться в текстах, а мне недосуг). Вроде имелся в рассказе еще кальтенар тэ Дрыгаль. Понятно, что речь идет о Сергее Другале. Он-то, единственный, и прочел рассказ, сказав автору при возвращении рукописи, что надо бы переписать вторую половину. Я понял, что фэнтэзи — не моя стезя, и отправил текст в ту же папку, где плесневели «Качели». Жаль, что этот неудачный рассказ куда-то запропастился. Сейчас бы он пригодился — как памятник памяти.

В мае 1988-го Вите «стукнуло» пятьдесят. Событие это было должным образом отмечено и у него на дому, и в «Следопыте». Отметил крепко. Витина жена Наташа не присутствовала на спонтанных торжествах, но позвонила в редакцию, чтобы узнать, почему благоверный не торопится к семейному очагу. Витя ответил, но был пойман на «произношении». Крапивин моментально это усек и увел юбиляра домой их тайной тропой на берегу Исети. Уж не знаю, почему в редакции находился портрет Крапивина. Видимо, я решил продемонстрировать сотрудникам журнала свою работу. Теперь портрет был уже упакован и готов отправиться ко мне на квартиру. Взяв его под мышку, я, в сопровождении Другаля, отбыл восвояси. Через сто метров нас встретила Наташа, вышедшая на поиски супруга. Мы рассказали ей о суаре в редакции.

— А Крапивин там присутствовал? — спросила она, с подозрением глядя в наши честные глаза.

— Был, — ответил я. — Видишь, несу его домой.

Пришло время утрат. В декабре 1981-го умерла Ольга Петровна Крапивина, мама Командора. Через сорок дней после ее смерти мы, Слава, брат его Олег (прах его сейчас покоится в одной могиле с матерью) и я, отправились на Широкую речку. Памятным был тот скорбный день. Когда Слава сложил из бумажного листка кораблик, чтобы поставить у надгробия, ему на голову сел голубь, перелетевший затем на шапку Олега, а потом спорхнувший на могилу. Теперь и Витя Бугров лежит не слишком далеко. Но позволю себе снова процитировать Крапивина:

«...пиратские песни, которые мы сочиняли и распевали под гитару в студенческие годы. Мы — трое друзей, образовавших союз «Братство Веселого Роджера». Витя Бугров, Леня Шубин и я. Где сейчас Леонид, не знаю, а Витя...

Иногда я прихожу к невысокому памятнику среди больших берез и сосен. Достаю плоскую фляжку с коньяком. «Давай, Вить, за все, что было...» Он понимающе смотрит с каменного портрета: «Давай...» А у меня в памяти одна за другой — мелодии песен из нашего флибустьерского цикла...

Пират веселый плавал в море Караибском
На корабле своем, как черный коршун, быстром.
Он на врага летел стремительней, чем выстрел,
И от погони уходил за пять минут...

...Потом я завинчиваю пробку и, держась за поясницу, подымаюсь со скамейки. «Размять деревянное тело можно только в пути» (строчки из стихотворения Сережи, юного читателя крапивинских книг — *Е.П.*). И я отправляюсь в путь, чтобы работать дальше. Над фантастической повестью. Над какой еще повестью можно работать после встречи с Виталием Ивановичем Бугровым? Он весь принадлежал и принадлежит великой литературе Фантастике».

Виталий Бугров внешне жил незаметно (все были заняты своим и собой), но он, по-настоящему, без грана фальши увлеченный своей работой, отдавался ей полностью, до конца. Чего это ему стоило — понятно. Журнальная ежедневная текучка, подготовка очередной «Аэлиты», поездки в Малеевку и Дубулты, где он читал доклады на встречах с молодыми авторами. Больное сердце наконец утомилось, устало от чрезмерных нагрузок и...

Вот описание того дня в моем «вахтенном журнале»:

«26.06.94. Воскресенье. Каюта. 12.30. Умер Витя Бугров. Последний раз мы виделись с ним в редакции 14-го числа. Я отнес ему книгу Игоря Кузовлева. Он собрался поработать и — в отпуск. И взял отпуск — вечный.

В пятницу я хотел позвонить ему. Уже номер начал набирать, но решил, что он еще спит — «сова». К 14.00 отправился к Славе. Тот работал над новой вещью. Спросил его, как Витя? Слава: «Говорил с ним по телефону. Он должен был увезти своих в Камышлов, пожить с ними пару дней и вернуться. Наверное, уже приехал». Мешать ему не стал. Ушел. Вечером набрал Витин номер. Сначала думал, не туда попал: в трубке то ли смех, то ли плач. Спрашиваю: «Это квартира Бугрова?» Оттуда тихо: «Женя... Женя...» — «Да?» — «Витя умер...»

Говорили мы около девяти вечера, а во сколько умер Витя? Наташа сказала, что пришла она в половине восьмого. Дверь была открыта. Вошла. Позвала. Молчание. Спросила: «Эй, умерли, что ли?». А Витя и умер. Лежал раздетый в кровати с открытым ртом. Будто сил хватило только на вдох. Это случилось 24-го. 25-го увезли на экспертизу.

А в тот вечер я позвонил Славе, Другалям (Сергей только-только уехал в Москву), Гере Иванову.

Завтра утром возвращаюсь в город. Утром Слава и Казанцев идут в горсовет хлопотать о Широкой речке. Главное, сын Бугровых Дмитрий в Сургуте на 250-летии города. Прилетит в понедельник.

...Витя собирал детективы. Мечтал засесть за них, когда выйдет на пенсию. И залег. Как так? И никто не знает, как умер Витя. Он был один. Господи, Витя, Витя...

03.07.94. Воскресенье. Другаль вернулся из Москвы в четверг. Вчера встретились — был 9-й день Витиного ухода. Сидели напротив стены с его портретом (пор-

трету уже 9 лет!), на нем Витя, сжимая в руке чашку, очень пристально смотрит нам в глаза. Слава вчера побывал на кладбище. Уехал, собравшись спонтанно, как сказала его жена Ирина».

Думаю, читателям известно, как устроена библиотечная картотека: шкафчик с множеством выдвижных ящичков, внутри нанизанные на штырь карточки с названиями книг и фамилиями авторов. Перебирай, выбирай, находи нужное. Такая карточка есть и у меня. Ею заложена страница с той записью, что приведена выше. Не помню, как карточка попала ко мне. На одной стороне, под названием книги «Гидроприводы судоподъемника», Витиной рукой начертано четверостишие:

Amice! Alliegre magnamino e bevimmo,
Nfin she n'ce stace noglio a lucerna;
Chi sa s'a l'autro munno n'ce vedimmo?
Chi sa s'a l'autro munno n'ce taverna?..

«una copita del vino tinto»

На обороте карточки Витя дал и перевод.

Дружище! Пить будем мы весело оба,
Пока наша лампа горит кое-как:
Кто знает, что ждет нас за крышкою гроба?
Кто знает, найдем ли там этот кабак?

Пятая строчка дана без перевода. Не знаю, что она означает. Может быть, намек на место будущей встречи? Или что-нибудь про «этот кабак»? Слава Крапивин предположил, что встреча состоится на грани Безлюдных пространств. Витя давно там. К нему успел присоединиться и Сергей Другаль. Попридержите, други, чуток место за столиком, а место встречи, как в том фильме, изменить нельзя. На том стоим.

Блестящий критик, историк жанра фантастики, создатель первого — и единственного — в нашей стране музея фантастики, Бугров был одним из инициаторов и организаторов ежегодных праздников «Аэлита». Несколько лет он руководил семинаром на совещаниях молодых писателей-фантастов в Малеевке и Дубултах. Почти тридцать лет проработал в «Уральском следопыте», где, по общему признанию, он, собрав хорошую команду, своим энтузиазмом и талантом создал все то, что называлось «Аэлитой» и было символом фантастики на Урале.

Витино честолюбие целиком помещалось в «смысле жизни». И потому, я уверен, он навсегда останется в памяти знатоков и почитателей страны Фантазия, людей особого склада, мечтающих найти за гранью Безлюдных пространств энтузиастов и подвижников в вечной жажде новых открытий.

Я начал свой «мемуар» со слов Владислава Крапивина. И закончить опять хочу, обратившись к страницам Славы. Есть у него книга с названием «Золотое колечко на границе тьмы». В ней отдельный рассказ «Битанго» — о кубинском мальчишке с воздушным змеем, который вернул память автора к далеким пятидесятым годам университетского братства, когда Слава узнал от Бугрова смысл этого волшебного слова — битанго, так по-испански называется летучий змей.

Я взял из этого рассказа только то, что созвучно времени наших встреч, когда мы были особенно близкими:

«Любые воспоминания не точны. Человеческая память субъективна, прихотливо отбирает из жизни что-то свое. Но, наверно, в таком «избранном» есть и зернышко истины.

Возможно, я ошибаюсь, но теперь мне кажется, что у Виталия никогда не было спокойных, пригодных для нормальной работы дней. По крайней мере, в редакции «Уральского следопыта», где он трудился почти три десятка лет.

В каком бы редакционном помещении ни работал Виталий — в обширной ли общей комнате, уставленной столами сотрудников, или в отдельном, похожем на клетушку кабинете, его всегда окружали (осаждали!) посетители. Молодые авторы, жаждавшие увидеть свои опусы на страницах «Следопыта». Неугомонные «фэны» — деятели клубов любителей фантастики — громкоголосые, с «нездешним» блеском в глазах и с ворохом неотложных проблем космического характера. Гости из разных городов — от Владивостока до Бреста. Шумные, искренне уверенные, что Виталий Иванович Бугров рожден на свет исключительно для общения с ними. Это я пишу без осуждения. Все мы немного (а порой много) эгоисты.

И был вечный гомон вокруг него — тихого, улыбчивого, ни разу в жизни не повысившего голос, ни одному человеку не отказавшего во внимании...

А если вдруг никого не оказывалось вокруг, тут же длинной междугородной трелью взрывался бесцеремонный телефон...

И этот неистребимый табачный дым...

В первой половине восьмидесятых редакция «Уральского следопыта» находилась в самом центре Свердловска, в старом особняке, на задах монумента Владимиру Ильичу. А мы с Виталием оба жили на улице Белинского, недалеко друг от друга, но от редакции на весьма значительном удалении. И постепенно сложился у нас обычай летних прогулок.

В конце рабочего дня я приходил к Виталию, «изымал» его из тесного круга «фэнов» или почти насильно отдирал от телефона, и мы шли домой. Пешком.

Так было несколько лет подряд. Даже когда я переехал ближе к центру, а редакция — наоборот...

Мы выходили к плотине на проспекте Ленина, шагали через Исторический сквер, пересекали улицу Малышева и у моста спускались к Исети.

Здесь был свой мир. Журчание воды, цветы высокого иван-чая и осота, переплетение полузаросших тропинок, кривые заборы, старые тополя, зеленые дворики, домишки и облупленные особняки начала прошлого века.

Мы брели то утонувшими в лебеде береговыми переулками, то над самой водой, где из травы торчали гранитные ступени — остатки канувших в прошлое зданий и набережных. А миллионный город оставался где-то за гранью беззаботной летней тишины.

Трещали крыльями стрекозы. Перекликались на отмелях мальчишки-рыболовы.

Мы поддерживали друг друга на крутых спусках и беседовали о том о сем.

Только не о фантастике!

Еще в начале пути мы строго договаривались не касаться этой темы. Потому что сколько можно об одном и том же! Так и свихнуться недолго!

Теперь кажется, что во время наших прогулок всегда стоял август — славная пора, когда летнее тепло уже непрочно и особенно ласково, а в воздухе почти неподвижно висят летучие семена.

Тихое это солнце и журчание реки навевало на нас лирическое настроение. Видимо, и у меня, и у Виталия жила в душе ностальгия по рекам нашего детства. Конечно, Исеть — не судоходная Тура, рядом с которой я провел свои школьные годы. И тем более — не могучий Иртыш, на берегу которого вырос Виталий. Но все-таки река. Несмотря даже на ощутимый запах промышленных отходов и торчащие из воды автомобильные шины.

Итак, мы шли над Исетью и *не говорили* о фантастике.

Что, неужели нам не о чем больше побеседовать? Слава Богу, за тридцать лет нашей дружбы всяких тем для воспоминаний накопилось немало.

...Мы познакомились в бревенчатом доме на улице Циолковского, где хозяйка баба Катя сдавала комнаты студентам. Виталий поселился там раньше меня. Потом, с направлением из хозчасти, пришел и я — обалдевший от радости (ура, зачислили!) будущий первокурсник отделения журналистики.

В просторной комнате с незастеленными кроватями было пусто. За окном, на плоской крыше какого-то строения, охотился за воробьями поджарый рыжий кот — совсем как мой, оставшийся дома, в Тюмени. Чтобы не затосковать по родному крову, я не стал смотреть на кота, опустил глаза. На подоконнике лежала потрепанная книга — «Защита 240». Я знал, что это фантастическая повесть, но не читал. И теперь начал листать...

...— Извините. Когда вы посмотрите, я должен буду взять эту книгу...

За открытым окном стоял молодой человек весьма интеллигентного вида. Худой, в широких парусиновых брюках и ярко-желтой соломенной шляпе с черной лентой. В ту пору у мужчин была повальная мода на такие шляпы.

Я со вздохом протянул «Защиту»:

— Жаль. Давно хотел прочитать...

— Вам нравится фантастика?

— Ну, разумеется!..

Слово за слово, и оказалось, что мы почти земляки...

Нам обоим, покинувшим привычные родные места, как было не проникнуться земляческой симпатией друг к другу!

Но главное все же не это. Главное — то, что оба мы считали своим и близким вымышленный мир Жюля Верна и Уэллса, Беляева и Грина, Ефремова и Циолковского. (Был пятьдесят шестой год; Стругацких, Брэдбери, Толкиена и многих других славных имен тогда мы еще не знали).

...— Если вам... если тебе эта книжка интересна, я оставлю. Я до занятий собираюсь съездить домой и хотел прихватить ее с собой, чтобы занести в картотеку.

Уже тогда Виталий вел картотеку фантастических произведений. В ту пору это было не так сложно, как после: советская и переводная фантастика была не очень-то богата. Но все же где-то на втором курсе Виталий, я и наш друг Леня отметили тысячную карточку в этой Витиной библиографии. Хорошо отметили, с весельем и песнями собственного сочинения, которыми богат был наш «тройственный союз».

— Вить, а сейчас у тебя небось уже тысяч двадцать карточек-то?

— Где-то около... Ну и немудрено! Вон сколько новых имен! Не успеваешь читать. Только в этом году уже...

— Витя! Мы же договорились!

— Ох... Но ты же сам начал про картотеку.

— Я — про молодость... Слушай, а знаешь, как пахнет здесь трава? Как на аэродроме в Белоруссии, где мы видели генерала. Помнишь?

— А... Да! В Молодечно...

В начале шестидесятых мы с Виталием были в гостях у моего старшего брата — собкора минской газеты — и много колесили по дорогам Западной Белоруссии. Без особой цели, ради «познания окружающей действительности». И однажды решили полететь из Молодечно в Минск, к моему отцу.

Аэродром в Молодечно был патриархальный, с коровами в густой траве и дощатым диспетчерским домиком.

В тени этого домика, прямо в траве, прислонившись к стене, сидел генерал с околышем небесного цвета и такими же лампасами. Дожидался рейса и читал книжку. Нам показалось удивительно забавным, что генерал-майор авиации, которому полагается летать на грозных военных машинах, сидит тут и скромно ждет мирный аэрофлотовский «кукурузник».

Я сперва даже вознамерился снять эту сценку карманной кинокамерой. Но не решился. Вдруг этот генерал — засекреченный, как какой-нибудь военный объект. Доказывай потом, что ты не шпион...

Впрочем, едва ли генерал обратил бы внимание на аппарат, он был увлечен книгой.

— Это был Брэдбери, — охотно вспоминает Виталий.

— Да. По-моему, «Вино из одуванчиков»...

— Ну, какое же «Вино»! Оно тогда еще не было напечатано! Это был «Четыреста пятьдесят один градус...»

Я не спорю. Виталию виднее. К тому же мы опять «съехали на старые рельсы». Я «перевожу стрелку»:

— Кстати, о вине... Отчего бы нам слегка не нарушить указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом? То есть, наоборот, неплохо бы посодействовать ему, уничтожив некую толику противозаконного зелья?

Виталий тут же откликается. Перефразирует слова из любимого нами романа братьев Стругацких:

— Отчего бы и не посодействовать, если у благородных донов есть на то желание и возможность...

Мы усаживаемся на плоском камне, окруженном репейниковой чащей. Грозный указ — в самом разгаре действия, но здесь, в зарослях, мы укрыты от вездесущей общественности и от бдительных стражей правопорядка. Таинственность обстановки привносит в наше действо веселый, почти мальчишечий азарт. Один из «благородных донов» (это я) достает из пиджачного кармана плоскую стеклянную фляжку с пятизвездным зельем.

Мы делаем по маленькому (правда же, по маленькому, ритуальному) глотку. Над нами летают коричневые бабочки. Ползет по лопуху красно-черный жук-пожарник. Сидеть бы так и сидеть, не спешить. Ну, мы и не спешим...

Витя разглядывает фляжку. На ней пестрая этикетка с пиратской рожей и надписью «Родная морская». Ну, прямо иллюстрация к флибустьерским песням, которые мы сочиняли в студенческие годы:

Где Наветренный пролив,
Бродят наши корабли.
Горизонт окутал мрак,
В небе реет черный флаг...

Но у наклейки более позднее происхождение. Ее нарисовал наш друг Евгений Иванович Пинаев — человек с внешностью отставного боцмана, душой поэта и биографией бродячего живописца и моряка-парусника, просоленного океанскими ветрами.

Однажды объявилось у Жени этакое хобби — склонность к рисованию винных этикеток. Ну, а будучи писателем и художником, Евгений Иванович скоро пришел к мысли о необходимости единства формы и содержания. Поэтому, наклеив этикетку ликера «Слезы Билли Бонса» на соответственно подобранную бутылку экзотической формы, он тут же начинал думать, чем данный сосуд наполнить.

Как истинно творческая натура, Женя сам придумывал рецепты подходящих напитков и, как говорится, внедрял оные в жизнь. Но здесь возникала одна трудность. Сам изобретатель не принимал спиртного. Поэтому он давал дегустировать свои напитки друзьям. Друзья поначалу откликались охотно, не ведая последствий... Сам я, помню, двое суток лежал после знакомства с коньяком «Одноногий дьявол».

А наливка «Родная морская» однажды на целых полчаса ввела в столбнячное состояние экипаж крейсерской яхты «Фиолент». Во время плавания. Хорошо, что творец упомянутого напитка — сам профессионал-парусник: трезвыми руками он самолично взялся за штурвал...

Но это — сюжет для отдельного рассказа.

Теперь же во фляжке из-под упомянутой выше адской жидкости булькает довольно безобидная продукция грузинского «Самтреста». Однако воспоминание о случае на яхте переносит наши мысли в Севастополь...

— Витя, помнишь, как на херсонесском пляже, под большим колоколом, к нам подбирались пацаны-разведчики? Они увидели нашу камеру для подводной съемки и решили, что мы диверсанты.

— Ну да, это сперва решили. А потом-то мы с ними познакомились.

Один из мальчишек нашел в гальке золотистую жестяную крышку от банки и пускал зайчиков. И сказал, что это у него гиперболоид.

— А ты читал про гиперболоид? — оживился Виталий.

Оказалось, что мальчишка читал и про инженера Гарина, и про Аэлиту, и про путешествие из пушки на Луну, и про плавание подлодки «Пионер» через два океана. И что он вообще ужасно любит книжки с золотистой узорчатой рамкой на переплете. И ничего, если этот переплет обтрепан, а позолота облезла. «Такие даже интереснее...»

Так повстречали мы на древнем берегу Херсонеса маленького единомышленника. И запомнили...

Я думал об этом похожем на коричневого кузнечика пацаненке с солнечным зайчиком в руках, когда писал грустную повесть-сказку «Дырчатая Луна».

Виталий не прочитал эту повесть. Новенькую книжку с «Дырчатой луной» я подарил его внуку, когда пришел домой к Бугровым, чтобы отметить печальную дату, девятый день...

Не хочется писать о смерти. Тем более что ее, скорее всего, и нет. Когда у Виталия во сне остановилась изношенная от постоянной работы, от перегрузок сердечная мышца, душа его, наконец, свободно рванулась в дальние галактические края. В те миры, которые он в земной своей жизни учил нас чувствовать, описывать и постигать. Так мне хочется думать. На это я надеюсь. И на будущую встречу...

С такой мыслью легче жить. Но все же обидно, что все случилось так непредсказуемо. И рано. Столько надо было еще сделать, столько успеть. И ведь не старики же еще, хотя, конечно, и не юноши. Хотелось вместе дотянуть до начала нового тысячелетия, заглянуть: каким оно будет?

Впрочем, я думаю, сейчас Виталию известны такие тайны мироздания, о которых мы не можем и помыслить.

Он ушел к этим тайнам, а оболочку его приняла в себя родная планета Земля. И оказала своему сыну последнюю честь: когда насыпали глинистый холмик, вокруг над вековыми березами и соснами гремела гроза и свисали с туч сизые космы ливня, но ни одна капля не упала на собравшихся. А на цветы, покрывшие рыжую глину, сквозь разрыв в тучах светило влажное сверкающее солнце...

Дней за десять до этого печального дня мы с Виталием сидели у меня дома и обсуждали совместную статью, которую собирались писать для белорусского журнала. И говорили еще о многом.

— Витя, скоро ведь сорок лет, как познакомились...

— Да, бежит времечко.

— Слушай, а я наконец сочинил свои «мемуары» о нашем студенческом житье-бытье. Называются «Битанго». «Екатеринбургская неделя» обещает напечатать отрывок. Как раз про наши «караибские» вечера.

— Ты прибереги для меня экземпляр...

Потом я пошел провожать Виталия до троллейбуса. Не хотелось расставаться. Может, чувствовал что-то? Да нет, ничего... Мы вместе доехали до остановки, где была пересадка. Там он из троллейбусной двери помахал рукой...

Потом через несколько дней был еще телефонный разговор:

— Когда займемся статьей, Витя?

— На той неделе... Не забудь про газету с «мемуарами»...

Газета с отрывками из повести «Битанго» вышла в пятницу, 24 июня девяносто четвертого года. С рассказом про наши песни об ураганах, абордажах и грозящем нам смертном часе — хотя по правде-то смертный час «виделся нам где-то за бесконечностью».

И у бесконечности бывает конец. Виталий не успел прочитать эту газету. Утром того дня он не проснулся. Бывают такие вот горькие совпадения.

...Конечно, я понимаю, что в моих записках мало существенного. Но о Виталии Ивановиче Бугрове — редакторе, библиографе, писателе, великом знатоке фантастики, о друге и наставнике молодых авторов, о человеке, сумевшем объединить множество тех, кто предан «звездной литературе», — будут еще писать не раз.

А я — о Вите, с которым мы были рядом почти четыре десятка лет, целую жизнь. И поссорились всего два раза. Оба раза — из-за начинающих писателей-фантастов. Я говорил: надо печатать, а он — не надо. Были у него на то веские причины редакторского свойства. Там, где касалось литературы, мягкий интеллигентный Виталий Иванович был бескомпромиссен. Один раз я его все же убедил, второй — нет. Впрочем, это никак не отразилось на нашей дружбе. В конце концов, бывает, что и братья ссорятся. А Витя был как брат, это уж точно.

Но сколько же горького в этом «был». И пусто мне без Вити на этой планете.

И вот, чтобы утешить себя, я вспоминаю, как мы идем заросшими тропинками над Исетью. И висят над нами пушистые летучие семена...» (Рассказ В.П. Крапивина «Битанго»).

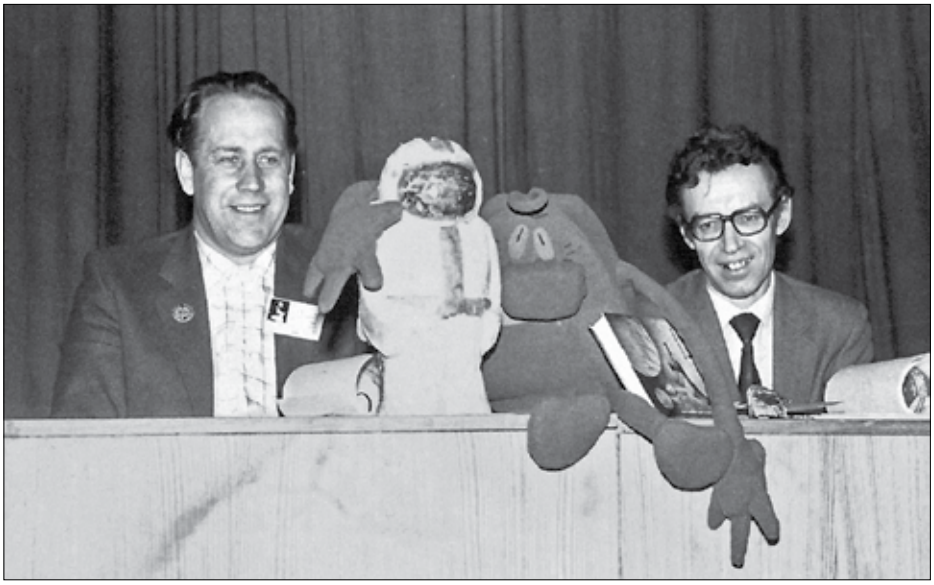
Калиново, 09.08.12

Сергей Другаль, Евгений Пинаев, Виталий Бугров (слева направо). Свердловск 1987 год.

Герман Иванов, Виталий Бугров, Станислав Мешавкин — у микрофона (главный редактор журнала «Уральский следопыт», он был у руля многие годы, и это был расцвет «Следопыта»). Восьмидесятые годы — это было золотое время для фантастики в Свердловске (Екатеринбурге), где ярко горела звезда по имени «Аэлита». Так назывался известный на весь Советский Союз (и не только!) фестиваль фантастики. Зажег ее, по существу, один человек — Виталий Бугров, который возглавлял отдел фантастики в журнале «Уральский следопыт». Тогда там работала целая плеяда талантливых, умных людей, умеющих определять безошибочный фарватер в большом плавании поисков и открытий. Вот что значит личность! Была прекрасная команда, потому и был тогда замечательный, всеми любимый журнал. Высочайший уровень того искусства и все устоявшиеся добрые традиции могли бы остаться посылом на будущую судьбу этого журнала. Но весь накопленный опыт оказался в стороне. Этот горький факт — особая тема, она требует отдельного разговора

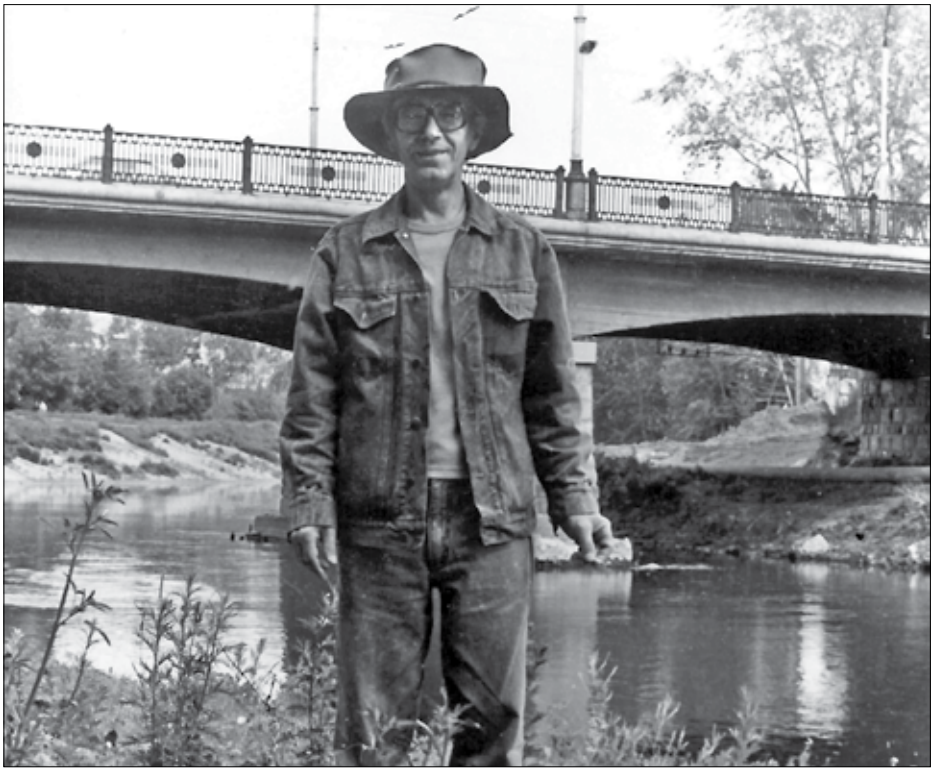
Гости «Аэлиты». Середина 1980-х. В центре рядом с Виталием известный критик Роман Арбитман из Саратова, недавно он издал книгу «Антипутеводитель по современной литературе: 99 книг, которые не надо читать»

Свердловская делегация любителей фантастики у своих друзей в Перми. Справа Виталий Бугров и рядом с ним известный уральский фантаст, руководитель клуба «Радиант», один из вдохновителей фестиваля «Аэлита» Игорь Халымбажда. 1980-е годы



На одной из «Аэлит». В руках у Владислава Крапивина зеленый человечек, предназначенный в дар Виталию Бугрову. Эта кукла по сей день живет в доме Бугровых. В семье его называли просто «Зеленый»

В кабинете Бугрова. На коленях у Виталия Иванович его внуки Катя и Костя. В этом кабинете помимо груды рукописей было много всяких диковинок, и детям было интересно



Один из последних снимков Виталия Бугрова под Царским мостом на ул. Декабристов. Он в забавной «хоббитской» шляпе. Снимал Владимир Николаевич Коблов, свердловский фотограф, любитель фантастики и многолетний поклонник Бугрова. Владимир Николаевич устраивал такие съемки каждый год. Желая, чтобы снимки сохранились, перед своей кончиной он передал пленки семье Бугрова. Об этом «Проталине» поведала жена Виталия Бугрова Наталья Григорьевна

Портрет Виталия Бугрова работы художника Евгения Пинаева

Портрет Сергея Другаля работы художника Евгения Пинаева

евгений пинаев
волшебник слова и металла

Встречи с любимым другом Сергеем Другалем

— Мы, естественно, не собираемся переделывать саму природу хищника и не предполагаем, что у каждого в квартире будет персональный волк. Но иметь общественного квартального тигра — это вещь! Представьте, утром вы спускаетесь со своего тридцатого этажа и видите: на клумбе сидит он, весь полосатый, и нюхает розу. Ныряете вы в дворовый бассейн, а рядом резвятся два жэковских тюленя... И я вас спрашиваю — что это будет, а?

— Зверинец?

— Это будет удивительная жизнь. Тигр проводит вас до гаража и даст вам зарядку бодрости на целый день.

— Действительно... — только и смог сказать Нури, ошеломленный раскрывшейся перспективой.

Сергей Другаль

Осень. Пора увядания, пора листопада. У Юрия Шевчука есть песня с такими словами: «Осень, в небе жгут корабли, осень, мне бы прочь от земли, осень, в море тонет печаль, осень, темная даль». Даль действительно темная, а печаль не тонет. И возникает вопрос: «Что же будет с Родиной и с нами?» Сейчас столица нашей Родины — политическая свалка, в которой сгрудились торгаши всех мастей и где идет постоянная грызня за власть. Но есть надежда (она всегда умирает последней), что свалку сдуют ветры перемен, и Родина распрямит спину.

Шевчук поет, он утверждает, что осень права, что листья должны облетать. Права осень, права природа — куда ж денешься! Но сердце упирается. Оно не соглашается с этой правотой природы. Очень хочется, как в новелле О. Генри, удержать этот «последний» спасительный лист, чтобы больной, решивший, что со смертью листа умрет и он, не дождался падения этого листа и остался жить, работать, творить.

Ни я, ни кто другой из друзей Сергея Другаля не смогли удержать для него спасительный лист. И он ушел от нас. Немного минуло с его ухода. Поговорим о Сергее, отдадим должное человеку, который многое мог и умел.

«— А кем он сделался теперь?

— Инженер. Специалист по вибромашинам.

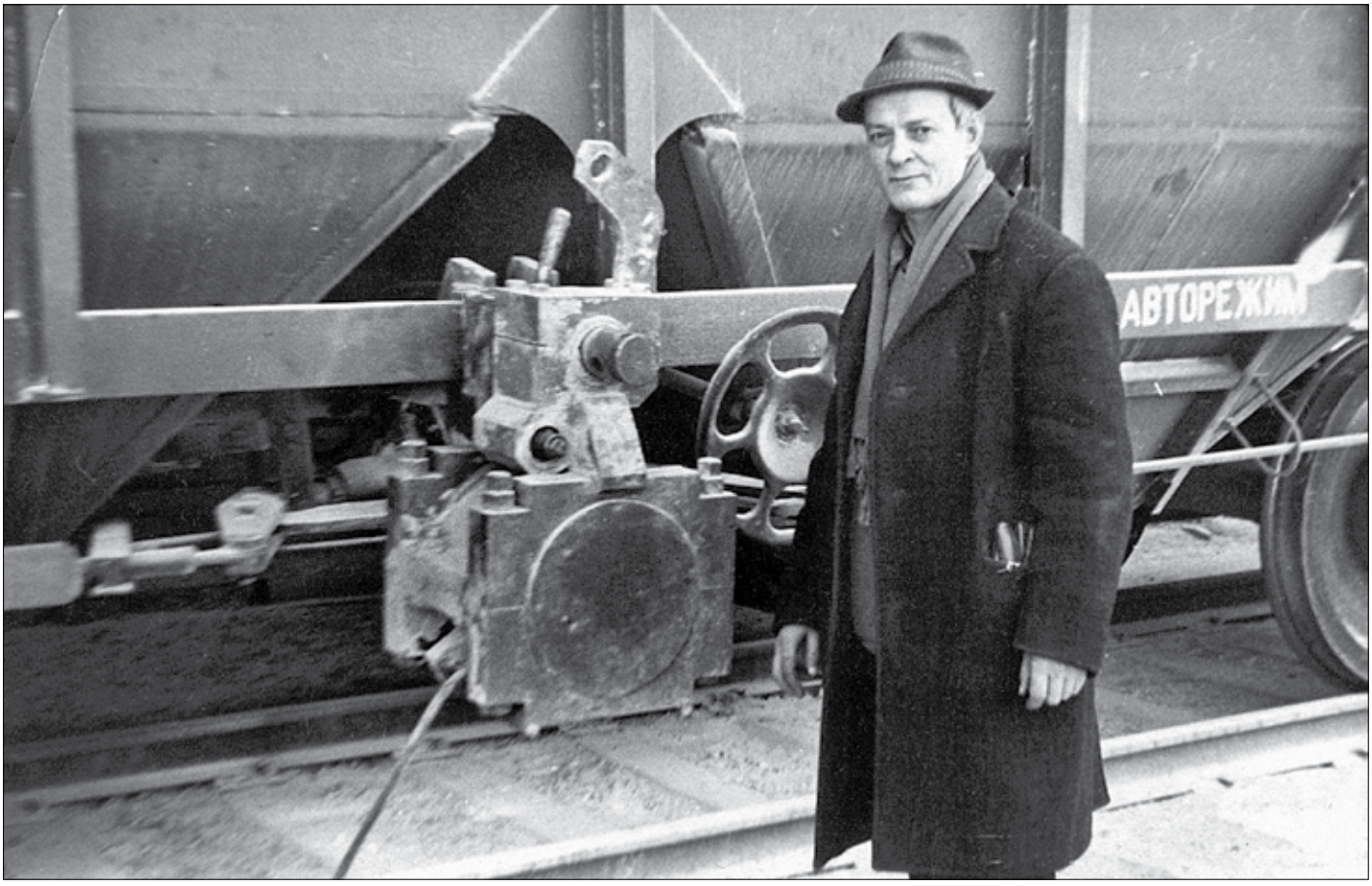
— А что это за машины?

— Разгрузочные... Есть в нашем климате такая проблема — смерзшиеся грузы. Скажем, уголь или щебенка. Пришел вагон, и в нем сплошная спекшаяся от мороза глыба. Что делать? И вот ставят на вагон машину, которая создает своим механизмом вибрацию. И груз от этой мелкой тряски разрыхляется.

— А вагон? — Сашка проявил неожиданный интерес.

— А в этом-то и сложность. Надо рассчитать так, чтобы груз рассыпался, а вагон не пострадал».

Этот отрывок взят из повести Владислава Крапивина «Лоцман», в которой писатель Игорь Решилов рассказывает юному другу Сашке о специальности своего сына Дениса. Прототип известен — Сергей Алексан-



дрович Другаль. Как говорится, один к одному, ведь Другаль — доктор технических наук, член Сибирского научного центра Академии транспорта РСФСР, наконец, создатель той самой вибрационной машины, что была им разработана и воплощена в жизнь научно-технической лабораторией, которой руководил Сергей Александрович. А еще Сергей Другаль — великолепный писатель-фантаст и лауреат премии «Аэлита», когда-то врученной ему старой гвардией журнала «Уральский следопыт».

Я в технике полный профан. Единственный механизм, который я когда-то освоил и который мог использовать достаточно «продуктивно», это — брашпиль, приспособление для отдачи и подъема якоря. Ну, мог ли такой «темный человек» заинтересоваться вибромашиной и допытываться у ее изобретателя, как она устроена? Конечно, нет и нет. Однако познакомиться все же посчастливилось.

Как-то Сергей позвонил мне и попросил приехать к нему в лабораторию. Есть, говорит, заказчица. Хочет, чтобы ты намалевал для нее «марину». Я пришпорил себя и, как штык, возник перед академиком. Коммерция много времени не заняла. С дамой я быстро договорился, она исчезла, а Сергей (по своей инициативе, само собой) повел меня в чертежную, дабы познакомить профана со своим последним детищем.

Согласно училищному диплому, я — преподаватель рисования и черчения. Какие-то крохи знаний еще сохранились на чердаке памяти, поэтому, увидев на кульмане чертеж машины (скорее машинки) в натуральную величину, я не стал хлопать ушами, а превратил физиономию в «умное лицо» и стал усердно внимать пояснениям инженера. Видимо, я делал это старательно. Возможно, даже пытался разобраться в услышанном, в противном случае как сохранилось бы в памяти услышанное?

— Вот смотри, — говорил Сергей, — это воздушная турбинка с разновеликими лопастями. Будет применяться впервые.

— Это продуктивно? — тупо спросил я, услышав и о других технических тонкостях.

— В теории — да. Надеюсь, что практика подтвердит. И дело даже не в этом. Сей новый продукт радует тем, что голова моя по-прежнему работает. Ведь без этой работы, Женя, я себя не представляю. В институте я сам себе хозяин, надо мной практически никого нет. Тут, в лаборатории, все мое. Здесь я работаю с удовольствием, а рассказы пишу — без. Завидую Славе Крапивину и тебе: каждый день пишите. А мне сейчас нужна «Роза мира» Андреева. Без нее не могу начать новую повесть.

— Начать без удовольствия?

Он засмеялся.

— Не придирайся к словам, крохобор.

— Я констатирую, а не придираюсь. Вот ты сказал: «Голова моя по-прежнему работает». Боялся, что из-за инсульта она тебе откажет?

— Да, примерно так.

— Слушай, а где тебя долбануло?

— В «Самоцветах». Прямо в палате упал. Ко мне под-

бежали, а я им: «Не трогайте меня! Не прикасайтесь!» Оставили на полу, укрыв простыней или одеялом. Лежал три часа, держа голову в одном положении, потом пополз к кровати и развернулся вдоль нее. Попросил таз и полотенце — будет рвать. Я не ослаб, — Другаль помолчал и продолжил, — наоборот, собрался. Злость была. Прилив сил почувствовал и, рывком — на кровать. С нее и вывернуло меня наизнанку прямо в тазик. После этой процедуры лежал на левом боку, совершенно неподвижно, трое суток.

— Три часа и трое суток...

— Да. Только утку приносили. Через трое суток доковылял до туалета.

По-моему, это был уже его второй инсульт. Или первый? Впрочем, память моя уже не та, но думаю, что упомянутый разговор случился, когда в СССР уже крепко штормило, и был на дворе тот самый «незабываемый 1991-й», суливший стране такую штормягу, которая и в дурном сне не могла присниться советскому человеку, который все еще с разинутым ртом ждал давно обещанную халяву из светлого коммунистического завтра, а вдруг увидел оскал капиталистического монстра-недоноска, который унаследовал от изжившего и рухнувшего строя озверелую бандитскую харю.

Впрочем, я шагнул через десятилетие. Далеко заглянул, а нам еще пришлось пережить 75-летие «дорогого Ильича» с вручением ему пятой Золотой Звезды, перетерпеть очереди за хлебом и колбасой, «мясные поезда» из Москвы и многое другое.

Когда я познакомился с Сергеем? Дай Бог памяти... Нет, не помню. Знаю, что это произошло во второй половине минувшего века. В начале 1980-х, когда Слава Крапивин привел меня в редакцию «Следопыта». В журнале я тогда еще не работал, но с тех пор стал довольно часто захаживать в старое здание на площади 1905 года. Сейчас в нем Дом актера, а в ту пору под его крышей жила редакция журнала, которым командовал главред Станислав Мешавкин.

Однажды я забрел к «следопытам». Шел мимо, вот и заглянул, чтобы узнать у редактора Толи Полякова о судьбе своего очерка о Калининграде, в котором я недавно побывал.

Полякова в его «6-й комнате» не оказалось, куда-то усвистал, и я навестил «прозу-поэзию и фантастику». «Проза» в лице Льва Румянцева отсутствовала, «фантастика» присутствовала в двух лицах: Виталий Бугров принимал гостя — Сергея Другаля. Я поздоровался, присел в сторонке и стал слушать «фантазеров». Разговор шел «фантастический» и очень интересный.

Идиллию нарушил Поляков. Пришел с кружкой за чаем.

— Должен тебя огорчить, — увидев меня, начал он.

— Ничего другого я и не ожидал, — обронил я.

— И обрадовать должен. В Каире, во время военного парада, убит твой кровный враг Анвар Садат, зато не пострадал твой лучший друг американский генерал Кингстон.

— Ты ошибся, Толя, — возразил я. — Однажды на ноябрьской демонстрации я увидел на мавзолее президента Насера. Глыбой возвышался над нашими родными и любимыми пыжиками-чижиками, он и стал тогда моим кровным врагом.

— Он даже удостоился фольклора великого советского народа, — сказал Сергей. — Ходила когда-то по Москве такая юмореска:— и, припоминая, наморщил лоб. — Вот... «Сидит в Каире, греет брюхо полуфашист, полуэсер, Герой Советского Союза Гамаль Абдель на всех Насер».

Мы захохотали.

— Это не народ сочинил — интеллектуалы, — вмешался в нашу не менее интеллектуальную беседу вошедший Румянцев. — У великого советского народа свои заботы и свои юморески. Такую слышали? «Хоть вино теперь по восемь, все равно мы пить не бросим. Передайте Ильичу, нам и десять по плечу. Ну, а если будет больше, то получится, как в Польше».

— Да, — вздохнул Поляков, — Кто толще, тот и пан.

— Ну, пан Ярузельский совсем усох от забот, а партийных да пузатых панов холопы с Гданьска скоро ухватят за чубы, — выдал прогноз Другаль. — Ихняя «Солидарность» и нас касается. Ведь что такое солидарность, спрашивает в анекдоте россиянин россиянина и слышит ответ: «Солидарность — это когда в России нечего жрать, а в Польше бастуют».

Лет эдак через пять-шесть Сергей вспомнил тот давний разговор. Не судите строго мою путаницу в хронологии: «пять-шесть» — это всего лишь попытка както определиться во времени и пространстве, а потому здесь будут приведены лишь два факта, точно привязанные к определенным датам.

Вот первая: пятница 22 февраля 1992 года. Мы шли от Главпочтамта к Плотинке, шли с собрания, на котором Сергей Александрович Другаль пополнил ряды сочиняющей и пишущей братии. К этому времени Союз писателей СССР развалился по причине идеологических разногласий. Появились две организации: Союз писателей России и тот, в который приняли Сергея, — Союз российских писателей. Вместе с Другалем были приняты Юрий Абрамович Левин, очеркист, и поэт Яков Андреев. У Сергея к этому времени были изданы две книжки: «Тигр проводит вас до гаража» и «Василиск», за вторую он получил премию-приз «Аэлита» от журнала «Уральский следопыт». После этого он и попросил меня дать ему рекомендацию для поступления в Союз. Это было и лестно, и... смешно. Да, смешно именно мне давать свою рекомендацию Мастеру, который сразу вошел в нашу фантастику со своей темой и героями, со своим неординарным отношением к природе и людям, наконец, со своим языком и стилем, присущим именно ему, Другалю. Ведь я, хотя уже два года носил в кармане красную книжицу с профилем Ленина, был всего лишь литературным щенком рядом с Сергеем. Ладно, я был одним из трех заявителей, а в этой троице главным был Слава Крапивин, моя

литературная повивальная бабка. Для Другаля такой «бабкой» стал Виталий Бугров. Со смертью Виталия Сергей не смог смириться до своих последних дней.

— Поздновато решился на этот шаг, — сказал я ему.

— А мне не к спеху, — ответил он. — Для меня главное — лаборатория, моя работа, а это — хобби. Помнишь, мы говорили, что придет час, и у нас «получится, как в Польше»?

— Ну, было такое... Сбылось.

— Ты читал мою книжку «Тигр проводит вас до гаража»?

— Еще бы!

— Значит, Гигантюка помнишь. Я его списал с моего начальника. Я, может, из-за него и писать-то начал всерьез. Стало уже не до баловства.

Еще бы я не помнил! Этот номенклатурщик говорил штампованными фразами. Сергей их собрал до кучи, и та куча производила впечатление своим тупым глубокомыслием: «Я не готов обсуждать этот вопрос; вы меня не убедили; так что вы предлагаете; вот так и делайте; нам, товарищи, надо по-большому; так что будем показывать; здесь мы с вами не додумали; что-то мы давно никого не наказывали».

— «Здесь у нас, товарищи, при подведении итогов работы произошла утечка информации», — ответил я коронной фразой Гигантюка-Кащея и засмеялся. — Ты хочешь сказать, что начальник узнал себя в Гигантюке и взбеленился?

— Ну, это само собой. А сказать хочу, что имя им, гигантюкам, легион. Когда-то, и очень давно, по радио передавали юмореску. Возможно, Аркадий Райкин такого деятеля изображал. Напакостит в одном месте, его перебрасывают на другое, «и вскоре из кабинета слышался его руководящий бас: «Понять сие мне не дано, но общее руководство осуществить могу». Похоже?

— Да. Но к чему ты?

— Все к тому. «Как в Польше». У них были перемены, теперь дошел черед и до нас. Только вряд ли у нас «получится, как в Польше». Гигантюки никуда не исчезли. Они, как клопы, забились в щели, вылезают мало-помалу и скоро, вот увидишь, все возглавят, все разворуют и все развалят. Наша лаборатория, к примеру, уже трещит по швам, а что творится в масштабах России?

— Не сыпь мне соль на рану...

— Крапивин часто пишет о своих снах, четких, ясных и убедительных. Я иногда сомневался, так ли это. Я тоже вижу сны, но в моих всегда перепутаница. Без начала и конца, а то и без середины. Четко мне снятся только чертежи и расчеты с цифирями. А вот год назад и я увидел «крапивинский» сон. Реальный до жути. Потому и запомнил — врезался!

— Ну-ну, излагай, не томи!

— Будто вызвали меня в КГБ. Одного не помню: то ли сам явился с повесткой, то ли привели под конвоем. Привели, значит, но нет свободной для допроса комнаты. А полковник, вызвавший меня, начинает обзванивать кабинеты и говорит кому-то, видимо, попав в пыточную: «Да нам минут на пять-десять всего!» И я понял, что сейчас меня будут пытать, а я все выложу. Хотя не знаю, что такое «все». Говорю полковнику: «Меня нельзя пытать. У меня больное сердце, желудок, недавно инсульт перенес. Если со мной что случится, имейте в виду, мои друзья знают, где я оказался».

Ладно, повели меня и оставили у какой-то двери, около нее женщина с автоматом. А мне захотелось писать, я и спрашиваю ее: «Где у вас туалет?» Она тычет автоматом в конец коридора. Иду, иду и... оказываюсь на улице! И я рванул. Понял, что домой нельзя. Надо скрыться у Пинаева или Крапивина. Может быть, переодеться и денег перехватить.

Разговорный жанр — не мое амплуа. Боря Путилов, Гена Прашкевич, Эрик Бутин — вот кого не надо было тянуть за язык. Эти златоусты умели плести разговорную вязь. Прашкевич все еще с нами, по эту сторону вечности, и, думаю, не зарыл до сих пор в землю свой талант. Что до меня, то, увы, собеседник из меня никакой. Правда, на реплику в тет-а-тетной беседе моих способностей все-таки достаточно. Вот и сейчас, выслушав содержимое сна, я предположил, что оное сновидение — результат работы Сергея над очередным романом.

— Так, да не так. Не совсем так, — ответил Другаль. — Сон в основном связан с моим отцом и с мытарствами по защите докторской. Отец ни за что ни про что сначала побывал в казахской ссылке, где я и родился. В юрте, между прочим. А в тридцать шестом угодил в ГУЛАГ возле Воркуты. Я о нем много думал в последнее время. Видно, все переплелось в голове и отлилось в эдакую страшилку. Диссертацию я в Москве защищал, в своем базовом НИИ, где она благополучно пролежала два года без движения. Для создания моей вибромашины пришлось обосновать свою теорию, а это многим не нравилось. Ведь какие-то машины уже существовали, но после них очень быстро разрушались вагоны. Убытки колоссальные!

— А твоя что — высший класс?

— Что-то в этом роде. Словом, приехал в институт, забрал диссертацию и сам отнес в ВАК, где напрямую и защитил свое детище. Ни фуршетов, ни банкетов. Сразу уехал. И начали писать на меня кляузы и пасквили. Один из писак тоже оказался в Свердловске. Мне о «телегах» ни слова, но я уже кое-что знал и кое о чем догадывался. И когда этот тип вздумал защититься по моей теме, я ему отказал.

— Ну и дела-а... — промямлил я.

— Все те дела сплелись однажды в клубок и отлились в сон.

Мы уже миновали Плотинку и площадь. Остановились возле газетного киоска.

— А ты видишь сны? — спросил Сергей.

— Вижу. Но не «крапивинские», — ответил я. — В основном, как и ты, всякую перепутаницу.

Вечно я куда-то еду на поезде, блуждаю по вокзалам и считаю рубли: хватит ли добраться до места? А куда еду, неизвестно. Сегодня, к примеру, снова приснилась вокзальная толчея. В рюкзаке у меня корабельный магнитный компас системы ГУ-127 миллиметров, от которого почему-то «откушена» чуть ли не половина. И когда я укладывал его в котомку, кто-то уронил на него железяку и — вдребезги остатки стекла над картушкой. Оченно это меня расстроило. И даже потом, когда я оказался не в нормальном вагоне, а в теплушке, среди народа и каких-то тюков, снова полез в рюкзак и уронил слезу на осколки.

Он засмеялся:

— Ты верен себе! Кто о чем, а вшивый о бане.

— Козьма Прутков упомянул три дела, которые, однажды начавши, трудно кончить: вкушать хорошую пищу, беседовать с возвратившимся из похода другом и чесать, где чешется, — ответил я на его «реверанс». — Как видишь, я чешу, где чешется, до сих пор. Подкорка работает. Против моей воли. Знаешь, проснулся с готовым стишком. Тоже во сне сочинил:

Мокрая сорока крутит головой
За кустом малины, сидя на заборе.
Небо, как портянка, дожжик... боже ж мой!
Ну, почто я здеся, почему не в море?!

Он захохотал, а потом спросил с улыбкой:

— Ты только во снах отдаешься поэзии?

— В основном. Непроизвольно. Я ж не поэт и не брюнет. Все зависит от эмоционального заряда, с каким бросаюсь в объятия Морфею. Вот тебе еще пример для иллюстрации:

Был день, в натуре, впрямь-таки дурной,
А ночью? Х-хе... крошит врагов Чапаев!
Знать, я домой вернулся... гм, хмельной, хмельной,
Небритый, как бандит Шамиль Басаев.

— Ну, ты даешь, боцман, хотя... Что ж, мне это знакомо. Моя подкорка тоже предпочитает угощать меня во снах чертежами, расчетами и приборами, о чем я тебе уже говорил. Сухая, скажешь, материя? Но в этой материи все мои эмоции. Весь заряд. Почти. Остаток, крохи, уходят на писанину. Ей-богу, если бы не Витя Бугров, давно бы выбросил эти крохи в форточку.

В газетном киоске мы купили по номеру «Народной правды», аналогу прохановской газеты «День». Я взял ее из любопытства, из-за статьи некоего г-на Бушина, написавшего о «неграмотном Солженицыне», которого-де выручают только редакторы и корректоры.

— Иногда читаю подобную макулатуру, — сказал Сергей. — В лечебных целях, так как при чтении испытываю те же ощущения, когда расковыриваешь чей-то чирей. Во всяком случае, после такого чтива яснее видишь своих отрицательных персонажей, всю их мерзость с гноем, сукровицей и всякой побочной дрянью.

Именно такой беседой закончился тот памятный день. Может, я что-то приврал по мелочам, зато не в ущерб истине, а токмо ради художественной правды. А что до истины, то к ней надо относиться с известной осторожностью. Стоит, например, задуматься над высказыванием Фритьофа Нансена по этому поводу: «Истина? Почему все так дорожат истиной? Жизнь — больше, чем холодная истина, а живем мы только один раз». Истинно так! А потому примите мой рассказ о далеком уже февральском дне 1992 года таким, как я его здесь описал.

В 1990-е годы я часто навещал Другаля. Чаще всего встречались в его кабинете. Пожаловал к нему однажды, и он с ходу пожаловался, что занят не наукой, а только добыванием денег для лаборатории. То есть в основном торговлей вибромашинами. А это и поездки в Москву, в министерство, встречи с чиновниками разного ранга, которым ничего не нужно и которые стремятся лишь уязвить тебя, вытереть о тебя ноги, зная, что ты доктор наук, академик, да к тому же еще и писатель.

И вот тут я, пардон, перебил его. Проиллюстрировал жалобу анекдотом с небольшой бородой. Говорилось в нем о встрече Рейгана и Горбачёва в Рейкьявике. Американский президент решил угостить советского гостя ужином. Особенно вкусным оказалось последнее блюдо. Наш Миша заинтересовался рецептом. «Пришлось зажарить мозги одного из министров», — со скорбью в голосе ответил Рейган. Горбачёв закатил ответный ужин, но последнего блюда не подали. «В чем дело? — взъярился Миша. — У нас столько министров!» — «Десяток забили, — последовал ответ, — а мозгов ни у кого нет. Одни языки». Сергей сделал ответный ход, но у его анекдота борода оказалась длиннее. Журналист спрашивает Брежнева: «Леонид Ильич, вы член партии?» — «Нет, я ее мозг». Последнее слово все-таки осталось за мной. Мой пас тоже имел порядочную бороду. Брежнев, выступая на ЦК, недоумевает: «Вы знаете, у товариша Пельше уже старческий маразм! Вчера иду по коридору, навстречу он. Здравствуйте, говорю, товарищ Пельше! — Здравствуйте, — отвечает, — только я не Пельше».

Посмеялись и отправились к Сергею домой. Весь путь — пересечь улицу.

Сергей быстро сварганил супчик, плеснул мне в рюмку коньяку. Я только пригубил и отдал ему (вот было времечко: Пинаев — трезвенник со стажем!). Видимо, коньяк навел его на мысль о брате, который нигде не работает и пропивает пенсию парализованной матери и то, что ей высылает Сергей. Выплеснуло из Сергея — наболело, и крепко: «В этот раз я высказал ему все, что думаю о нем, но вряд ли поможет».

— Поездки в Москву, — добавил Сергей, — тоже одна из причин, заставляющая работать без нормы. Поездки пока что раз в три месяца и за казенный счет,

а потом? Пенсия у меня 9000. Кладу ее на книжку. Накопил 55 тыс., чтобы потом, когда уйду из лаборатории на вольные пенсионные хлеба, было на что жить и ездить. Один кг мяса в месяц надо? Надо. Одну курицу тоже надо. Надо один кг масла, одну бутылку водки. Я люблю пиво, но позволить его себе не могу. А еще мне нужен костюм, чтобы не ударить в Москве в грязь лицом, когда обиваю пороги кабинетов. Здесь он — 9 тыщ, у Зайцева, из своего материала, 120 тысяч! А обувь?

— Тебе сколько денег нужно на жизнь? — спросил он, когда мы только еще пришли к нему.

— Тыщи три, — ответил я, подумав. С этого, собственно, и начались его финансовые подсчеты.

— Мне вот после инсульта не пишется, — резко переменил тему Сергей. — Написал девять страниц нового рассказа, а когда закончу? Не люблю писать.

— Странно... Так здорово писать и не любить? Не понимаю. Ведь люди обожают твою фантастику!

— Обожают... А знаешь, как началось мое писательство? Еще в Москве началось, когда я работал в базовом НИИ МПС. Здесь у нас филиал его. Был я тогда аспирантом, а один мой коллега в том же звании, посчитав себя писателем, дал мне для оценки свой рассказ. Прочитал — мура. Высказал я ему свое мнение и сказал: давай на спор, я напишу, и у меня сразу возьмут. И взяли. И просить стали: давай еще. Стал давать. Но я же технарь, гуманитарного образования — раз, два и обчелся. Учиться стал, да и Катя моя на это дело подвигла. И анекдоты помогли. Не те, может, которыми обменялись, но похожие. Ведь ИХ мозги одинаковы в любом фольклоре. Так и началось.

А тут и Катя пришла на обед, Екатерина Митрофановна. У нее свои проблемы: «она не вписывается в современную жизнь»! Так и сказала. А вписаться хочется, заняться бизнесом, завести собственное дело. Но помощников нет, а Сергей не желает помочь.

— Я старый больной человек, которому нужен покой, — проворчал доктор технических наук, академик и литератор. — И чего тебе надо? У тебя есть работа, есть дом, есть заботливый мужик, который может то и это...

Я знал, что Сергею нужен отдых, что он должен вздремнуть, и распрощался... Сергей дал мне копирки и немного бумаги для пишущей машинки, от которой я не мог отказаться — «деф-фцит»! Кстати, в тот день я узнал, что «Язычники» Сергея помещены в «Мире приключений» за 1990 год. Рекомендовал «Миру» покойный Аркадий Стругацкий, а рекомендация старшего из братьев дорогого стоит.

Вот такую запись я обнаружил в своих «анналах». Она и помогла по свежим следам восстановить нашу предыдущую беседу, случившуюся год назад.

Обычно после каждой «Аэлиты» главные персонажи, то есть обладатели премии и «лица, приближенные к императору», собирались на посиделки у Виталия Бугрова. И вот, припоминая те годы, я вдруг сообразил, что не помню, когда же Сергей получил эту премию и где ему вручали ее. Позвонил Крапивину, тот порылся в Интернете и ответил: «В 1992 году за роман «Василиск». Я принял это к сведению, но засомневался. Внутренне не мог согласиться: не мог же я пропустить столь торжественный момент в жизни друга?! Но, как ни крути, выходит, пропустил. А потом вообще запутался, пытаясь понять, что раньше появилось — яйцо или курица? «Язычники» или премиальный «Василиск»? Словом, память отказала, и наступило нечто вроде ступора. Почему-то вспомнился давний спор Крапивина и Бугрова из-за авторов, предложенных челябинскому сборнику «Поиск-89». Слава убрал из него свой «Выстрел с монитора». Сделал это ради повести Александра Больных «Видеть звезды». А Немченко, тогда редактор Средне-Уральского книжного издательства (в простонародье — СУКИ), отклонил «Язычников» Другаля, в то время как Больных шел «железно». Правда, к этому времени Сергей поработал над романом, но спор между мэтрами фантастики продолжался. Виталий Иванович упрекал Владислава Петровича за его протеже: мол, так и порождается серая литература. Я помалкивал, но мысленно держал сторону Бугрова: начинал читать «Видеть звезды» в нашем «Следопыте» (повесть шла в двух номерах) и бросил это занятие — жвачка она и есть серость, серая жвачка. Вспомнив этот спор, не мог вспомнить, попал ли в сборник Другаль? И книжки не было под рукой, чтобы проверить.

Все так, но как быть с Другалем и «Аэлитой»? Поднапряг память и вспомнил, что в это время я после работы сразу покидал город и уезжал в Калиново, куда перебрался три года назад. А в тот час, торжественный для Сергея, мы с дедом ладили баню, за мхом съездили на болото, уложили половину венцов, и я, мысленно повинившись перед Сергеем, взвалил на плечи очередное бревешко и поволок к «прорабу». Все так, но у кого узнать подробности, у кого же о нем спросить про тогдашнюю «Аэлиту»? Ба, конечно, у Сергея-ибн-Ивановича Казанцева, всенепременного участника мероприятий подобного толка. Совсем недавно он собирался навестить меня, но занедужил и отменил поездку. Вот и повод справиться о здоровье, а заодно получить нужные сведения у «энциклопедиста», который наверняка хранит в своей копилке все детали, вплоть до самых пикантных.

Созвонились в тот же день.

Я, как говорится, поставил вопрос ребром и получил исчерпывающий ответ.

Да, Сергею Александровичу Другалю награда за «Василиска» была вручена на первой и последней «выездной сессии», которую провели на базе биатлонистов спортобщества «Динамо».

Подтверждение этому я обнаружил в журнале «Уральский следопыт» № 9 за 1992 год, среди книг, уцелевших после пожара, который уничтожил мою

Каюту-мастерскую много позже, уже в наши дни. Первая страница обложки, внутренняя сторона. На ней крупно начертано красным: «АЭЛИТА»-92. Рядом помещена фотография лауреата. По его правую руку стоит приз, по левую — лежит букет цветов. Ниже помещен небольшой текст: «22–24 мая на территории спортбазы «Динамо» по биатлону, что в двенадцати километрах от столицы Среднего Урала, состоялся — вот уже в 11-й раз — наш традиционный ежегодный праздник фантастики. Лауреатом «Аэлиты»-92 стал наш земляк — екатеринбуржец Сергей Александрович Другаль. Одновременно обрели своих владельцев и два других приза. Приз имени А.И. Ефремова — за вклад в развитие отечественной фантастики — присужден петербургскому писателю Андрею Дмитриевичу Балабухе. Приз «Старт» — за лучшую первую книгу — вручен тоже петербуржцам Александру Тюрину и Александру Щеголеву».

В этом же номере помещен небольшой фантастический рассказ Сергея Александровича «Предчувствие гражданской войны».

Добавлю, что тогда же попал мне в руки «Следопыт» № 6 за 1979 год. В нем опубликован крупный рассказ «Экзамен», положивший, как мне думается, начало работе над «Василиском».

Вот такое у меня получилось отступление...

— Почему на «первой и последней»? — не удержался я от вопроса.

— Женя, это была самая пьяная «Аэлита», повторения которой в таком виде было решено больше не допускать, — хихикнул Казанцев. — Фэны, а ведь ты знаешь, что они приехали со всех концов бывшей эсесерии, вырвавшись на свободу из скучных городских узилищ, кроме разговоров, диспутов о путях фантастики и ее нынешнем состоянии, «предались приятственному занятию пиянства». Их же толпа! Кто куда, а кто в буфет. Другаль, Крапивин, Бугров и я занимались докладами и спорами о том и сем, а кое-кто... Посреди базы стоял огромный идол — солдат на лыжах и с ружьем. Так вот, приезжий народ, познавший «это сладкое слова свобода», лез ему на плечи, фотографировался на его фоне, а некоторые даже пытались «отобрать» винтовку. Но это — фон, который не влиял и, в общем, не мешал деловой стороне встречи.

— Я недавно прочел речь Сергея, произнесенную после вручения премии. Он упомянул и твой подвиг, — поддел я Казанцева.

— Это какой же?

— Как ты довел тираж книжки «Тигр проводит вас до гаража» до ста тысяч вместо тридцати, запланированных издательством, и как ты получил втык от Госкомиздата и был лишен за самоуправство квартальной премии. Куда смотрел Селиванов (В.И. Селиванов — главный редактор Средне-Уральского книжного издательства – *ред.*)?

— Э-э, голь на выдумки хитра. Да и премию вернули, когда книжку купила Польша. После этого ветер задул в наши паруса. Селиванов — чиновник, а чиновники всегда держат нос по ветру.

Каким он, Сергей Александрович, был в жизни? Для этого достаточно прочесть то немногое, написанное им. Доброта к людям и нетерпимость к любой подлости, принципиальность... А впрочем, к чему все эти экивоки! Сегодня я выгреб на стол старые записные книжки и обнаружил в одной из них довольно пространную запись. Старую. Она так и начиналась: «У Другаля. 20.01.91 г.».

Разговор начался не в его кабинете. Я вышел покурить в некий коридор-переход, соединявший лабораторию с каким-то другим помещением. Мы стояли у окна и смотрели во двор с какими-то строениями, помойкой, дверями туда и сюда. Помню, меня удивило обилие собак разного возраста, вида и окраски. Именно у помойки они подбирали какую-то еду, расходились и грызли, не слишком удаляясь друг от друга.

— ... этих косточек им мало, — сказал Сергей. — Им пару булок хлеба надо да ведро похлебки, опивок. Там, во дворе, под сараем постоянно обитает штук десять.

— Прямо псарня Троекурова! — удивился я.

— Нет, не то. Сук много. Уже брюхатые, с выменем. Но больше десяти не бывает. Большего числа помойка не выдерживает. Помойка от столовки, но сейчас тамошние бабы стали забирать объедки для свиней. Их держат многие. Теперь мы с лабораторией моей начали собачек подкармливать. Хорошо, зима теплая, так щенкам под сараем... авось, выживут.

Я докурил сигарету, вернулись в кабинет.

— Знаешь, людей сразу видно. Встретишь иного во дворе, увидит собак и рычит: «У, перестрелял бы!» Я ему: «Ну, все ясно...» «Что тебе ясно?!» — и брови к носу. «Коммунист?» — спрашиваю, отвечая на вопрос. «Коммунист. И что?» «А то, что других мыслей нет, как убить, расстрелять. Чем они тебе мешают? Ты им хоть раз кусок бросил? Вот в этом, — говорю, — вся ваша большевистская психология».

— Помнишь, «мы в ответе за тех, кого приручили»...

— Вот-вот! А мы превращаемся в живодеров. Я, понимаешь, раньше, как зав, никогда на партсобрания не ходил, а сейчас хожу. Интересно на них смотреть, как они грызутся. А парторганизация разваливается. У меня в лаборатории осталось два партийца, а в институте — штук двадцать. И каждый раз одна повестка дня: о выходе из КПСС. Бывший директор института... пенсионер, но состоит на учете. Он обычно и начинает. Предложения недоговаривает, говорит шепотом или орет. Зальчик маленький, выскочит на трибуну и начинает: «Позор ЦК! Николу кровавого расстреляли, а теперь?! Эту... у-у! хотят построить на этом месте! По телевидению попы выступают!»

Потом лезет на трибуну полковник-отставник и тоже горло не бережет: «Надо что-то делать! Надо привлекать молодежь, надо выпускать стенгазету. Я буду пи-

сать в нее статьи!» Следом — капитан. Тоже отставник, сторожем работает. Совсем оглох, вот и надрывается: «Их ТАМ всех надо перестрелять! Дайте мне группу ребят, я их воспитаю! Я за коммунизм жизнь отдам, я за него на расстрел пойду, к стенке стану!»

— Достали они тебя, Сергей?

— Достали не достали... Знаю, что вымрут, как динозавры... Меня другое удивляет, что наши евреи из партии не выходят. Все их родственники давно уехали, а они сидят. Я им толкую: «Вы-то что? Бросайте все и топайте в Израиль, пока еще можно!» «Нет, говорят, мы коммунисты!» Ну, я еще понимаю тех, кто вступал в партию ради карьеры. Они не могли иначе. Это когда с голода умираешь, то все равно украдешь. А если вступает по идейным соображениям, то явный дурак. Вот и хожу на партсобрания, как в цирк ходят — посмеяться да посмотреть на этих дураков. Я им даже стишок декламировал. Помнишь, Балабуха у Бугрова читал:

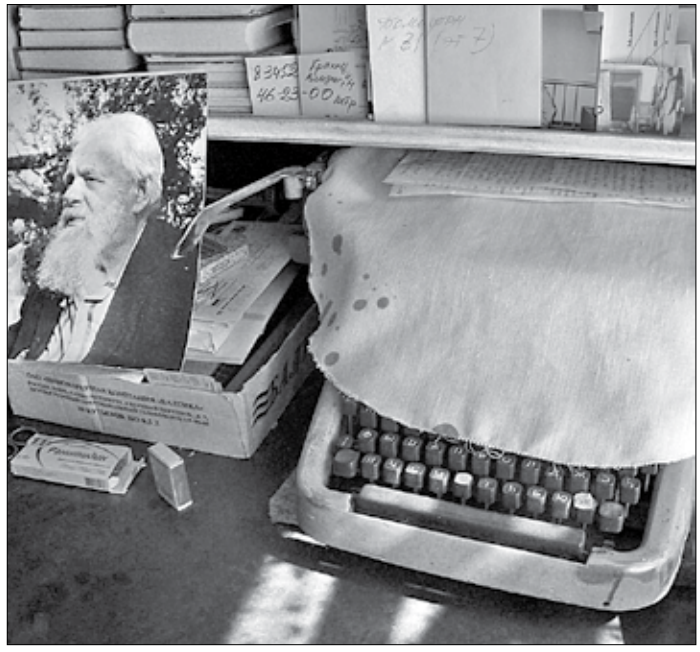
Товарищ, верь, зайдет она
Твоя возлюбленная гласность,
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.

Не пронял. Поежились, поморщились и...

Такой у нас произошел разговор двадцать лет назад. Вроде ничего особенного, но — черточка в характере Сергея. Я рад, что не поленился и записал. А «его евреи», талантливые лабораторные коллеги, все-таки уехали, но не в Израиль, а в Штаты. Сергей их даже навещал там. Кого в Бостоне, кого в Нью-Йорке. Умницы, говорил он мне, рассказывая о поездке, потому и живут хорошо, что выбросили-таки коммунизм из башки.

Сергей Александрович любил свою лабораторию, свою работу. Он любил жизнь. Поэтому эти строки, посвященные ему, стоит закончить словами замечательного писателя-фантаста Рэя Брэдбери, тоже не так давно ушедшего из жизни:

«Надо готовиться к смерти. Но как? Через любовь к жизни! Смерть — это расплата с космосом за чудесную роскошь побыть живым. Про себя я знаю: я делал хорошую работу каждый день... Это чертовски здорово. А? На смертном одре я скажу себе: «Ну и молодчина же ты, Рэй. Молодчина».



На снимках:

Писатель Сергей Александрович Другаль с женой Екатериной Митрофановной

Верный стол Другаля. Слева портрет отца Александра Антоновича
Фото из архива «Проталины»

сергей другаль
глаукома

Рассказ
(с черновика рукописи)

Сергей Другаль — известный писатель-фантаст, книги которого по сей день читают и перечитывают, не единожды признавался в том, что свое писательское занятие он не считает главным делом жизни. Хотя все малые и большие произведения отражают и вкус, и строгий подход к своему творчеству, и неистребимую требовательность к себе. Он был строг ко всему, с чем сталкивался в судьбе, неравнодушно и гневно встречал безобразия жизни.

Остались в его столе неоконченные произведения — в частности, масштабная фантастическая повесть «Кентавры» и рассказ «Глаукома», скорее набросок рассказа, в котором уже проявился глубокий замысел.

Этот рассказ нам доверила жена писателя Екатерина Митрофановна Другаль. Даже по виду рукопись — пожелтевшие листочки, много вычерков, изменения фамилии главного героя — говорит о том, насколько давней, серьезной и важной для автора была эта работа.

Жгла его неотступная болевая точка, зароненная еще в детстве. Отец его пережил ссылку в Казахстан, воркутинский ГУЛАГ — эта мука несправедливости как знакового момента того времени навсегда стала фоном жизни Другаля. Уже в работе над рукописью рассказа «Глаукома» он ездил по местам, связанным с трагическими страницами судьбы отца, в честности которого он ни минуты не сомневался — ему надо было просто выяснить, при каких обстоятельствах состоялся арест, кто этому способствовал. Главным предлогом послужило то, что у Александра Антоновича Другаля нашли якобы запрещенную литературу. Вот и пришлось ему в Казахстане, в местечке Джамбейты, заниматься непривычным делом — теребить пух для пряжи. Там и встретил он свою «половину» — образовалась семья. Там, в поселении, родился Сергей.

Довелось Александру Антоновичу хлебнуть полной чашей бесприютность, голод, случайный тяжелый труд, а главное — чувство несвободы и напраслины. Об этой пожизненной боли Сергей Александрович, по словам Екатерины Митрофановны, очень не любил говорить, потому что переживал. К слову, отца так и не реабилитировали — на это требовалась уйма сил и времени.

Рассказ «Глаукома» остался незаконченным. И в этой незаконченности видно пришедшее к автору решение. Возвращаясь из тяжелой поездки по поводу собственного расследования, Другаль ощутил, по словам Екатерины Митрофановны, совершенно новое свое отношение к фактам случившегося — не с кого спрашивать, время то давно ушло, надо отпустить сердце.

Мы сохранили оригинал черновика рукописи, хотя не все удалось расшифровать. Но и то, что есть, дает полное представление и о замысле, и о позиции автора.

Редакция журнала «Проталина»

Поезд прибыл рано, и почти пустые переходы вокзала вывели Климова на широкую площадь. Он не был здесь двадцать четыре года, нет, двадцать пять лет.

Удивительная штука память. В закоулках ее хранятся странные, неожиданные впечатления, обрывки давно забытого. А иногда, у Климова* это бывало, — навязчивое ощущение повторения событий. И тогда — словно видишь себя со стороны, и память назойливо подсказывает — это было, это уже было. И площадь, и мокрый после недавнего полива асфальт, и гулкая предутренняя тишина.

Климов с любопытством осматривался, немного взволнованный. Сейчас это чувство было чем-то неприятно ему, мешало сосредоточиться, а ему сегодня, именно сегодня, нужно было собраться. Климов знал за собой эту способность — сжать что-то внутри, отключить ненужное. Но сейчас это не удавалось. В поезде он почти не спал, всю ночь курил, пользуясь отсутствием попутчиков в купе. Уснуть мешала потревоженная память и неожиданное сомнение — нужна ли ему самому эта поездка?..

Ложные ассоциации привокзальной площади с площадями десятков знакомых ему городов... Кстати, здесь все изменилось. Новое здание вокзала: бетон и стекло. Современно, сдержанно и с чувством меры. Правда, с вокзалом слегка диссонируют два громадных дома напротив, распрямляющие улицу к центру. Судя по башенкам дома, построили сразу после войны. Впрочем, построены — это не точно. Климов привычно подыскивал синоним: выдвинуты — более правильно. В ту пору дома выдвигались...

Ему повезло.

— Ну что, ехать будем или ждать? — Прервал его размышления таксист.

Климов покачал головой:

— Нет, спасибо, я пешком.

Он сдал чемодан и не спеша двинулся к центру, внимательно осматривая новые, добротной постройки дома.

Черт возьми, центральная площадь просто великолепна: светлая, пастельных тонов расцветка многоэтажных зданий, синеватая гладь асфальта и резкий, темно-красный мазок старого костела в густой зелени лип.

Климов узнал бетонные кубы дома правительства и памятник Ленину на пьедестале из черного камня с фиолетовыми звездами. Память подсказала давно забытое: когда-то здесь в колонне демонстрантов отец нес его на плече мимо обтянутых кумачом трибун.

Климов постоял на знакомом мосту, усмехнулся — мост на дороге в прошлое. Проехал первый трол-

** Далее фамилия героя Алабугин и затем Астахов — прим. ред.*

лейбус — раньше их не было: «Вокзал—Аэропорт». Неужели тот самый маленький аэродром, куда они, пацаны, бегали смотреть тренировки парашютистов?..

Между новыми высокими домами островком прошлого разместились несколько избушек. Да, вот этот самый домик. Палисадник перед окнами, кусты крыжовника, темно-красные пионы. И серый забор. Ну, забор-то, наверное, другой. И сад, что за домом, пожалуй, подновлен.

Сколько сейчас? Скоро семь. Но ставни закрыты. И пусто на чисто вымытом крыльце.

Алабугин закурил, походил вдоль забора, присел на скамейку у калитки.

Интересно, здесь ли еще Нелидовичи? Все-таки двадцать пять лет — не два года. Вон там, где выкладывают фундамент, сгорел домишко Кирко, а на пустыре они с Сашкой гоняли футбол и стреляли из рогаток в яблоки. Кажется, их называли апорт. Крупные, с красным румянцем...

В домике задвигались. На крыльцо вышла полная женщина в пестром переднике. Алабугин поднялся.

— Извините, здесь живут Нелидовичи?

Женщина немного растерянно отступила назад. Он давно не помнил лиц, но что-то тронуло память — он еще не опоздал.

— Здесь, а вам кого из них?

— Видите ли, когда-то мы жили у вас за стенкой, вон в той половине.

Она пристально смотрела ему в лицо. Потом чуть слышно, скорее для себя самой, спросила:

— Володя? — Прикоснулась к руке. — Ну да, Володя Алабугин. Вы сын Наташи, Натальи Ивановны. Боже, какой вы стали. Но проходите, что ж мы стоим. Идемте.

Они миновали дощатые сени, кухоньку, прошли в горницу — маленькую, сильно заставленную, нежилую.

Черт возьми, здесь все по-прежнему. Даже диван тот самый, с высокой прямой спинкой. Алабугин потрогал потрескавшийся дерматин, усмехнулся...

— Садитесь, Володя, рассказывайте. Откуда вы, как, надолго к нам?

Она вышла на кухню, оставив дверь открытой, суетилась там, гремела посудой.

— Вы, Володя, наверно, забыли, как меня зовут? Лидия Анатольевна.

Алабугин действительно забыл и смущенно пробормотал:

— Что вы, тетя Лида, помню.

И пока хозяйка накрывала на стол в горнице, он рассказывал, что в городе продрог и вечером уедет, что шел от вокзала пешком и сам без расспросов нашел дорогу. В соседней комнате кто-то закашлял, зашевелился и в дверях, придерживаясь за притолоку, образовался невысокий худощавый старик. Алабугин привстал, в упор глядя на него. Старик, не отводя светлых глаз, шевельнул седыми бровями. Старик смотрел прямо перед собой.

— Вот видишь, Володя, ослеп я. Еще в сорок седьмом. Глаукома.

— Дядя Коля, то есть Николай Кузьмич? Здравствуйте.

Алабугин пожал шершавую руку, потоптался, не зная, что сказать.

Старик нащупал на полке спички, закурил. Разговор не вязался...

— Ну, садись, Володя, позавтракаем, поговорим...

Хозяйка поставила на стол графинчик, разлила в рюмки какую-то желтую настойку. Николай Кузьмич нащупал рюмку:

— Что ж, Володя выпьем за твой приезд. Раньше я ждал тебя, думал — жив, все равно приедет. Не может не приехать. — Он ловко опрокинул рюмку, пожевал грибок. — Ты кушай, Володя. Кушай и пей. Я сам говорить буду.

Хозяйка молча выпила и тревожно с улыбкой повернулась к старику. Алабугин пригубил, поставил рюмку, тоже в упор разглядывая старика. Он помнил его молодым, черноволосым, слегка флегматичным и очень спокойным. Сейчас Николай Кузьмич весь побелел, исхудал, и раньше некрупная фигура его сгорбилась.

— Жив отец твой?

— Жив, Дядя Коля.

— Дружили мы с ним.

— Знаю.

— Знаешь? Хорошо, что знаешь. Так где он сейчас?

— Дома... Как демобилизовался в сорок шестом, так дома и живет.

— Демобилизовался? Это в каком смысле?

— В прямом, дядя Коля, в прямом. В сорок шестом году в чине старшины демобилизован. В Венгрии последнее время служил.

Николай Кузьмич повернулся к Астахову:

— Подожди, дай закурить, Володя.

Астахов поднес спичку, старик глубоко затянулся.

— Значит, отец говорил тебе.

— О чем вы?

— А что я был понятым в ту ночь, он говорил?

— Нет, он этого не сказал.

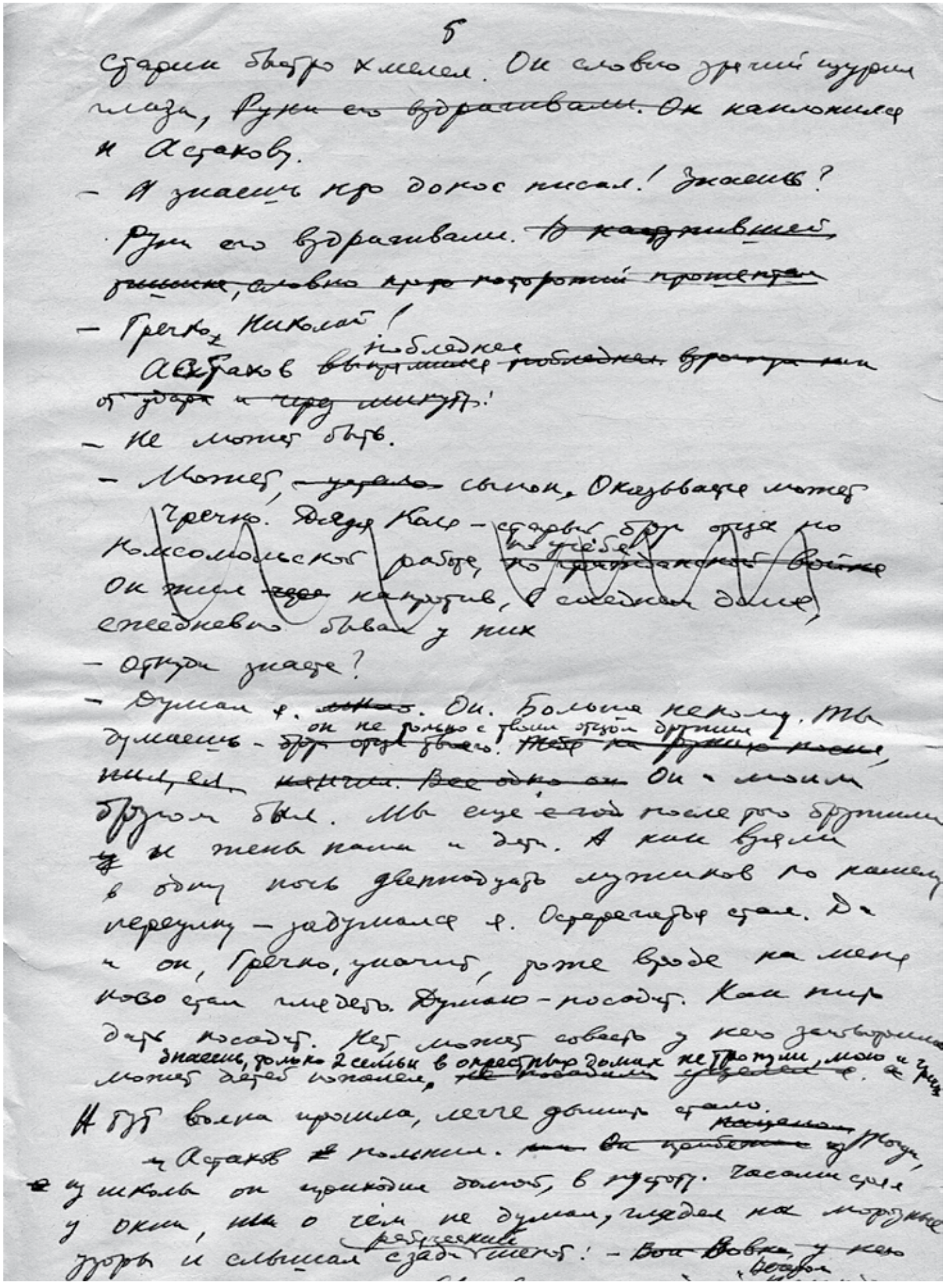
— Так вот, я, я был понятым. Понимаешь, я! А доносчиков в понятые не берут. Тебе это понятно?

— Я ведь об этом не спрашиваю, дядя Коля.

— Нет, спрашиваешь. Я чую, за тем ты и приехал. Узнать приехал. Так?

Астахов глядел на хозяйку, на ее руки, нервно мявшие скатерть. Она медленно подняла на него выцветшие светлые глаза.

— Это не мы, Володя. Ты ведь помнишь, когда твоего отца взяли, а мать увезли в больницу — ты



6

Старик быстро хмелел. Он словно другим щурил глаза, ~~Руки его вздрагивали.~~ Он наклонился к Асракову.

— А знаешь кто донос писал! Знаешь?

Руки его вздрагивали. ~~В задрожавшей рыжине, словно про которого прочитал~~

— Гречко, Николай!

Асраков в ~~выпрямился побледнел. Вторая мысль от удара и через минуту.~~ побледнел!

— Не может быть.

— Может, ~~— сказал~~ сынок, Окуньваче может Гречко. Дядя Коля — старый друг отца по Комсомольской работе, ~~по гражданской войне~~ в учебе. Он жил ~~где~~ напротив, в соседнем доме, ежедневно бывал у них

— Откуда знаете?

— Думал я. ~~Знаю~~. Он. Больше некому. Ты думаешь — ~~друг отца давно!~~ он не только с твоим отцом дружил, ~~Тебя на фронте после ранения, ничего. Все одно он~~ Он — моим другом был. Мы еще ~~с ним~~ после того дружили и жены наши и дед. А как вдвоем в одну ночь двенадцать мужиков по нашему переулку — задумался я. Определенно стал. Да и он, Гречко, уначит, даже вроде на меня косо стал глядеть. Думаю — посадит. Как пир дед посадит. Нет, может совесть у него заговорила знаешь, только 2 семьи в оккупированном доме не тронули, мою и его. Может дедов пожалел, ~~не посадили~~ ~~уцелел~~ я. А ~~при~~

И тут волна прошла, мечта двинул я стало. ~~пощелкал~~ Асраков ~~и~~ помолчал. ~~Он пробежал~~ Тоже, из школы он приходил домой, в пустой. Часами сидел у окна, ~~ни~~ о чем не думал, глядел на мерзлые дворы и слушал сзади ~~шаги~~ разговоры! — ~~Вот Вовка у него~~ Вовка

ведь жил у нас целый месяц, пока за тобой не приехала бабушка.

— Я помню, спасибо.

— Не о том я, Володя.

Старик нащупал графин, налил себе и сразу выпил. Заговорил.

— Я скажу, Володя. Помню, как ночью подъехали две эмки, вызвали меня. Сказали, что буду понятым у вас. Повели, и я пошел. Отец твой сидел на табурете, мать, одетая, лежала на диване, лицом в подушку. Плакала. В комнате хаос, книги разбросаны, чемоданы раскрыты. Трое военных. Один за столом пишет, двое ищут. Отец все говорит: — Товарищи, это недоразумение. Товарищи, что вы ищете? Валя, перестань плакать, это недоразумение.

— Я скажу тебе, Володя, отца твоего в самом начале брали. Одним из первых. А ты возле матери сидел, словно бы тебя и не было.

— Словно меня и не было, — прошептал Астахов.

— Словно не было.

Старик быстро хмелел. Он, словно зрячий, щурил глаза.

— А знаешь, кто донос писал? Знаешь?

Руки его вздрагивали.

— Гречко Николай!

Астахов побледнел.

— Не может быть.

— Может, сынок. Оказывается, может.

— Откуда знаете?

— Думал я. Он. Больше некому. Ты думаешь, он только с твоим отцом дружил? Он и моим другом был. Мы еще после того дружили. И жены наши, и дети. А как взяли в одну ночь двенадцать мужиков по нашему переулку — задумался я. Остерегаться стал. Да и он, Гречко, значит, тоже вроде на меня косо стал глядеть. Думаю — посадит. Как пить дать — посадит. Нет, может, совесть у него заговорила, может, детей пожалел. Знаешь, только две семьи в окрестных домах не тронули — мою и Гречко. А тут волна прошла — легче дышать стало.

Астахов помнил. Тогда из школы он приходил домой, в пустоту. Часами стоял у окна, ни о чем не думал, глядел на морозные узоры и слышал ребяческий шепот: «Сын врага народа». Вечером приходил дядя Коля. Уводил его к себе. Молча смотрел, как он ест. Вздыхал. Ничего, Володька, ничего. Как-нибудь!

<Астахов помнил>, как однажды вернулся домой из больницы — ходил навещать мать после школы. Он положил портфель на стол, достал из него селедку. Подышал на замерзшие пальцы клубочками пара. Топить печку не хотелось. Не снимая пальто, очистил селедку, нарезал хлеб. Астахов словно видел себя со стороны: мальчишка один в холодной комнате. Он ел селедку и плакал. Когда в комнату без стука вошел Гречко, Володька прерывисто вздохнул.

— В чем дело, Володя? Раньше ты никогда не плакал.

— Не могу я больше... Со мной даже сидеть никто не хочет. Сын врага народа — вот кто я.

Гречко внимательно взглянул в измученные мальчишеские глаза и отвернулся. На другой день он сам отвел мальчика в школу, о чем-то говорил с директором. Через неделю <мальчика> увезла бабушка.

— Выпейте, Володя. — Хозяйка подвинула рюмку.

Астахов встал:

— Николай Кузьмич, дайте мне адрес Гречко.

Старик усмехнулся:

— Пойдешь, значит.

— Пусть сходит, Коля. Адрес я дам.

Она поднялась, ссутулившись, вышла на кухню.

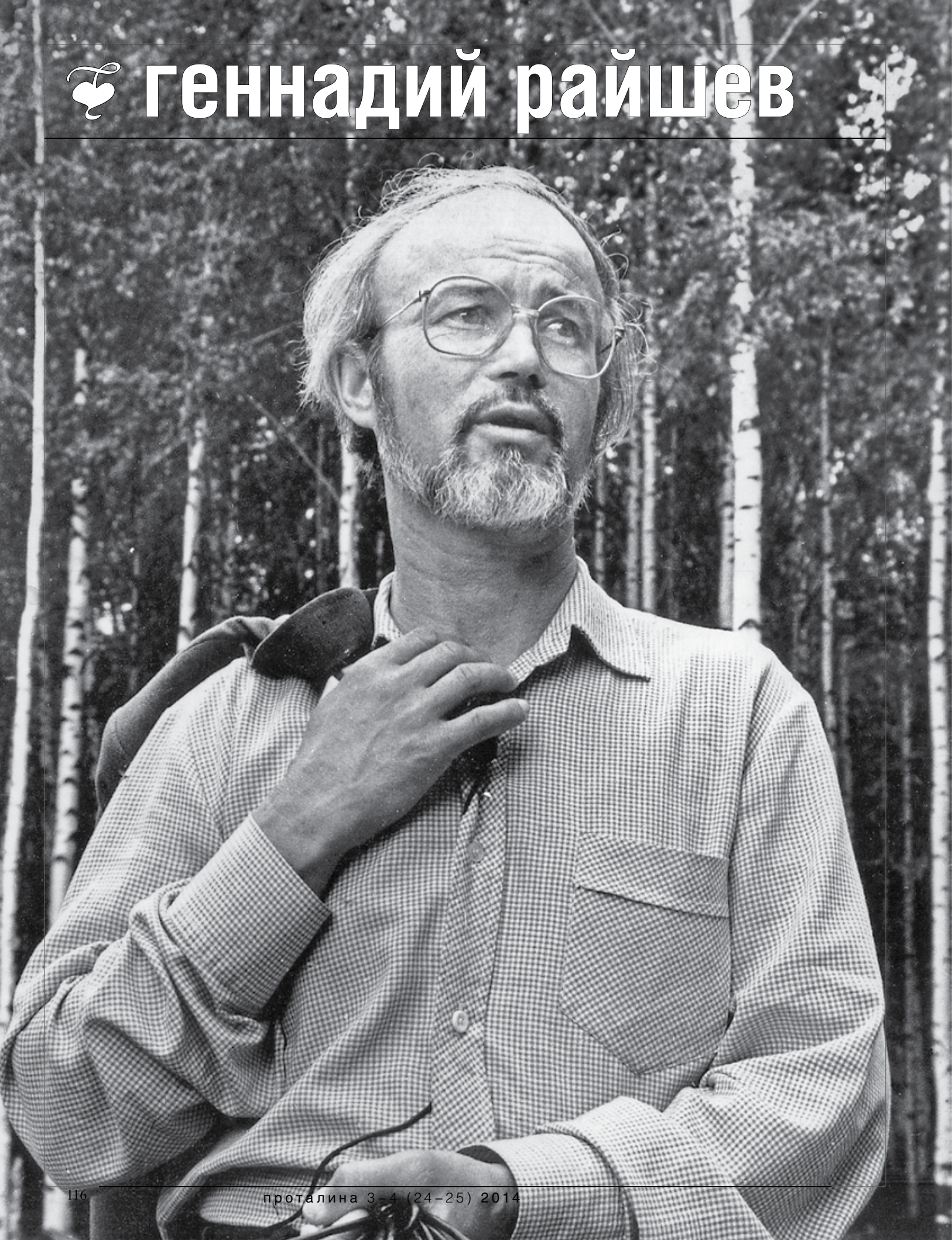
Астахов, злой и чем-то раздраженный, быстро дошел до аэропорта. Он сел в такси и, назвав адрес, откинулся на спинку сиденья. Покалывало в висках, словно не хватало воздуха.

Эта встреча и вся поездка казалась ненужной, надуманной и глупой.

Дмитрий Шульгин (фото) ▸

Одна из комнат общежития ГУЛАГа. Знаменитая стройка № 501 (Мертвая дорога).

геннадий райшев



чудеса кукуя сибирские бывальщины

Иллюстрации автора
Фото Анатолия Пашука

Художник Геннадий Райшев с детских лет впитывал самобытный фольклор родного сибирского края. Навсегда запали в душу рассказы его бабушки Афанасеи Михайловны Коневой и односельчан, которые нередко собирались и вспоминали разные события и истории. Было это в предвоенную пору в деревне Сивохребт Остяко-Вогульского округа. Детские впечатления со временем отразились в работах мастера. Основой для его творческого поиска стали природа и судьба родной земли.

Геннадия Райшева давно знают как большого художника. Но также копились в его душе и воспоминания о своеобразном языке тех давно услышанных рассказов. Хотелось мастеру как-то сохранить и даже оживить память. Так появились его «Сибирские бывальщины». Геннадий Степанович писал их нескольких лет — в 1990-е и в начале 2000-х. Первая публикация с иллюстрациями автора в графике состоялась в 2003 году в краеведческом сборнике «Подорожник» (редактор-составитель В.К. Белобородов). А недавно в Ханты-Мансийске, в издательстве «Печатный мир» вышла отдельная книга рассказов Геннадия Райшева «Сибирские бывальщины» (редактор-составитель Н.Н. Фёдорова, дизайнер Н.П. Пискулин). Это более полное собрание литературного материала с новыми иллюстрациями автора в технике акварели.

Геннадий Райшев живет и работает в Ханты-Мансийске. В этом городе есть Галерея-мастерская этого художника. Там хранится и коллекция его художественных работ, созданных по мотивам сибирского фольклора.

Некоторые свои «бывальщины» со свежими акварелями художник передал «Проталине». В них переплетены какие-то реальные моменты и фантазия рассказчиков, которые непременно утверждали, что все рассказанное — это чистая правда.

— А знаете, Никише в прошлом лете на этом сору пучина привиделась. Значит, собрался он ехать на сор режевку[1] поставить, может, карась, язишка запутается. Хвать — весла нет. Петьке Боталову весло отдали. Он, значит, мать-перемать да в богородицу. За веслом сбегали — поехал. Приехал на место, все ладно, место облюбовал. Заливчик перегородил от осинового пайка[2] прямо к ракитнику — тут рыбешка пристаивается, да и озерцо протоплее, но, думает, карасишка выходит. Ну, значит, взял тычку, хотел воткнуть, как оттуда эдака пучина вывернула, съуркала[3] — да и под лодку. Он

с другой стороны, пропастина уж на той стороне опять вывернула — урк, желтая да большая, чуть лодку не перевернула. Тут он и вспомнил, как матькался[4]. Давай креститься.

— Ну дак че, поставил режевку-то?

— Да какой поставил, домой скоря без оглядки.

о черте

— Вот душу дьяволу продал, — замечает дедко Матвей, — он ведь, дьявол-то, везде, дьявол-то ведь родной брат Богу. Они с ним на одном облаке спали. Только один раз дьявол чуть Бога с облака-то не столкнул. Но Бог думает так во сне: брат-де ведь неспокойный, все крутится... А тот его и во второй раз, и в третий. Захотелось, значит, ему одному царствовать на свете. Тогда Бог рассердился да и сбросил его оттуда на землю. Да сбросал всех его помощников. Три года, три месяца и три дня сбрасывал, пока всех не сбросил.

Попадал кто куда: в лес упадет — лешим станет, в воду — водяным, на дом — суседко, на баню — банник.

— Я тебя, — говорит, — брат, громом и молнией бить буду.

А дьявол говорит: — А я за дерево спрячусь.

— А я дерево разнесу.

— А я за раба твоего спрячусь.

— А я и раба своего не пожалею.

— А я за лик твой спрячусь.

— Я и лик свой не пощажу.

К чему я это рассказал? Со мной случай такой вышел. Еду это я в Ильин день. Работать нельзя, грех. Вот я и думаю: поеду посмотрю, как стожки стоят. Не завалились ли? Еду, смотрю: большая туча с громом накатыватся. Давай я торопиться. Слышу: кто-то кричит. Оглянулся, вижу: парнишка бежит, руками машет. Подбегает. На тебе! Ефрема парень. Посади, говорит, дядя Матвей. Подивился я, да спрашивать некогда, посадил, еду. Как гром вдарил, парень съежился да давай под мышку лезть. Посади, говорит, под мышку. Ну, тут я и уразумел. Перекрестился, а парень соскочил с лошади, глядь, парня нет, заместо его мышь прыгает. В это время гром как грянет, молния сверкнет, стог-то и загорелся. Так на глазах и сгорел, — заканчивает дедко Матвей.

о лешаке

— А вот Афоню прошлым летом с бабами таки попутал. — Афанасея Михайловна прикуривает козью ножку, глаза маслено чернеют, платок накинет на плечи, улыбнется, недолго покажет темные провалы вместо зубов и начнет: — Собрались мы с бабами за черницей[5]. Мне-то некогда было, да уговорили. Пошли, идем, ведрами бренчим: на медведя не набрести бы, он тоже на тех полянах промышляет. Обошли все поляны, нет черницы. В другое место идти далеко. Оста-

новились на дороге. Что делать? Смотрим: идет по дороге Евлампий с уздечкой.

— Здорово, — говорит, — бабы. Че, на черницу пошли?

— Пошли-то пошли, да нет нонче ее. Все поляны обегали.

— Да я вот тут недалеко встретил. Черницы черным-черно, как плат накинут.

— Дак сводил бы нас, Евлампий Федорович.

— Да некогда мне. Вот пошел коня поймать, да не нашел. Ребятишки сказывали, за бором, а нет. Пойду за согру[6], может, где на лайде.

Стали мы его уговаривать.

— Ладно, — говорит, — айда!

Пошли мы, он — впереди, мы — позади. Идем, глядим: места каки-то незнакомы стали попадаться. Да и лес-то темнеет. Я и говорю Евлампию Федоровичу:

— Что-то уж больно далековато ведешь, а говорил, рядом.

А он и не оглянулся даже. Говорит:

— Да вот тут, за этой гривой[7].

Ну, мы опять идем.

— Вот-вот появится поляна.

Шли так, шли, а поляны все нет. А лес еще темнее. Мы остановились да давай совещаться.

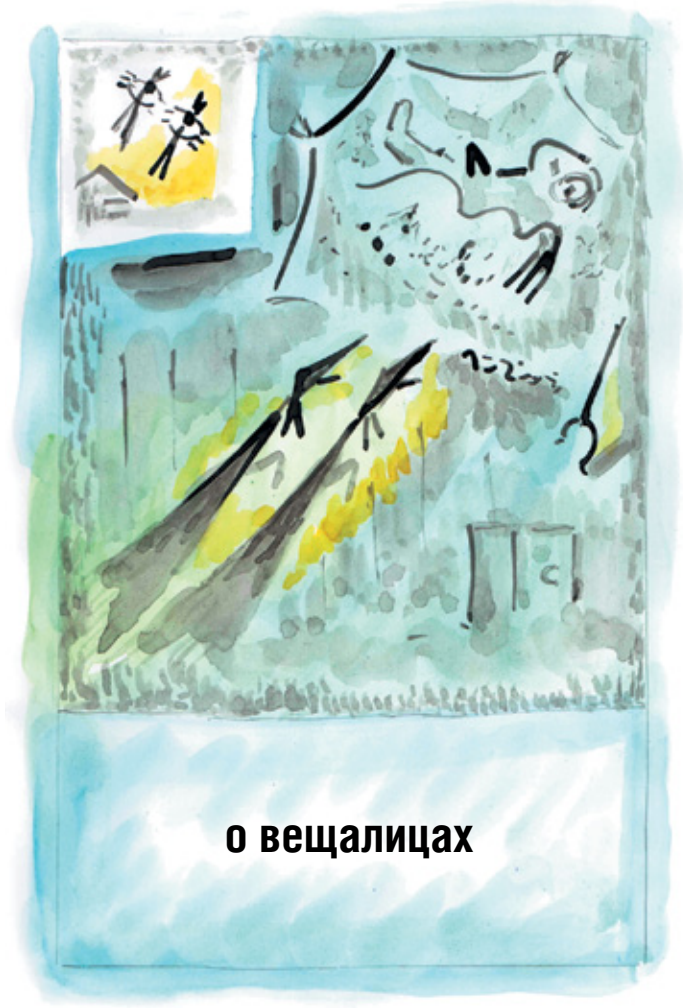
— Не пойдем, — говорим. — Так и к вечеру не поспеем.

А у меня дума запала. Дай, думаю, посмотрю, есть ли у него брови. Матушка еще мне говаривала, что у леших бровей нет. Он как обернулся, я и взглянула. Батюшки, и вправду нет. Я давай креститься. Перекрестилась, а он захохотал таку беду, вырос выше неба, захлопал в ладоши да побежал. Бежит, все хлопат в ладоши да хохочет. А мы остались. Кругом лес темный. Еловник да шигора[8] с буреломником. Чаща!

Идти надо. Так не знам, куда идти. Стали по солнцу смотреть. Оно на западе садится. Стало быть, деревня против будет, а влево гарь[9], ну, думаю, выйдем на гарь, а там-то уж не заблудимся: дорога торна по ней. Пошли. Шли, шли, вроде и просвет показался. Мы скорей пошли. Опять на старо место пришли. Опять взяли направление прямо. По деревьям примечаем, прямо ли идем. Шли, шли — просвет, вышли. Опять на то же место попали, откуда вышли! Ну, думаю, в третий раз ты нас не проведешь! Еще круче влево взяли. Шли, шли и в третий раз обратно вернулись. Но, говорю, бабы, никак нас лешак водит. Молитву прочитали, теперь идем да крестимся. Шли, шли — вышли прямо к конскому кладбищу.

Солнце закатилось, темнеть стало. Быстрей-быстрей, бегом к деревне. Пришли, дай, думаю, загляну к Евлампию. Дома нет сам-то? Она на дворе управлялась. Рассказала ей, а она говорит:

— Да ты че, он уже третий день никуда не выходит. Лежит на печке, чомор[10] его мучит.



о вещалицах

— Ко мне и вещалицы[11] приходили. Была я тогда в тягостях Шуркой, месяца два уже было. Спали в пологу. Мужик-то с вечера давай приставать, я — ругаться. Да что мужик захочет, все равно свое возьмет. Сделал свое дело да и к стенке отвернулся, захрапел. Слышу: кто-то заходит. И не один. Двое. Шепчутся. По разговору — бабы. Думаю, неужели дверь не закрыла? Дак помню, что закрывала. Они идут из прихожей в горницу и к пологу. Постояли немного, открывают полог. Вещалицы-то, они по брюхатым бабам ходят. Котора не взлюбится, ребенка вытащат и голик[12] сунут. А котора понравится, то хлеба положат. Которой голик сунут, та станет сохнуть и сама, как голик, станет. А которой хлеб, та добреть станет. В ту пору нас в деревне двое в тягостях ходило. Я да Афросинья-Мокроусиха.

Полог закрыли. Как вышли — не слыхала. Только слышу: две сороки застрекотали таку беду на амбаре. Я встала, выглянула в окно, а они полетели на Кукуй[13] и прямо к Мокроусихиной избе. Вот Мокроусиха-то с тех пор давай добреть да толстеть. Теперь поди две Мокроусихи старых-то будет уж. Кукуй от деревни далеко, почти что в лесу, так там всегда больше чудилось.

о змее

— Говорят, что к бабе Дарье змей летал. И говорят, что он и теперь летает, только к Аксинье, ей ведь уже двадцать три года. Девка справна. И на лицо красива. К ней Гришка-Богоручка сватался, с заимки, глаз у него немного попорчен, а так парень деловой, хозяйство хорошее. Не пошла за него, живет теперь одна.

— Да како одна, змей теперь к ней летат. Дунька Иванова подсмотрела. Она Дарью-то обмывала. Как похоронили старуху-то, Аксинья ее упросила две ночи ночевать. В перву-то ночь все тихо было. А во втору ночь, в полночь, такой шум в трубе сделался, и на шесток что-то упало, зола по всей избе разлетелась. А потом сфуркал и снова в трубу, видно, почуял чужого. На другу ночь Дунька-то не ночевала, но сбегала посмотреть, что там делается. В окно заглянула, а он как раз в трубу влетел опять, золу рассыпал; как зола улеглась, он и закорячился на шестке. Большой, весь в чешуе. С шестка соскочил и сразу на Аксинью-то набросился. Всю одежду как есть испластал, она гола осталась. А потом давай изгаляться над ей, да все попесьи да по-конски. Этак, говорили, он три ночи изгалялся, а на четверту ночь прилетел, только о шесток ударился, на пол-то соскочил, шкура с него спала, и сделался он красивым парнем. Только без одежи. А шкура-то на кухне лежит, вся шевелится. Он в горницу и говорит, что он-де человек, только околдован. Если бы она те три ночи не выдержала, то он бы к ней больше не прилетел. Наверно, Дарья-то перед смертью ей наказала, как себя вести. В эту ночь все было по-человечьи. Аксинья-то его миловала, а как петуху пропеть, он снова в шкуру обрядился и в трубу улетел. Дунька сама видела, как головешка[14] за бор улетела. А у Аксиньи на лавке горшок очутился. Полный денег.

— Когда белить помогала ей, полезла за белой глиной в подпол, так сама эти горшки видела, все так кряду, крышкой закрыты и завязаны.

— Пантюха, ты сходил бы к Аксинье, почистил трубу. Сажа горит, так недолго и до пожару, — заметил Софроныч.

Каждый понял по-своему. Захохотали.

о суседке

— Не знаю про змея, а вот суседко[15] ко мне приходил. Было это, когда Федора на ерманскую взяли. От баб-то слышала, что когда суседко давит, надо спрашивать, к худу или к добру. Если к худу, он так и скажет:

— К ху-у-у-у-ду-у-у! — как будто выдохнет.

— А меня никогда не давливал.

— Летом это было. Ребятишки за ягодами ушли, а меня Орина Митревна позвала в баню, ее-то тоже на войне был. Вот мы и помылись, чаю попили, посудачили; я домой пошла, что-то меня ко сну потянуло. Она говорит: «Ложись у меня», а я в чужом месте как-то уснуть не могу, пошла домой. Дверь-то лопатой была прикрыта; смотрю — отставлена, зашла, никого нет, и что-то так кажется, что кто-то спрятался. Дай, думаю, осмотрю. Заглянула под кровати, за печку, в подполье слазила — никого нет.

Боялась-то я беженцев, варнаков[16] тогда много бежало, еду воровали да лопотину[17]. У Мокроусихи Иванов костюм сукманный, еще новенький, унесли да хлеба целую выпечку. Проверила все, успокоилась, дверь на крючок — да к печке: на полу-то попрохладнее, постелила перину да легла. Ишо и не заснула, а из-за печки выходит такой молодой да кудрявый, а на лицо не помню. И не испугалась я, только слова сказать не могу — одеревенела.

Он подходит и говорит:

— Я к тебе с крайчику лягу.

Лег, такой мягкий да пушистый. Меня обнял, тут я вроде и заснула, больше ничего не помню.

— Да уж не Андрюха ли приходил куделями меняться, тоже ведь кудрявый да мягкий.

— Фу ты, срамник бесстыжий. Было дело, приходил, торкался, так я его из фузеи[18] так пугнула, поди и сейчас вспоминат.

о дедушке

— Про дедушку, про Михайла-то, хотела рассказать. Дедушка-то, говорят, бесшабашный[19] был, крутой. Он ведь ни в черта, ни в бога не верил. А руки у него золоты были, не делал только то, чего не видел, а что увидал — сделат. Купец-то его свозил в Тобольско посмотреть пароход да машину. Он посмотрел, приехал оттуда и корпус сделал, и машину поставил, хорошо он ходил, в восстанье сожгли, а то бы и сейчас ходил. А ведь дедушка неграмотный был.

А все оттого, что горячий был. Его отец хотел грамоте обучить. Приходская школа — она была от нас за тридцать верст, дак он убежал оттуда. Один в обласке приехал. Не буду, говорит, учиться, че, говорит, каждый урок «аз-буки, аз-буки». Свою грамоту завел. Крестики, палочки. А больше рисовал, так интересно, быстро. Даже живо получалось, все смеялись. Давыд длинными палками изрисован, прямо иставной (похожий, значит). Все у него болтатся, голова маленькая. Ниче нет, а сразу узнашь. Илюшку, малосалымского остяка, — кругляшами. Гришку-Ворону — две палки сверху, как коромысло — руки; Егора большого — одну голову в круглеш длинный и трубку вставит; а пасынка Якова Софроновича — тютелем-ползнем, он и был похож на тютеля: маленький, кепка больша, кондырем вверх

и носишко кверху. Палка с круглешом — и купец Киселев готов. Марину с ребятами — прямо, черточками, а видно — идет Марина, и за подол ребятишки держатся. Микрюкова Сеню вятского все рисовал дятлом, и еще деревянну ногу приставит. У него, пожалуй, без малого вся наша деревня и Алекино была изрисована. Он еще и ружья сам делал, стволины из маховой пилы гнул и сваривал. И все части сам вытачивал. Потом ружье проверял: стрельнет в табун уток и, ежели дюжины не вышибет, в сердцах ружье в няшу[20] затопчет.

И его отец Кирилл был тоже крутой. Расскажу, что с ним приключилось. Чурочку для киселевского парохода заготовляли на берегу. Тогда пароходы на дровах ходили. Ее складывали ближе к воде, чтоб удобней подходить и брать. Он взял Мотьку да поехал смотреть весной. Не затопило ли место. Ехал-то через сор[21]. Мотька в гребях, он на корме. Уж к Лаутанскому озеру подъезжать стали, тут падера[22] поднялась, непогода, стало быть, такой морок по воде пошел, валы заходили. А как к самой речке Лаутанской-то стали подходить, тут на сбое шлепунцы давай в лодку да в лодку, захлестывают. Видит дедушко-то — дело неладно, давай он повертывать к роще поближе. Тут лодку-то совсем заливать стало. Видит — дело худо. Сейчас лодка-то осядет. Он Мотьке-то кричит: «Держись за лодку». Она ухватилась, а он к роще поплыл. Доплыл, ухватился за талину да кричит Мотьке:

— Я-то держусь крепко. Держись, Мотька!

— Ты, тятя, держись!

— Меня разве черт удернет, — сказал и... бульк. Больше и не вышел. Мотьку с лодкой прибило к гриве. К самой избушке. Она в избушку-то зашла да боится, кругом кто-то бегат да воет. Она выскочила да бежать. В прошлогоднем стоге укрылась. Дак ведь наутро люди пришли, стали звать, а она боится людей. Не идет. С одного стога на другой прыгает. Так ведь.

— Так до другого стога-то сажен пятьдесят будет!

— А ты думашь, Мотька-то сама прыгала? Это дьявол в ней поселился. В этой Лаутанской их много.

Так и утонул дед Кирилл, черт его удернул.

о подмененке

Влас Евграфыч — за глаза его Чапаевым звали: за усы, звонкий голос и портупею любил носить — вытянул шею, поднял высоко-высоко брови, губу вытянул и скороговоркой:

— Да смею ли, — так он ругался. — Я вот в Тобольско ходил, ямщичал. Холостой ишо был. Вот попал в переплет. На одном постоялом дворе чаю попили, да и давай мужики байки рассказывать. Дескать, в бане хозяина чудится. Банница живет. Я не верить: «Врете, мол». А они: в том месяцу старика одного, говорят, оставили. Звали, звали, а тот говорит: посижу еще, кости погрею. Потом нет и нет старика. Пошли, а он мертвый. И у глотки сини пятна. Я им говорю: «Ставьте четвертину! Я схожу в двенадцать часов». А они говорят: «Принеси двенадцать камней».

В двенадцать так в двенадцать. Я мешок — и в баню. Побаиваться стал. Думаю: зря об заклад бился. Нельзя об заклад биться. Нечистой-то силе на руку. Но делать нече. Пошел. Захожу, в бане-то днем мылись, тепло еще. Скользко с морозу-то. Чуть в пимах-то не упал. Изругнулся со страху, все страху-то меньше. Мешок бросил да и стал считать камни-то. Десять положил, за одиннадцатым потянулся с опаской. Ну, уж за двенадцатым-то вовсе взглядываю на полок, черно там, вонючей водой прет... Ну ладно, беру двенадцатый — и в мешок. Руку-то не донес до мешка, меня кто-то за руку. И говорит:

— А ведь камни-то мои.

Я и сказать ниче не могу. Оторопь взяла меня.

— Твое, так бери.

— Нет, — говорит. Голос бабий.— Возьмешь меня замуж, тогда отпущу, а то задавлю.

— Возьму, — говорю.

Сам дай только убраться. Мешок за плечо и чуть ноги не притворил. Пришел к приятелям, те: ну как,

паря[23]? Виду не показываю. Храбрюсь. Надо, мол, — все камни перетаскаю. Ставят четвертину. Выпили да и спать. А мне не спится. Встал, коней запряг. Да в другу деревню верст за пятнадцать махнул. Там остановился. Коням дать роздыху да и самому передохнуть. А хозяина попросил, чтоб меня в отдельну комнату положил да окна покрепче ставнями закрыл. Все, как уговорились.

Лег спать. А самому не спится. Но, думаю, в двенадцать не придет, стало быть, уехал. Двенадцать прокуковало — нет. Уж и время давно прошло, засыпать начал.

— Чего, голубчик, сбежать вздумал? — и рука волосата за горло.

Я обмер. Давай божиться, а она:

— Не божись, — говорит, — я ведь сатана. Не верю.

Тогда я говорю:

— Завтра приду.

— Ладно, — говорит, — еще раз поверю.

Чую, не отвертеться мне. Утром лошадей поворачиваю — и обратно. Снова на постоялый. Женюсь, говорю. Прямо с порога так и говорю. Никто не верит. Упросил одного дружкой быть. Запряг тройку.

— Да где, — говорят, — невеста? Кто?

— Узнаете, — говорю. Ну и велю прямо к бане подворачивать.

Только остановились, а из бани выходит она, нага и вся волосата-мохната, волосья до полу. Кони храпят, дружка чуть не помер со страху, народ в сторону шарахнулся. Я ее в тулуп — и в церковь. Батюшка крестится.

— Нет, — говорит, — с сатаной венчать не буду.

Мы в другу деревню. И там поп опять ни в какую:

— Не буду, не могу.

А мы к нему в дом. Поп чуть в обморок не пал. Попадья вся трясется. А за заборкой слышим — дитя плачет. Матушка туда. Ребенка-то качат, а он лихоматом ревет, никак не униматся.

— Давно ревет? — невеста-то спрашиват.

— Восемнадцать лет, — говорит, — качаю. Беда только: не растет, ест да кричит. Руки тонки, ноги тонки, живот большой. Прямо измучилась. Ходить не ходит, но только, — говорит, — из дому, он из зыбки выскакиват и по полкам шарит. Все сладкое — сахар али конфеты — найдет, все съест. Только дверь открой — опять в зыбке.

— Дай-ка, — говорит, — его мне.

Попадья дрожит — хоть плохой, да свой. Но подала.

А та взяла да как об пол бросит! А из ребенка-то осиново полено сделалось. А невеста-банница сильно красивой сделалась. Куда и волосья делись! И попадье она и говорит:

— Дочь я твоя. Это ты вместо меня осиново полено качала. — А на меня показыват: — Если бы не он, осталась бы я навечно банницей.

Тут матушка руками всплеснула и стала припоминать, что они и в самом деле жили в той деревне, и ходили в ту баню — вспомнила. И что впопыхах она ее подавала, не перекрестивши, через порог, а банник-то тут изловчился, ребенка-то взял, а осиново полено сунул.

Все тут заохали, заахали, давай тут невесту снаряжать, матушка свое подвенечное платье достала из сундука. Разодели таку красавицу — и под венец. Сам батюшка венчал.

Вот и прожили мы с Варюшей сорок лет.

— Неужели это тетка Варюша и была банницей, царство ей небесное?

— Да смею ли, теперь время-то прошло, можно и сказать. А раньше болтать не для чего было: задразнили бы.

Словарь редко употребляемых и диалектных слов

1. Режёвка — сеть с крупной ячеёй
2. Паёк — часть леса
3. Съуркать — от слова урчать
*4. М**á**тькаться — материться*
5. Черница — черника
*6. С**ó**гра — берёзовый лес (подтопляемый, часть)*
7. Грива — трава, высокое место на лугу
8. Шигора — непроходимое место
9. Гарь — горелый лес
*10. Ч**ó**мор — радикулит*
*11. В**é**щалица — вещает недоброе*
12. Голик — голый веник
13. Кукуй — отдаленное место
14. Головёшка — обгорелое полено
*15. Сус**é**дко — мифический житель дома*
*16. Варн**а**к — преступник, вор, хулиган*
17. Лопатина — одежда
*18. Фуз**é**я — ружье, заряжается с дула*
19. Бесшабашный — лихой, удалой
20. Няша — прибрежная жидкая почва
21. Сор — затопляемое место, луга
*22. П**á**дера — буря*
*23. П**á**ря — парень*

Сергей Мальгавко (фото) ▸
Уходящая натура

татьяна осинцева

исповедимый путь земной

Татьяна Осинцева — человек, внимательный к окружающим, ее перо всегда наготове, а душа ненасытна к впечатлениям. Неистощима ее тяга к литературе, в ней всегда горит желание заинтересовать как можно больше людей прекрасным миром литературных странствий. Очевидно, поэтому Татьяна так щедро делится своими поэтическими наблюдениями с читателями на своей страничке в Интернете. При этом она получает много отзывов, порой непредсказуемых.

Мы увидели в Татьяне Осинцевой самодостаточность и самобытность. Встреча с китайской Книгой Перемен определила ее творческий поиск, обострив внимание к живому миру, где сама природа учит мудрости и любви к земле, благодарности за подаренное свыше чудо жизни. В ее стихах при всей их широкой панорамности всегда присутствует уловленное мгновение, ускользающее от обычного взгляда.

Родилась Татьяна Осинцева в Свердловске. Окончила радиотехникум и Уральский государственный университет по специальности «История искусств». Много публиковалась в различных изданиях, участвовала в авторском проекте Александры Сашневой «Перекрестки» (русскоязычные поэты разных стран мира). В жанре драматургии написала либретто и сценарий к спектаклю «Каштанка» для Екатеринбургского театра кукол. Как драматург входит в состав Российского авторского общества.

Живет и работает Татьяна Осинцева в Екатеринбурге.

***

Что я помню наизусть,
То на сердце взято в точку.
Мерка малого росточка,
Что не просится из уст.

Помню летний вечерок,
Беготню, что так всесильна,
Помню санки, ветер синий,
Помню пушкинский «Пророк».

Помню лень, безбытный смех,
Книжной жажды упоенье,
Помню лестницы и пенье
Тех, кто молится за всех.

«Отче наш» опять помог...
Помню лупу, карту странствий,
Сказки Христиана Ганса.
(Старость — это просто срок.)

Как ни странно, но живёт
Этот дух, почти бессмертный,
Наизусть я помню смертно,
Кто по краюшку идет.

***

Дворовая галактика,
Дровяники с помойкою,
Барак — такая практика,
Свободная и стойкая.
Безденежная, пьяная
Окраина дощатая,
И голь весны желанная
Наполнена ребятами.
Равны — ровнее некуда,
Просты ли — тайна мнения,
И так бедны те бедные,
Что в долг дают последнее.
И там хохлы с татарами,
Еврейские соседушки,
Еще полячки старые,
Старообрядцы-дедушки.
И там сирени мощные,
И занавески строгие,
И тополя всенощные,
И никогда «убогие».
Мы были не убогие,
А братские согласные,
И знали, голоногие,
Секреты жизни царственной.
И задний двор — укрытие,
Секретики и фантики...
Родители, родители...
Кораблики и странники.

***

Я расставанью знаю цену.
Пришел как гость и вышел вон,
Тот свет, тот невечерний звон,
Я — Паганель и Папагено.

Я — проходящий мимо цели,
Февраль на августовском дне,
Я — рыба, спящая в окне,
Почтовый ящик, красный велик.

Я — временно молчащий камень
И придорожная трава,
Что подпирает те дрова,
Которым полюбился пламень.

И тот бедующий подросток,
Что не уходит. Просто врозь
Дрожащим стёклышком стрекоз...
Я — погорелый перекрёсток.

И вот, как яблоко заката,
И молчаливая родня...
И кто заплачет без меня,
Любовь ли вынянчит утрата?

***

О, пусть им будет хорошо
И в Бруклине, и в Ашкелоне,
И без поклона на газоне,
А просто в Генте дождь прошёл.
И там, где яркий сон — Париж,
И океан солёной плошкой
Дохнёт: присядем на дорожку,
А ты и так уже сидишь.

Ты здесь и по цепи кругом,
И Лукоморье изумрудно,
И сам в себе ты просто трудник,
Своей земли вечерний ком.
И туго ладится судьба
На огородах дыроватых,
Молчанье выстежет заплаты,
Деревня — хмель и ворожба.

И странно ладится судьба
На берегах отчизны дальней,
Где гроб качается хрустальный,
Свобода, будто бы божба,
Но Лукоморье правит срок,
И на Фонтанкиной слободке
Наш чижик дует рюмку водки
И думает, что ветер — Бог —

Рулит. Куда же плыть, куда?
Так жизнь скитается по шару
И одиночкою, и парой...
Домой вернёшься никогда,
Идя по улице чуть-чуть,
По Бруклину и Ашкелону,
И однозвучно, и бессонно
Родного дома не вернуть.

лао-цзы

Там, где чайный листок и цветы мэй-хуа,
Для живущих водица, роса и настой,
Где судьба — это сила и слабость гуа,
А поэт — и философ, и бражник простой.
Путь бессмертных нефритовым вымощен сном,
Рыбка грезит, мешая крыло и плавник,
Загляни в Млечный путь, как в небесный пролом,
И узнай пустоты зачарованный миг.
Узришь всадника — Дао — источник всего,
И держись за пустыню и хвостик быка,
«Я не знаю младенца мудрее его,
И моложе его не встречал старика».

***

И тайные лиловые бобы,
И сладкие горошины забавы,
И бодрый огурец усатой славы,
И дождь на огородине судьбы.

Укроп и хрен — понюхать, освежить
Всю полноту неощутимой власти,
У пирога черёмуховой сласти
Запомнить, как случается ожить.

Там зов игры, там опыт одинок
Для созерцанья внутреннего слога,
И всё происходящее нестрого —
Сюжет реки — начало всех дорог.

И я, как Бог, и это детский жест,
И в той лаборатории у лета
Учусь странице Ветхого Завета —
В ней отменён любой любви арест.

Так георгин, цветущий астронавт,
Архитектурой бредит для собора,
А долг травы расти без разговоров
И волновать именованье глав.

И там не грех, что семена легки,
И хлорофиллы ведают свободой,
И, окисляясь духом кислорода,
Побеги окрыляются в стихи.

***

Когда в капусте чудо ищут,
И дети выбирают нас,
И там росы бессмертной пища,
Сетчаткой пойман мира глаз.
Когда у лета посредине
Готовы признаки зимы,
И лист хрустит, как синий иней,
Арбузно пахнут окна тьмы.
Когда при солнечном прогнозе
День беззащитен и крылат,
И народился ангел в розе,
И плещется вишнёвый сад.
И там в кочан свивает лето
Свой живоносный хлорофилл,
Где фотографии рассвета
Влюбляют каменных сивилл,
И хрупки гении в природе,
Как будто бабочки в ночи,
И ходят запахи, и бродят,
Гремя, подземные ключи.
А мы у мира в колыбели
Качаем маятник «тик-так»
Волшебной палочкой метели,
Что приручает звёздный мрак.

***

На родные берега
Я смотрю издалека,
Не доплыть, не догрести,
Время тикает в горсти,
Там стоит мой старый дом,
Палисадник за окном,
Там крыльцо, где ждёт меня
Мой отец на небе дня,
Там татарник, иван-чай
И словечко «привечай»,
И к ночной грозе идёт
Тот черёд, что не гнетёт,
Расцветает невпопад
Луг лилов и розоват,
Чтоб на летних лапах кот
Птичку отпускал в полёт,
И открытия крыла
Воскрешали бы орла...
.....
А родные берега
Так близки издалека.

***

Ветер северный железный,
Как дракон змеится шалый,
По дороге жжёт окрестной,
Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы.

Что за поезд мчится мимо?
Деревянные вокзалы...
Это пульс дороги длинной,
Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы.

Это холод вещих скиний,
Что в морозные порталы
Шлёт огонь на стыни синей,
Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы.

Душу вывернет до донца
И снегами полушалок,
И в серебряное солнце —
Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы.

***

От площади в честь первой революции,
До улицы Февральской революции,
До улицы Октябрьской революции,
Сквозь улицы Урицкого и Валека,
И прочих коммунаров, и кровавого
Свердлова «со товарищи».
От улицы, что боком к пруду тянется
Рабочей молодёжью прямо к Ленину,
Что идолом чугунным понужается
Вести Свердловск к невидимому счастию,
Не хочешь сам, а всё равно пойдёшь!
До улиц Чернышевского и Горького,
И Розы Люксембург, и Карла Либкнехта,
Взойдём по Первомайской к Пионерскому
С бумажными цветами в почке тополя
И к площади ОДО — Советской Армии.

***

А есть ведь переулочки горбатые:
Мольера (у Зелёной рощи маленький),
Иль Сурикова, или Айвазовского...
Или Сиреневый бульвар Высоцкого!
(А фиг бы разрешили им название,
Когда б не первый МЖК в России-то
Построили при соснах Шарташа!)
И Лермонтов, и Грибоедов есть,
И даже, слава Богу, Гумилев.
Есть, безусловно, Александр Пушкин,
Бажов и Мамин-Сибиряк — по праву!
Есть улицы геройско-сквозняковые
Возвышенного прошлого и низкого,
Ложатся не маршрутами — дорогами,
Как горькая судьба и чёрный хлебушек.

***

Но только нет здесь улицы
В честь Осипа Эмильича,
Что в пересылке бедствовал
У мерзлого свердловского
Тюремного окна,
На улице, на Репина,
Близ церковки Предтеченской —
Через «намордник» мучила
Его сама страна.

***

В снегу по пояс не попляшешь.
Придёт ноябрь, и встанут реки,
Михайловских морозов слепки,
Филипповки. Запоминаешь

Кристаллы пресного лекарства
Для геометрии снежинок
И ярко-рыжих мандаринок —
Лисят любезное лукавство,

И с острой долькою лимона
На густоте небесной ткани,
Как будто пол-луны в стакане,
Где чай со звёздами для звона.

И сам себе наобещаешь
Сновидческие кругосветки,
Михайловских морозов слепки
На вкус, на цвет запоминаешь.

На тонком крестике собора
Летящий зоркий лучик алый...
И рельсы — остов, рёбра-шпалы,
Поваленные навзничь споры...

Запоминаешь «тихий Свете»...
А всё равно снега по пояс,
Но переправа — близкий голос
На грозном посвисте столетий.

светлана щёкина

этих лет неразменная память

Светлана Щёкина — журналист, живет в Екатеринбурге. Родилась она на далеком Севере, на Чукотке, вся ее юность прошла на Алтае, там она окончила школу. Затем был факультет журналистики в Ленинградском государственном университете. Получив диплом, работала в газете «Молодежь Алтая», на краевом радио «Юность Алтая». На Урале Светлана стала сотрудником газеты «На смену!» — этот период она вспоминает как очень интересную и суровую школу, потому что там работали талантливые и сильные журналисты. С приходом перестройки начался путь поисков. Светлана участвовала в создании новой газеты «Екатеринбургская неделя», возглавила ее и сумела обеспечить ее бесперебойный выход на долгие двенадцать лет...

В стихах Светлана Щёкина словно уходит от своих повседневных забот, и приоткрывается ее личный мир.

***

Утром скину одеяло,
По траве босой пройдусь.
Лет мне много или мало?
Разберусь.

Да что толку разбираться?
Солнце плещется в ведре.
Мне сегодня снова двадцать —
Ни морщинки на челе.

***

Какое время на дворе!
Уже тревожит что-то зиму,
Но иней робко серебром
Штрихует все-таки картину.

Легко сосулька сорвалась,
Снежок пока упруг, как мячик.
Всё как всегда, как много раз,
И развязал шарф русый мальчик.

***

Мне нужно совсем немного
От всех щедрот.
Пушистый лес. Зима.
Снежок. Дорога.
И сани — влёт!

***

День пришел. Он рано начат.
Я иду к тебе. Иначе
Возвращусь сама к себе.
Постою-ка в чистом поле,
Чтобы выстрадать всё горе
Или замереть от счастья
Под круженье облаков.

Кто мне объяснит, не знаю,
Что мечусь всегда по краю
Полосатого пространства,
А другого не видать.

Как делить на чет и нечет
Миг, а может, бесконечность
Незабвенной нашей встречи?..
Не додумать, не понять.
По тропе иду и знаю:
Ждешь меня в начале мая.
Ландышей не сосчитать...

***

Грибная пора. Прошли соловьиные трели.
Опятами вызрел приземистый мшистый пенек.
И гроздья рябины так красно, так щедро созрели,
И ярким восходом привычно алеет восток.

Пик утра. Искрятся холодные росы.
Дорога, петляя, ведет к заповедным местам...
И стройные копны, творения летних покосов,
Ведут хоровод в доверчивой близости к нам.

Вот груздь захрустел. Он хозяином вышел навстречу.
Паук-одиночка тихонько выводит узор.
Деревья стоят, устремившись верхушками в вечность.
И тишь нарушает нелепый теперь разговор.

***

Помнишь тот урожай красных яблок?
Будто тронул их отблеск зари...
И туманом налитый распадок,
И веселые летом дожди.

Собирали осенние листья —
Кружевной разноцветный узор.
Дни летели упрямо и быстро.
Счет за них нам еще не пришел.

Вот поля побелели, искрятся
В благодарность взошедшей луне...
Как же были наполнены счастьем
Дни в далеком теперь сентябре.

***

Автобус вышел. Дальняя дорога.
Гористый кряж прилип к голубизне.
Картин мельканье, чудная дорога —
Всё это мне, я верю, только мне...

Песчаный пляж. Отрок с отроковицей
Идут по водам, будто по земле.
Я знаю — это может сниться,
Но сниться мне, одной лишь только мне...

Вот берег. Здесь старик, седой и властный,
Всё думает о бренном на земле.
Уверена, что было не напрасно,
Когда махнул рукой он только мне.

***

Не облетать, как белая береза,
Не увядать, как роза в сентябре.
Ведь мы с тобой еще чего-то можем.
На этой грешной маленькой Земле.

Ведь мы с тобой не всё договорили...
Изменчива природа бытия.
Как несказанно молоды мы были!
Ах, память наша неразменная...

Всё в продолженье. Вот опять — зима.
На улицах Свердловска снега кладь.
Идет старик. Он ведает, куда.
Не стану его нынче обгонять.

***

Прощанье с летом. И всё мало
Плывущих в небе облаков,
Стяженного зеленым одеяла
Полей, лугов и облаков.

Лазурь высот пока безбрежна.
Открыто в палисад окно.
Но август вновь, как было прежде,
Встает на сильное крыло.

И улетает. Снова ветер
Закружит листьев карусель.
Вот и паук чего-то метит —
Как будто запирает дверь.

Игорь Подвысоцкий (фото) ▸
Побег из камня

Елена Минакова как фабзайчонок стал поэтом

Фото Михаила Борисова

Это человек из мира верящих в доброе начало, зовущих к мечте. 30 декабря 2014 года (12 января 2015 года по новому стилю) — 100 лет со дня рождения Вадима Шефнера, известного фантаста и поэта. Он родился в Петрограде, жил в Ленинграде, ушел из жизни в Санкт-Петербурге 5 января 2002 года и, согласно его воле, был похоронен без панихиды и прощальных речей. Остались его мудрые книги и сердечные воспоминания тех, кто его любил.

Вадим Шефнер был связан с нашим краем, участвовал в фестивале фантастики в Екатеринбурге, в 2000 году был награжден премией «Аэлита». А в 1994-м он был приглашен на Дни литературы в Тюмень, прислал сибирякам письмо.

В архиве «Проталины» хранятся фотография и автограф Вадима Шефнера. Были они получены как раз с тем самым письмом в Тюмень. Много позже состоялась наша беседа по телефону во время моей поездки в Санкт-Петербург. Этому разговору предшествовало мое глубокое увлечение его книгами с неукротимым фантазерством, с его сказочными советами «для умных».

Запомнился один шутливый, но далеко не простой совет — как надо жить, чтобы не было невзгод. А жить — по Шефнеру — надо по Закону брошенного щенка! Каждый проступок, каждое преступление следует немедленно гасить возмездием за него. Ибо, если проступок сразу же не погашен, он начинает существовать уже независимо от тебя, как щенок, выброшенный на улицу. Он шляется где-то, чем-то питается, растет — и, увы, зачастую вырастает в большую злую собаку. Однажды он может неожиданно наброситься на тебя из-за угла, норовя вцепиться в горло.

Свои фантастические произведения Шефнер определял как «полувероятные истории» или «сказки для умных». Кто-то из критиков называет его сказки притчами, кто-то бытовой фантастикой. Но, независимо от определения жанра, в самых различных рыцарских поединках на литературных турнирах мастер слова, пронизанного тонкой саркастичной иронией, нередко выходил победителем. В 2001 году в Санкт-Петербурге на Конгрессе российских фантастов он был удостоен премии «Паладин фантастики». В 2000-м в Екатеринбурге был признан лауреатом премии «Аэлита». Повести «Девушка у обрыва» (1965), «Дворец провинциала» (1967), а также роман «Лачуга должника» (1981) неоднократно переиздавались за рубежом. В 1985-м за книгу стихов «Годы и миги» он получил Государственную премию России имени Горького, а 1997-м — премию имени Пушкина в области поэзии.

В 1994 году в канун 50-летия Тюменской области в местной областной научной библиотеке устраивался большой литературный праздник с участием известных российских писателей и поэтов — Бориса Чичибабина (Харьков), Владислава Крапивина, Альфреда Гольда (Екатеринбург), Игоря Иртеньева (Москва). Тогда же был приглашен и питерский фантаст Вадим Шефнер. Инициатива собрать именно такой круг принадлежала молодому тюменскому литератору, главному редактору газеты «Живое слово» Константину Тихомирову. Ему удавалось вполне достойно для провинции организовывать встречи со столичной литературной братией, на страницах его газеты выступали известные всей стране писатели и поэты. Вадим Шефнер тогда не смог откликнуться на приглашение «из-за плохого здоровья». В последние годы он часто болел, жил скромно, возможности издаваться не имел, но, по его словам, продолжал работать.

Однажды, оказавшись в Санкт-Петербурге, я попыталась разыскать Вадима Сергеевича и пообщаться с ним. Мне это с трудом удалось и только по телефону:

— Вадим Сергеевич?

— Да.

— Как вы себя чувствуете?

Тогда писателю исполнилось 82 года. Он почти не ходил, почти не видел, был полузадушен астмой, однако, услышав про Тюмень, сразу же оживился: «А как у вас там с книжными магазинами? Книжки доходят?» «Книжная» тема была ему близка: только что вышел его сборник стихов «Архитектура огня» в московском издательстве «Интерфейс», в «Библиотеке Солнышкина» издали его сборник прозы. А до этого, в течение пяти лет, — ничегошеньки... Но он продолжал работать.

В трубке телефона — теплый голос, необычайно мягкие «ч»...

— Здоровье? К сожалению, похвастаться нечем. В то же время пожаловаться очень не могу — грех. Сейчас для писателей время нелегкое. Бумага дорожает, тиражи падают. 20 тысяч тираж — предел, а раньше — 100 тысяч... А вообще, я сейчас читатель плохой, потому что со зрением плохо. Шесть-семь лет назад сдал правый глаз, а левый уже в детстве не видел... И на фронте я был одноглазым. Но годы шли, лет десять назад пришлось прооперировать единственный правый. Сейчас снова. Но общее состояние такое...

— Ну а как у вас с творчеством?

— Работа медленно идет, потому что прозу нужно писать глазами, а я вижу слабо. А стихи слагаются в душе, и их я пишу каракулями, потом перепечатываю на машинке. Не глядя стучу.

— Вадим Сергеевич, а в жизни вам приходилось учить кого-нибудь уму-разуму так, как в ваших «Сказках для умных»?

— Если вдуматься, то найдешь и у самого себя мысли, которые совпадают с дурацкими, а в своей жизни — поступки, которые совпадают с дурацкими. Потому что абсолютных мудрецов не бывает...

— И все-таки считаете ли вы себя в общем человеком счастливым?

— Я бы не сказал, что... Не так уж я счастлив. Пришлось в детском доме пожить. Отец рано умер, когда мне было шесть лет. А мать в блокаду умерла. Одно время она была воспитательницей в детском доме в Старой Руссе. Я жил на равных правах с беспризорными ребятами: очень интересные люди были, и воспитатели — хорошие. Я вообще убежден, что хороших людей даже при плохих обстоятельствах больше, чем плохих. Потом я работал, учился. Высшего образования у меня нет. По образованию я кочегар, окончил фабзауч после семилетки — фабрично-заводское училище. Нас еще фабзайцами называли... Я и был фабзайцем, и работал на фарфоровом заводе «Пролетарий»... Потом первая печатная книжка стихов вышла в 1940 году — «Светлый берег». В 1957-м — книжка прозы. А в Союз писателей в 1939-м был принят по рукописи... Во время войны был в батальоне аэродромного обслуживания, потом в военной газете «Знамя Победы» под Питером. В 1943-м в голодном, обстреливаемом городе у меня вышла вторая книжка стихов «Защита» — тонюсенькая, в бумажном переплете, скромное издание, но дороже многих.

— Было ли время, когда вы чувствовали себя абсолютно благополучным?

— Я не могу пожаловаться, что в последние годы плохо жил, однако старость подступает... Иногда материально плохо было, но все-таки жизнь интересна, даже если трудна. И чем труднее, тем интереснее. А вообще-то, жаловаться на жизнь грешно: мы живем в такое интересное историческое время! Пусть несладко сейчас, однако наше время повлияет на многие поколения. Будем надеяться, что будет лучше, потому что человечество в целом достойно хорошего времени, благополучия.

— Вадим Сергеевич, для своей новой сказки вы уже придумали название?

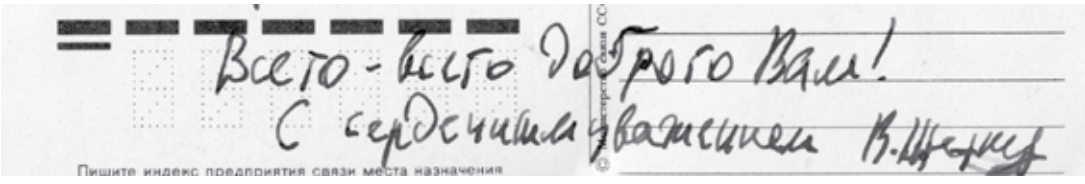
— Названия нет. И потом, я суеверный человек: скажу, как называется, а она может и не получиться. Бывает, что и не получается. Я полагаю, что нельзя хвастаться тем, чего еще не сделал. И вообще, хвастаться нехорошо... потому что еще и глупо.

Вот так. Щенок никогда не вырастет в большую злую собаку, пока в жизни будет сохраняться равновесие. Допустим, совершился плохой поступок, от которого тебе плохо, — и тут же чье-то сочувствие согреет тебя, и ты уже не помнишь о плохом...

На прощание Вадим Сергеевич пожелал:

— Здоровья вам на долгие-долгие годы вперед. Да будет так!

И в трубке раздались гудки...



Автограф на память.
Известному фантасту и поэту Вадиму Шефнеру – 100 лет! Он смотрел в мир глазами ребенка и обладал большой мудростью, воспринимая саму жизнь как великое чудо. Такие люди в любую эпоху остаются современниками и находят своего союзника-читателя. Его автограф хранится в архиве «Проталины»

Андрей Павлычев (фото) ▸

валерий левинзон

лучики ушедшего солнца

Здравствуйте, уважаемая редакция!

В одном доме случайно увидел «Проталину». Стал листать и почувствовал интерес. Пошел и купил. Давно не попадалось такое серьезное и разнообразное чтиво. Там самые разные люди из разных краев откровенно рассказывают о том, что переживают. Есть молодые авторы, есть интересные снимки.

Много говорить не умею, решил сказать о своем. Стихи я люблю, а они в журнале есть. Сразу проясню: поэтом себя не считаю, но иногда так сильно нахлынут чувства или размышления, что хочется поделиться хотя бы с бумагой. И вот таких моментов сколько-то накопилось. Все перерыл, и вот получилась подборка. Решил отправить на ваш суд, если не подойдет, не обижусь.

Спасибо за нужный простым людям журнал.

Несколько слов о себе. Родился в Свердловске в семье инженера и экономиста. В 1966 году закончил УПИ (Уральский политехнический институт). По специальности инженер-технолог керамики и огнеупоров. Работал в Институте огнеупоров инженером, старшим инженером, имею в соавторстве шесть свидетельств. В 1969 году был призван в ряды Советской Армии, там был командиром взвода средних танков. Проходил службу в Читинской области. Вот пока и все.

С уважением,
Валерий

***

Листая прошлого страницы,
Я вспоминаю отчий дом,
И подступает к горлу ком,
И трудно, больно сердцу биться.

Да, не нашел я главных слов
И был упрям и самоволен.
Да, только я один виновен,
Что стал чужим мне отчий кров.

***

Вспоминаю я порою
Маму очень молодой.
У нее росло нас трое.
Я был самый озорной.

Помню нашего дворнягу —
Как умел, нас охранял.
И, бывало, за отвагу
Сочный хрящик получал.

Помню двор наш неказистый,
Сеном пахнущий сарай,
Рукомойник серебристый,
По ночам собачий лай.

отцу

Да, давненько было...
Каска да очки.
Время уходило
Пламенем в печи.
Вместе воевали —
Ты и твой завод.
Танки вашей стали
Шли и шли на фронт...
От Электростали
До Урала путь.
Ордена, медали
Украшают грудь.
Но уходят годы,
Стало меньше сил.
Нет и той работы,
Что ты так любил.
.....
Жить и не сдаваться,
Пить — так уж до дна.
Жизнь, она прекрасна,
Только жаль — одна.

***

Помню годы молодые.
Тихий двор наискосок,
Твои косы золотые,
Твой веселый голосок.

И глаза твои шальные,
Губы теплые твои.
Наши радости земные,
Счастья сказочные дни.

Бесконечно вспоминаю
Этот двор наискосок,
Где теперь ты, я не знаю.
Где звенит твой голосок?..

***

Я помню тот вальсок.
Танцующие пары
И тайный твой кивок,
И тихий звук гитары.

И первый разговор,
И рук прикосновенье,
И старый тихий двор,
И головокруженье...

И тесный коридор
Хрущевской той квартирки.
И я, несущий вздор,
Когда снимал ботинки.

И солнца первый луч,
Поспешность в одеванье...
И тот заветный ключ
Для будущих свиданий.

экспромт

Услышат ли боги
Про наши тревоги,
Про знойное лето
Про новости света?

Простят ли нам боги,
Какие дороги
Мы выбрать решили
И чем заплатили?..

А нам остается
И в радость, и в горе
С собою бороться,
С богами не споря.

***

Я не могу тебя забыть
И не могу вернуться снова.
Мне нравилось тебя будить
Под крышей неродного дома.

Я так хотел с тобою быть!
Кому теперь твоя улыбка?
Душа не даст тебя забыть —
Моей печалью плачет скрипка.

***

Когда разведены мосты
И меркнет свет в конце туннеля,
Когда все чаяния пусты
И сердце бьется еле-еле,

Тогда уже невмоготу
Себя казнить за то, за это,
За сложность и за простоту,
За нарушение обета...

О, как мучительно любить,
Ждать встреч, как ждут восхода солнца...
По этой улице ходить
И на твое смотреть оконце.

***

«И море, и Гомер —
все движется любовью...»
О. Мандельштам

Возможно ли, что жизнь
И есть то волшебство,
Что ждет тебя?
Неужто это чудо,
Где ни коварства нет, ни блуда,
А есть лишь страсти светлой
Торжество?
И вера, и печаль,
Наверно, в нашей власти.
Проходит жизнь.
А надо ли жалеть,
Что не случилось кем-то заболеть
И в сердце мрак
Осеннего ненастья?..
Да, лишь любовь —
Источник вдохновенья —
Меняет жизнь.
И ты — уже не ты!
И ты сжигаешь прежние мосты,
Стремясь к любимой каждое мгновенье.

XIII ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС СМИ «ПАТРИОТ РОССИИ»

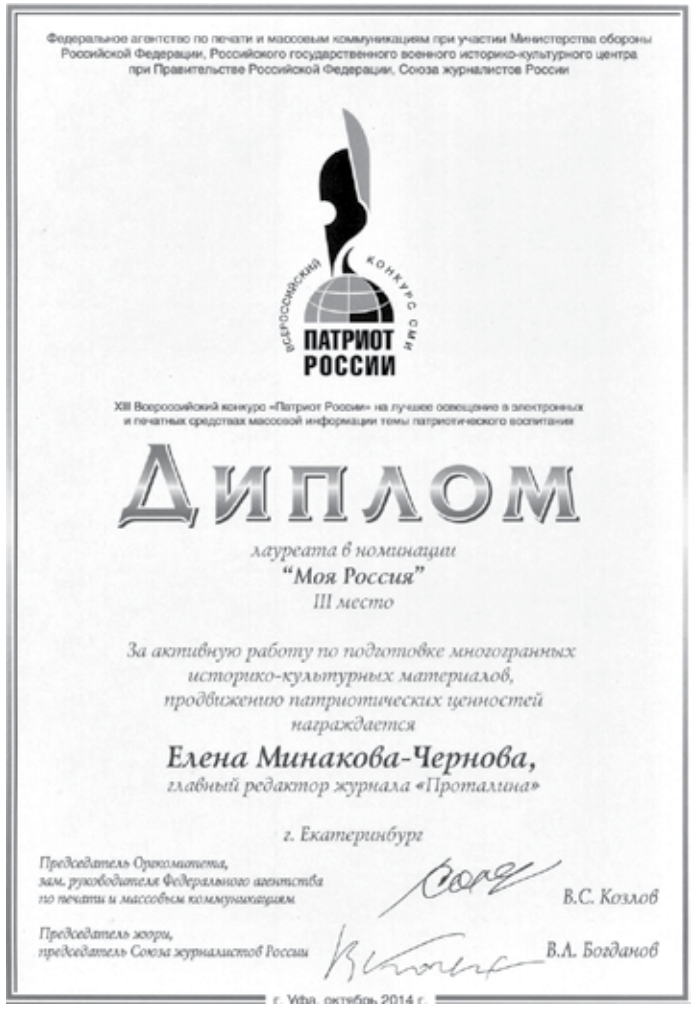
И снова «Проталина» удостоилась высокой награды! Это уже в шестой по счету раз журнал добивается признания жюри Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение в электронных и печатных средствах массовой информации темы патриотического воспитания.

29 октября 2014 года в столице Республики Башкортостан городе Уфе состоялось торжество по случаю вручения знаков отличия этого конкурса. «Проталине» вручен диплом лауреата в главной номинации «Моя Россия» — «За активную и последовательную работу по подготовке многогранных историко-культурных материалов, продвижению патриотических ценностей».

Уфа стала очередным городом, где, по решению учредителей конкурса, проходила церемония награждения победителей. Ранее такие мероприятия устраивались в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Великом Новгороде, Волгограде, Омске, Воронеже, Белгороде. Конкурс организуется Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) при участии Министерства обороны РФ, Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ (Росвоенцентр), Союза журналистов России и проводится в соответствии с государственной программой «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011—2015 годы».

По общему мнению, конкурс является самым массовым по количеству творческих работ. Нынче в нем участвовали представители 69 субъектов Российской Федерации, включая Республику Крым и город Севастополь. На федеральный этап поступило 3322 работы из 525 СМИ — это абсолютный рекорд за все годы работы конкурса. Предложенные материалы рассматривались по категориям «Телевидение», «Радио», «Газеты», «Журналы», «Интернет-проекты», «Фотоконкурс».

Радует такой внимательный подход к освещению проблем нашей России. Это придает новые силы и утверждает, что наш труд не напрасен.



Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям при участии Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации, Союза журналистов России

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС СМИ ПАТРИОТ РОССИИ

XIII Всероссийский конкурс «Патриот России» на лучшее освещение в электронных и печатных средствах массовой информации темы патриотического воспитания

ДИПЛОМ

лауреата в номинации
"Моя Россия"
III место

За активную работу по подготовке многогранных историко-культурных материалов, продвижению патриотических ценностей
награждается

Елена Минакова-Чернова,
главный редактор журнала «Проталина»

г. Екатеринбург

Председатель Оргкомитета,
зам. руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям — В.С. Козлов

Председатель жюри,
председатель Союза журналистов России — В.А. Богданов

г. Уфа, октябрь 2014 г.

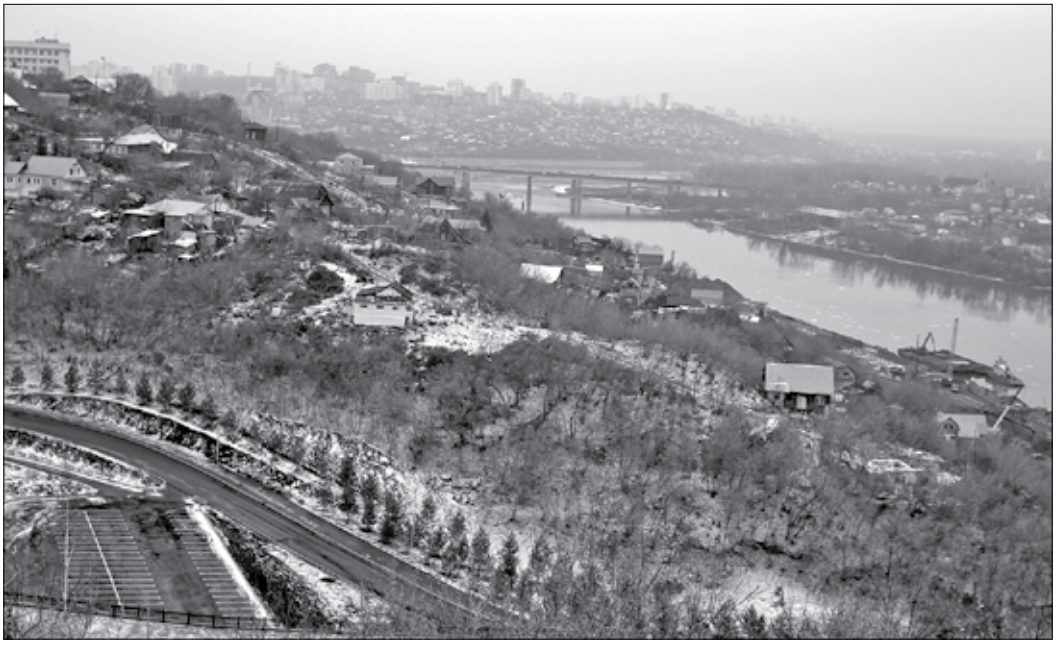
Впечатления от встречи с Уфой

Башкирский государственный академический театр драмы имени Мажита Гафури. Здесь состоялось награждение лауреатов конкурса «Патриот России»

Торжественное открытие церемонии награждения участников конкурса «Патриот России»

Журнал «Проталина» получает диплом лауреата в главной номинации «Моя Россия»

Памятник народному герою Салавату Юлаеву. Он установлен на утесе над рекой Белой в исторической части города. Это самая большая конная скульптура в России, высотой около 10 метров. История помнит Салавата как поэта-воина и борца за свободу своего народа. О нем родилось и продолжает жить немало легенд, овеянных его беспримерной храбростью и удалью, они передаются из поколения в поколение



Уфа основана в 1574 году. Этот город с запада на восток можно пройти пешком. Зато с севера на юг он протянулся аж на 55 километров!

С городских холмов можно видеть широкую панораму реки Белой, вобравшую в себя воды рек Уфа и Дёма. «Исторически суждено было моему народу оказаться на стыке двух континентов — Европы и Азии. Это не просто стык материков, это рубеж двух культур, двух судеб — европейской и азиатской», — писал поэт Мустай Карим, мечтавший о том, чтобы поэзия впитала в себя мудрость Востока и активный разум Запада

Легко парит в воздухе куница — символ герба города

На улице Мустая Карима можно встретить наличники, столь привычные русскому взгляду. Здесь свято хранят память народного поэта Башкортостана, чье имя дано улице. Здесь особенно живо звучат его строки:

С башкиром русский —
спутники в дороге,
Застольники — коль брага на столе,
Соратники — по воинской тревоге,
Навеки сомогильники — в земле.

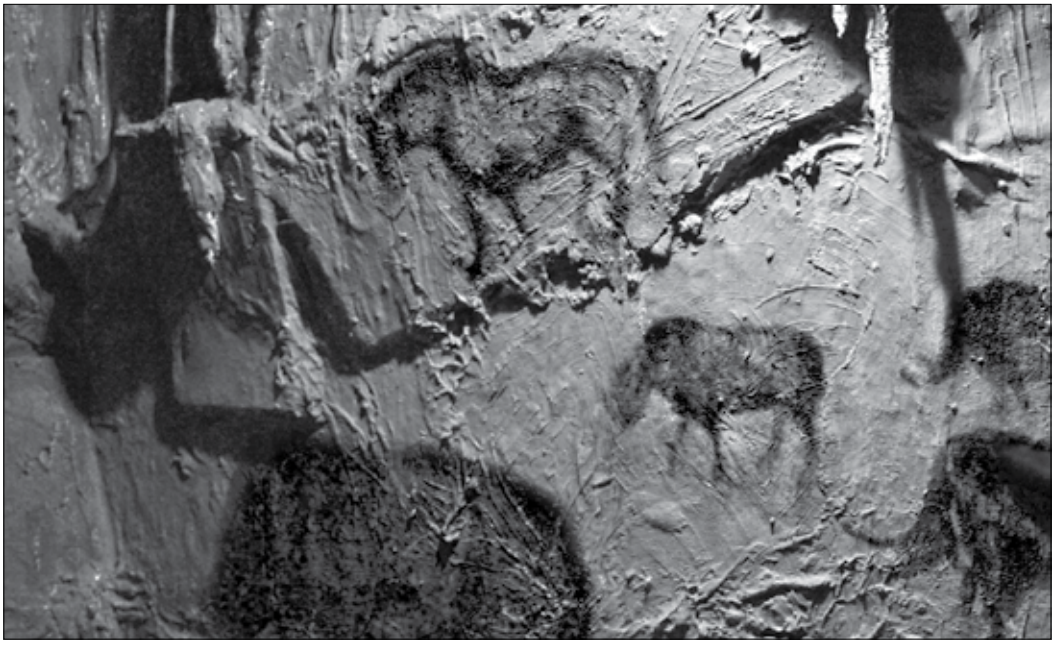
Над рекой возвышается сооруженный в 1957 году монумент с высеченными в камне словами: «Слава великой братской дружбе русского и башкирского народов»

У дома Правительства Республики Башкортостан в разгар рабочего дня идет обычная спортивная разминка без оглядки на высокие стены. Привычно видеть молодые лица в историческом центре города. Здесь очень много вузов, только государственных из них больше десятка. Есть академия искусств, медицинский университет, авиационный технический университет… все как будто собрано в единую «горсть»

Отсюда можно послать весточку в любой уголок России

По-домашнему притулился к дереву книжный «скворечник» с радушным предложением почитать и вернуть. В этой республике литература издается на шести языках, потому что здесь дружно объединились башкиры, русские, татары, чуваши, марийцы, украинцы, мордва… Местное население слывет самым читающим в России.

Исторически Уфа стала центром российских мусульман. Но здесь свободно дышится людям любой веры. На снимке памятник культовой архитектуры начала XX века — Четвертая соборная, или «Хакимовская» мечеть на улице Бекетовской (ныне Мустая Карима, 11). Здание выстроено в 1908 году уфимским купцом Хакимовым, проживавшим по этой же улице.



Споры о возрасте Уфы не утихают до сих пор. Еще в пору палеолита в этих местах имелись поселения первобытных людей. Примечательно, что на территории республики найдено около 800 пещер, среди которых есть уникальные природные памятники, считавшиеся народами Южного Урала священными. Крупнейшая из них — Шульган-Таш, на ее стенах сохранились рисунки, изображающие древних животных. Этому периоду посвящена археологическая экспозиция в Национальном музее Башкортостана.

Надя Панчина (фото)

Нина Волченко

Ночное

Светлеет ночь,
В тумане тонет.
В лугах, за белою рекой,
Парок струится голубой,
И жеребят целуют кони.

Осеннее

Мне тишины всегда недоставало.
Живу бегом.
Дни гонит время-кнут.
А вечер тих.
Закат зажегся вяло,
Там на пустых аллеях листья жгут.
Прозрачны кроны,
Небеса спокойны,
Красой последней радуют цветы.
И сумерек сиреневые волны
Уносят напряженье суеты.
Огонь в печи мир божий славит,
Приветно вьется дым над крышей.
Открыть стихи, букетик астр поставить…
Мой теплый дом покоем дышит.